

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ
АКАДЕМИЯ
ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ

РАНХиГС САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

ISSN 2949-3625

СЕТЕВОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ **НОВИЗНА. ЭКСПЕРИМЕНТ. ТРАДИЦИИ**

Novelty

Experiment

Traditions

N.Ex.T

КАРЬЕРА В НАУЧНОМ СООБЩЕСТВЕ

Научная траектория «абитуриент – кандидат наук» позволит приобрести и развить исследовательские навыки в сообществе единомышленников и преподавателей, а также внести собственный научный вклад

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ

Российский научно-практический журнал
(сетевое издание)

ISSN 2949-3625

Новизна. Эксперимент. Традиции Н.Экс.Т

Novelty. Experiment. Traditions
N.Ex.T

Журнал является периодическим сетевым научно-практическим, образовательным изданием, в котором публикуются результаты теоретических и практических исследований по отраслям науки, образовательным направлениям специальностей и направлений подготовки для обучения по образовательным программам среднего профессионального образования и высшего образования, которые реализуются в Северо-Западном институте управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Том 12, выпуск № 1 (33) – 2026

Издается с 2015 года,
выходит 4 раза в год

Санкт-Петербург
2026

Главный редактор: Алёхина И. С. — доцент кафедры конституционного и административного права ЮФ СЗИУ РАНХиГС, кандидат юридических наук, доцент, действительный государственный советник Санкт-Петербурга 3-го класса

Редактор: Вильман И. Е.

Председатель редакционной коллегии: Азаров А. А. — проректор по науке РАНХиГС, кандидат технических наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Азаров А. А. — проректор по науке РАНХиГС, кандидат технических наук

Алёхина И. С. — главный редактор журнала, доцент кафедры конституционного и административного права ЮФ СЗИУ РАНХиГС, кандидат юридических наук, доцент, действительный государственный советник Санкт-Петербурга 3-го класса

Баженова О. И. — доцент кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор юридических наук

Буланакowa М. А. — заведующая кафедрой международных отношений ФМОПИ СЗИУ РАНХиГС, кандидат исторических наук

Ворона А. А. — доцент кафедры менеджмента СЗИУ РАНХиГС, кандидат экономических наук, доцент

Ганц Н. В. — доцент кафедры иностранных языков и лингвистики СПбГИК, профессор Языкового центра в АНООВО «Европейский университет в Санкт-Петербурге», доцент кафедры иностранных языков СЗИУ РАНХиГС, кандидат филологических наук, доцент

Кашина М. А. — ведущий научный сотрудник Научно-исследовательской лаборатории стратегического планирования и евразийской интеграции СЗИУ РАНХиГС, профессор кафедры социальных технологий, кандидат философских наук, доктор политических наук, доцент

Колесников В. Н. — доктор политических наук, профессор

Межевич Н. М. — г.н.с. Научно-исследовательской лаборатории стратегического планирования и евразийской интеграции СЗИУ РАНХиГС, г.н.с. Института Европы РАН, президент Ассоциации прибалтийских исследований, доктор экономических наук, профессор

Соловьева А. К. — заведующая кафедрой конституционного и административного права ЮФ СЗИУ РАНХиГС, кандидат юридических наук, доцент

Тулупьева Т. В. — советник проректора по науке РАНХиГС, кандидат психологических наук, доцент

Цыганкова И. В. — профессор кафедры экономики СЗИУ РАНХиГС, доктор экономических наук, профессор

Чубинская-Надеждина С. В. — доцент кафедры экономики ФЭФ СЗИУ РАНХиГС, кандидат экономических наук, доцент

Шепелева С. В. — доцент кафедры уголовного права ЮФ СЗИУ РАНХиГС, кандидат юридических наук, доцент

Шишкин В. В. — заведующий отделом всеобщей истории Санкт-Петербургского Института истории Российской академии наук, доктор исторических наук, доцент

Шматко А. Д. — директор ФГБУН «Институт проблем региональной экономики Российской академии наук», доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии образования, почетный работник науки и высоких технологий РФ

Журнал: <https://www.nxtjournal.ru>.

Адрес редакции:

199004, Санкт-Петербург, 8-я линия В.О., д. 61, тел.: (812) 335-94-72, 335-42-10.

E-mail: stud_editor-sziu@ranepa.ru.

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации: серия Эл № ФС 77-82820 от 18 февраля 2022 г. («Новизна. Эксперимент. Традиции» (Н.Экс.Т) / «Novelty. Experiment. Traditions» (N.Ex.T)) (С 2014 по 2021 г. журнал выпускался под названием «Administrative Consulting», свидетельство о регистрации СМИ: Эл № ФС 77-59415 от 22 сентября 2014 г.)

ISSN 2949-3625 (для «Новизна. Эксперимент. Традиции»), ISSN 2713-3230 (для «Administrative Consulting»).

Публикуемые материалы прошли процедуру рецензирования и экспертного отбора.

Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей.

При перепечатке ссылка на «Новизна. Эксперимент. Традиции» (Н.Экс.Т) / «Novelty. Experiment. Traditions» (N.Ex.T) обязательна.

Статьи размещаются в Научной электронной библиотеке, доступной по адресу: <http://elibrary.ru>.

© Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2026

© Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2026

© Все права защищены.

СОДЕРЖАНИЕ

1. **Комелькова Полина Дмитриевна.**
Трансформация мотивации труда в России: от древности к современности
Научный руководитель: **Конягина Мария Николаевна**, д-р эконом. наук, доцент 6
2. **Алексеева Ольга Витальевна**
Завуалированные формы взяточничества: проблемы уголовно-правовой квалификации и право-
применения
Научный руководитель: **Глухов Евгений Александрович**, канд. юрид. наук, доцент.....21
3. **Орлова Екатерина Андреевна**
Кластерный подход в анализе социально-экономического положения Санкт-Петербурга
Научный руководитель: **Полянская Светлана Владимировна**, канд. тех. наук, доцент.....31
4. **Афанасьев Владимир Александрович**
Цифровой рубль: между технологическим прорывом и правовой неопределенностью
Научный руководитель: **Иванюженко Андрей Борисович**, канд. юрид. наук, доцент43
5. **Андреев Артем Александрович**
Технологии искусственного интеллекта в системе таможенного администрирования: возможно-
сти, барьеры и перспективы цифровой трансформации
Научный руководитель: **Кудрявицкая Татьяна Сергеевна**, канд. юрид. наук, доцент53
6. **Ходырева Арсения Александровна**
Рост правого евроскептицизма в Западной Европе
Научный руководитель: **Лисенкова Алена Денисовна**, канд. полит. наук63
7. **Снигирев Богдан Алексеевич**
Дискурс о единой Европе и проблема нормализации истории Германии
Научный руководитель: **Кусакин Даниил Всеволодович**, старший преподаватель75
8. **Агрызков Андрей Алексеевич, Александров Роман Викторович, Калашникова Алина Владими-
ровна, Логанов Дмитрий Андреевич**
Влияние заданных правил игры на процесс принятия решений: результаты социального экспе-
римента
Научный руководитель: **Тулаева Светлана Александровна**, канд. социол. наук, доцент87
9. **Вихрова Анастасия Вячеславовна**
Право на достойный уровень жизни: международно-правовые основы обеспечения
Научный руководитель: **Чимаров Николай Сергеевич**, канд. юрид. наук, доцент..... 101
10. **Мохова Настасья Андреевна**
Уголовная ответственность за порчу земель в отдельных государствах — участниках СНГ: срав-
нительно-правовой анализ и проблемы правоприменения
Научный руководитель: **Касторская Елена Владимировна**, канд. юрид. наук 113

CONTENTS

1.	Polina D. Komelkova Transformation of Labor Motivation in Russia: from Antiquity to Modernity Academic Supervisor: Mariia N. Koniagina , PhD of Economic Science, Associate Professor	6
2.	Olga V. Alekseeva Disguised Forms of Bribery Academic Supervisor: Evgeny. A. Glukhov , PhD in Jurisprudence, Associate Professor	21
3.	Ekaterina A. Orlova Cluster Approach in the Analysis of the Socio-Economic Situation of St. Petersburg Academic Supervisor: Svetlana V. Polyanskaya , PhD of Technical Sciences, Associate Professor	31
4.	Vladimir A. Afanasyev The Digital Ruble: Between Technological Breakthrough and Legal Uncertainty Academic Supervisor: Andrei B. Ivanujenko , PhD in Jurisprudence, Associate Professor	43
5.	Artyom A. Andreev Artificial Intelligence Technologies in Customs Administration: Opportunities, Barriers, and Prospects for Digital Transformation Academic Supervisor: Tatyana S. Kudryavitskaya , PhD in Jurisprudence, Associate Professor	53
6.	Arseniia A. Hodyreva The Rise of Right-Wing Euroscepticism in Western Europe Academic Supervisor: Alena D. Lisenkova , PhD in Political Sciences.....	63
7.	Bogdan A. Snigirev The Discourse on a United Europe and the Problem of Normalizing German History Academic Supervisor: Daniil V. Kusakin , senior lecturer	75
8.	Andrey A. Agryzkov, Roman V. Alexandrov, Alina V. Kalashnikova, Dmitry A. Loganov The Influence of Given Game Rules on the Decision-Making Process: Results of a Social Experiment Academic Supervisor: Svetlana A. Tulaeva , PhD in Sociological, Associate Professor	87
9.	Anastasiia V. Vikhrova The Right to a Decent Standard of Living: The International Legal Framework for Ensuring Academic Supervisor: Nikolay S. Chimarov , PhD in Jurisprudence, Associate Professor	101
10.	Nastasia A. Mohova Criminal Liability for Damage of Land in Certain Cis Member States: A Comparative Legal Analysis and Problems of Law Enforcement Academic Supervisor: Elena V. Kastorskaya , PhD in Jurisprudence	113

Трансформация мотивации труда в России: от древности к современности

Комелькова Полина Дмитриевна, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Северо-Западный институт управления, Санкт-Петербург, Российская Федерация

студентка 4-го курса бакалавриата факультета экономики и финансов;

e-mail: pkomelkova-22@edu.ranepa.ru

Научный руководитель:

Конягина Мария Николаевна, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Северо-Западный институт управления, Санкт-Петербург, Российская Федерация

E-mail: konyagina-mn@ranepa.ru

Аннотация

Введение: в статье рассматривается мотивация персонала через призму времени в российской истории. Проблема исследования заключается в необходимости преодоления поколенческих вызовов при формировании современных мотивационных систем в организациях.

Материалы и методы: целью исследования стало выявление действенных инструментов мотивации труда для современной отечественной молодежи на основе сравнительного анализа эволюции такой мотивации в России на разных исторических этапах. В процессе исследования проведен контент-анализ, а также систематизация и обобщение исторических материалов и научных работ по теме, применен индуктивный подход для выявления исторических взаимосвязей в мотивации и наиболее эффективных стимулов в трудовых отношениях.

Результаты исследования и их обсуждение: в рамках трех исторических периодов изучены общие и специфические инструменты стимулирования работников, определены их преимущества и недостатки для результативности производства, на основе чего показан генезис мотивации персонала и его влияние на производительность труда.

Выводы: в условиях стремительной цифровизации и глобализации необходимо учитывать, что в основе мотивации современных сотрудников лежат их ценности и потребности. Модель мотивации должна включать понятную корпоративную культуру, материальные стимулы, социальные гарантии, возможность соблюдать баланс между работой и личной жизнью, профессиональное развитие и карьерный рост. Именно в таких условиях у современного поколения сформируется сильная внутренняя мотивация к работе.

Ключевые слова: мотивация труда, мотивация персонала, модели мотивации труда, поколение Z, стимулирование работников, система поощрений, мотивация поколения Z.

Для цитирования: Комелькова П. Д. Трансформация мотивации труда в России: от древности к современности // Новизна. Эксперимент. Традиции (Н.Экс.Т). – 2026. – Т. 12, № 1 (33). – С. 6–20.

Transformation of Labor Motivation in Russia: from Antiquity to Modernity

Polina D. Komelkova, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, North-West Institute of Management (Saint Petersburg, Russian Federation)

BA student, Faculty of Economics and Finance

E-mail: pkomelkova-22@edu.ranepa.ru

Academic Supervisor:

Mariia N. Koniagina, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, North-West Institute of Management (Saint Petersburg, Russian Federation)

E-mail: konyagina-mn@ranepa.ru

Abstract

Introduction: This paper explores employee motivation through the lens of time in Russian history. The research issue consists in the necessity to overcome generational challenges when constructing modern motivation systems in organizations.

Materials and Methods: The research aims to identify effective tools to enhance labor motivation of the young Russian people, building on the comparative analysis of the evolution of such motivation in Russia across different historical periods. The study employs content analysis, as well as the systematization and generalization of historical materials, and research works on the subject. An inductive approach is applied to reveal historical interconnections in motivation, and the most effective incentives in work relations.

Research Results and Discussion: Within the framework of three historical periods, both general and specific tools for employee incentivizing are examined, specifying their advantages and disadvantages for performance efficiency. Building on this analysis the author shows the genesis of staff motivation, and its impact on labor productivity.

Conclusions: In the context of rapid digitalization and globalization, it is essential to recognize that the motivation of contemporary employees is grounded in their values and needs. The motivation model should encompass a clear corporate culture, material incentives, social guarantees, the possibility of achieving a work-life balance, as well as professional growth, and career development. It is under such conditions that a strong intrinsic motivation to be in work will be enhanced in the modern generation.

Keywords: labor motivation, personnel motivation, models of labor motivation, Generation Z, employee stimulation, incentive systems, motivation of Generation Z.

For citation: Komelkova, P. D. (2026) Transformation of Labor Motivation in Russia: from Antiquity to Modernity // *Novelty. Experiment. Traditions (N.Ex.T)*. Vol. 12, No. 1 (33). Pp. 6–20.

ВВЕДЕНИЕ

Мотивация персонала играла одну из ключевых ролей в разработке стратегии управления персоналом любой компании во все времена. Особую актуальность вопрос о мотивации труда приобретает с выходом на рынок поколения Z, которое кардинально отличается от предыдущих поколений. По данным исследования международной компании Hays, основными факторами нематериальной мотивации для поколения Z являются дружный коллектив и возможность карьерного роста¹. Представители поколения Z готовы сменить компанию, профессию или отрасль, если в процессе выполнения своих обязанностей поймут, что

¹ Поколение Z на рынке труда: исследование Hays // Hays, международная рекрутинговая компания: официальный сайт. – URL: <https://inside-pr.ru/archives/10097> (дата обращения: 08.04.2025).

занимаются не тем, что им нравится, в отличие от старшего поколения бумеров, которые могут оставаться на одной должности всю жизнь, потому что ценят стабильность и социальные гарантии. Согласно последней статистике Росстата, уровень безработицы среди молодого населения последовательно снижается. Если в 2018 году он был 15,3 %, то на 2023 год уже составлял 10,4 %, что демонстрирует возможность полного трудоустройства поколения Z в будущем². Однако существует риск снижения производительности, отсутствия желания стремиться к высоким результатам из-за недостатка трудовых ресурсов на рынке.

Результаты исследования Deloitte Global Human Capital Trends 2025 показывают, что большинство сотрудников сегодня движимы широким спектром мотивов: только 33 % назвали финансовое вознаграждение главным фактором, в то время как для 22 % важны гарантии занятости и стабильность, для 18 % — командная работа, для 15 % — возможность обучения и для 17 % — карьерный рост³. Эти данные подтверждают необходимость развития гибких мотивационных систем, в том числе адаптированных под разные поколения.

Эти отличия поколений требуют разработать новые системы мотивации и создать действенные подходы по удержанию ценных кадров, что делает исследование актуальным и своевременным. Мы верим, что в эволюции трудовых отношений скрыто немало полезного опыта, который может быть применим в наше время. Поэтому, чтобы разобраться в эффективной мотивации современных сотрудников, проследим, как менялись подходы к стимулированию трудящихся на протяжении разных исторических эпох.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Практическая значимость исследования заключается в разработке подходов к созданию более эффективной системы мотивации труда молодого поколения, учитывающих глубокие исторические и культурные особенности российского работника, что позволит расширить мотивационный инструментарий современных компаний и HR-специалистов. Выводы исследования могут быть полезны государству для разработки социально-экономической политики, направленной на повышение производительности и удовлетворенности трудом.

Таким образом, *целью* исследования стало выявление действенных инструментов мотивации труда для современной отечественной молодежи на основе сравнительного анализа эволюции мотивации труда в России. Для этого решены следующие *задачи*: 1) изучить понятие мотивации труда и ее восприятие современной молодежью; 2) провести анализ систем мотивации труда в ключевые исторические периоды; 3) выявить взаимосвязь между внутренней и внешней мотивацией в различных социально-экономических условиях; 4) установить влияние исторически сложившихся моделей мотивации на современные трудовые отношения и вычленив наиболее результативные.

Объектом исследования избраны наемные сотрудники компаний в исторической ретроспективе и современности, а *предметом* исследования — эволюция отношений между работником и работодателем в контексте стимулирования трудовой деятельности.

В российском научном обществе изучением мотивации труда занимались такие ученые, как Е. П. Ильин⁴, А. Н. Леонтьев⁵, В. А. Ядов⁶ и другие. Эти ученые рассматривали

² Рабочая сила, занятость и безработица в России: статистический сборник // Росстат. М., 2024. 152 с.

³ 2025 Global Human Capital Trends: Turning tensions into triumphs: Helping leaders transform uncertainty into opportunity // Deloitte Insights. 2025.

⁴ Ильин Е. П. Мотивация и мотивы: научно-популярное издание. СПб.: Питер, 2003. 512 с.

⁵ Леонтьев А. Н. Потребности, мотивы и эмоции. М.: Изд-во Московского ун-та, 1971. 40 с.

⁶ Ядов В. А. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: диспозиционная концепция. НИУ ВШЭ, 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЦСПиМ, 2013. 374 с.

проблемы стимулирования труда персонала, разрабатывали новые модели и теории о мотивации. Здесь важно отметить, что работ по проблеме мотивации персонала существует немало. И как отмечал А. Н. Леонтьев: «В настоящее время по проблеме мотивов имеется огромное количество работ. Они, однако, почти не поддаются систематизации — до такой степени различны те значения, в которых употребляется в них термин “мотив”»⁷. Тем не менее анализ эволюции мотивации труда остается важным для формирования перспективных подходов к управлению персоналом.

Е. П. Ильин разрабатывает интегральную концепцию мотивации в своем фундаментальном труде «Мотивация и мотивы»⁸. Развивая идеи С. Л. Рубинштейна, автор утверждает, что мотивы составляют ядро личности. Его работа особенно полезна для анализа трансформации стимулов, так как объясняет мотивационные модели советского периода, помогает понять современные тенденции, объединяет исторические и актуальные теории мотивации и дает критерии для исторического анализа мотивации персонала.

Е. П. Костенко в статье «Российская модель управления персоналом: предпосылки формирования и особенности»⁹ проводит комплексный анализ определяющих факторов формирования национальной российской HR-модели. Автор подробно анализирует особенности и инструменты управления персоналом в советский период, где прослеживается трансформация инструментов стимулирования и условий труда. Используя результаты ее исследования, мы сможем изучить подходы к мотивации труда в исторической перспективе.

И. М. Попова и Т. П. Бессокирная в статье «Изменилась ли мотивация труда рабочих в 1990-е годы?»¹⁰ связывают трансформацию трудовой мотивации с переменами социально-экономических условий в стране. Авторы приводят результаты крупномасштабных социологических исследований трудовой деятельности 1960–1980-х годов, что поможет нам охарактеризовать внутреннюю мотивацию советского человека.

В. А. Ядов выделил различие между «мотивами-суждениями» и побуждениями, что показывает реальные мотивы работников в советский период¹¹. Как отмечал ученый, трансформация труда в России носит нелинейный характер. Вклад В. А. Ядова в изучение мотивации труда помогает проанализировать эволюцию трудовых побудительных моделей.

А. Н. Леонтьев объясняет психологию мотивации труда. Как отмечал этот ученый, мотив является не абстрактной целью, а конкретным предметом, способным удовлетворить актуальную потребность¹². Теория А. Н. Леонтьева объясняет трансформацию потребностей и ценностей общества в разные исторические эпохи.

В качестве материалов исследования были использованы научные статьи и труды российских ученых. В процессе исследования использованы такие общенаучные методы, как сбор и обобщение вторичной информации, анализ и синтез, систематизация и визуализация. Обобщение этапов генезиса мотивации труда в разные исторические периоды потребовало применения метода сравнения. Важным этапом при работе с теоретическими трудами о стимулировании работников стало применение контент-анализа и индуктивного подхода.

⁷ Леонтьев А. Н. Потребности, мотивы и эмоции. М.: Изд-во Московского ун-та, 1971. С. 13.

⁸ Ильин Е. П. Мотивация и мотивы: научно-популярное издание. СПб.: Питер, 2003. 512 с.

⁹ Костенко Е. П. Российская модель управления персоналом: предпосылки формирования и особенности // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2017. № 4. С. 35–44.

¹⁰ Попова И. М., Бессокирная Г. П. Изменилась ли мотивация труда рабочих в 1990-е годы? Методология и методы изучения, результаты и перспективы исследования // Мир России. 2005. № 4. С. 105–137.

¹¹ Ядов В. А. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: диспозиционная концепция. НИУ ВШЭ, 2-е изд., перераб. и доп. М: ЦСПиМ, 2013. 374 с.

¹² Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. С. 93.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Что такое мотивация труда? Согласно определению Л. В. Карташовой, «мотивация — процесс сопряжения целей предприятия и целей работника для наиболее полного удовлетворения потребностей обоих, это система различных способов воздействия на персонал для достижения намеченных целей и работника, и предприятия»¹³. Мы видим, что мотивация — это сложный двусторонний процесс, где работодатель с помощью материальных и нематериальных стимулов создает условия для удовлетворения ключевых потребностей персонала, при этом достигая целей деятельности предприятия.

Трудовая деятельность занимает большую часть жизни человека, и ключевым фактором продуктивности в профессиональной сфере сотрудника выступает мотивационная система. Когда организация выстраивает сбалансированную систему мотивации, соответствующую всем уровням пирамиды Маслоу — от базовых потребностей до вершины в виде самореализации, возникает синергетический эффект. Сотрудник испытывает глубокую профессиональную удовлетворенность и демонстрирует максимальную продуктивность, реализуя стратегические цели компании.

Виды мотивации труда. Разработано множество классификаций мотивации персонала. Рассмотрим основные и наиболее известные виды и классификации мотивации персонала. В системе мотивации персонала выделяют *материальную* и *нематериальную* мотивацию труда, *внутреннюю* и *внешнюю*, а также ее делят по *применяемым методам* и *целевой аудитории*.

По форме стимулирования существует материальная мотивация, к которой относятся денежные выплаты, процент от продаж, медицинское обслуживание, оплата обучения, корпоративное жилье и другое. Но эта система часто имеет кратковременный эффект. Как отмечал П. Гольбах, потребности человека бесконечны¹⁴, запросы сотрудников со временем растут, что ведет к увеличению затрат, при этом даже при высоких выплатах работник может оставаться неудовлетворенным.

К нематериальной мотивации относятся: карьерный рост, признание, гибкий график работы, комфортная корпоративная культура, здоровый психологический климат в коллективе и возможность самореализации. В отличие от материальной, нематериальная мотивация формирует лояльность и эмоциональную привязанность к компании. Даже в сложные периоды сотрудник, чувствующий ценность своих идей и поддержку, с большей вероятностью останется в организации. Особенно важна такая система для специалистов интеллектуального труда, для которых ключевыми факторами являются возможность развития, признание и свобода реализации проектов.

Необходимо учитывать, что разграничение на внутреннюю и внешнюю мотивацию относится к субъективному восприятию работника, а не к организационным процессам. Глубинные мотивы сотрудника не всегда очевидны. Внешнее поведение сотрудника может расходиться с его личными соображениями — как в сторону более высоких личных ценностей, так и в сторону скрытого демотивирующего фактора.

Внутренняя мотивация основывается на личных интересах, ценностях и получении удовольствия от работы. Она опирается на удовлетворение внутренних потребностей, таких как самореализация, развитие, творчество, общественное признание и другие. Этот вид мотивации имеет долгосрочный эффект.

Внешняя же мотивация связана с вознаграждениями или наказаниями. Она измеряется денежными вознаграждениями или штрафами, статусом, страхом увольнения или

¹³ Токарева Ю. А., Глухенькая Н. М., Токарев А. Г. Мотивация трудовой деятельности персонала: комплексный подход: монография. Шадринск: ШГПУ, 2021. С. 17.

¹⁴ Ильин Е. П. Мотивация и мотивы: научно-популярное издание. СПб.: Питер, 2003. С. 10.

лишения социального пакета. Такая мотивация дает быстрый результат, но не имеет долгосрочных перспектив, потому что может, наоборот, снижать внутреннюю заинтересованность работника в деятельности.

Таким образом, эффективная система мотивации должна включать различные подходы, делая основной акцент на внутренних и нематериальных факторах как основе устойчивой вовлеченности сотрудника, при этом рационально используя материальные стимулы для решения тактических задач.

Генезис мотивации труда. Мотивация труда в разные эпохи отражает разные ценности и приоритеты общества. Сегодня, когда профессиональная среда переживает радикальные изменения из-за цифровизации и смены поколенческих ценностей, исследование эволюции мотивации становится принципиально значимым не только для отдельных предприятий, но и для стабильной работы национальных отраслей, экономической стабильности страны в целом¹⁵. Понимание современного поколения и подходящей для него мотивации труда помогает бизнесу разрабатывать эффективные системы стимулирования. Для общества мотивация труда показывает, как труд превращается в сферу самореализации личности.

Проведя анализ исторического развития условий труда и форм мотивации, основанный на российской истории, рассмотрим, как изменялись способы мотивации труда от эпохи династии Рюриковичей до современных трудовых отношений (табл. 1–3), выделив ключевые факторы, которые формировали эти изменения: экономические условия, социальные нормы и условия труда.

Таблица 1

Мотивация труда в дореволюционной России (IX–XIX вв.)¹⁶

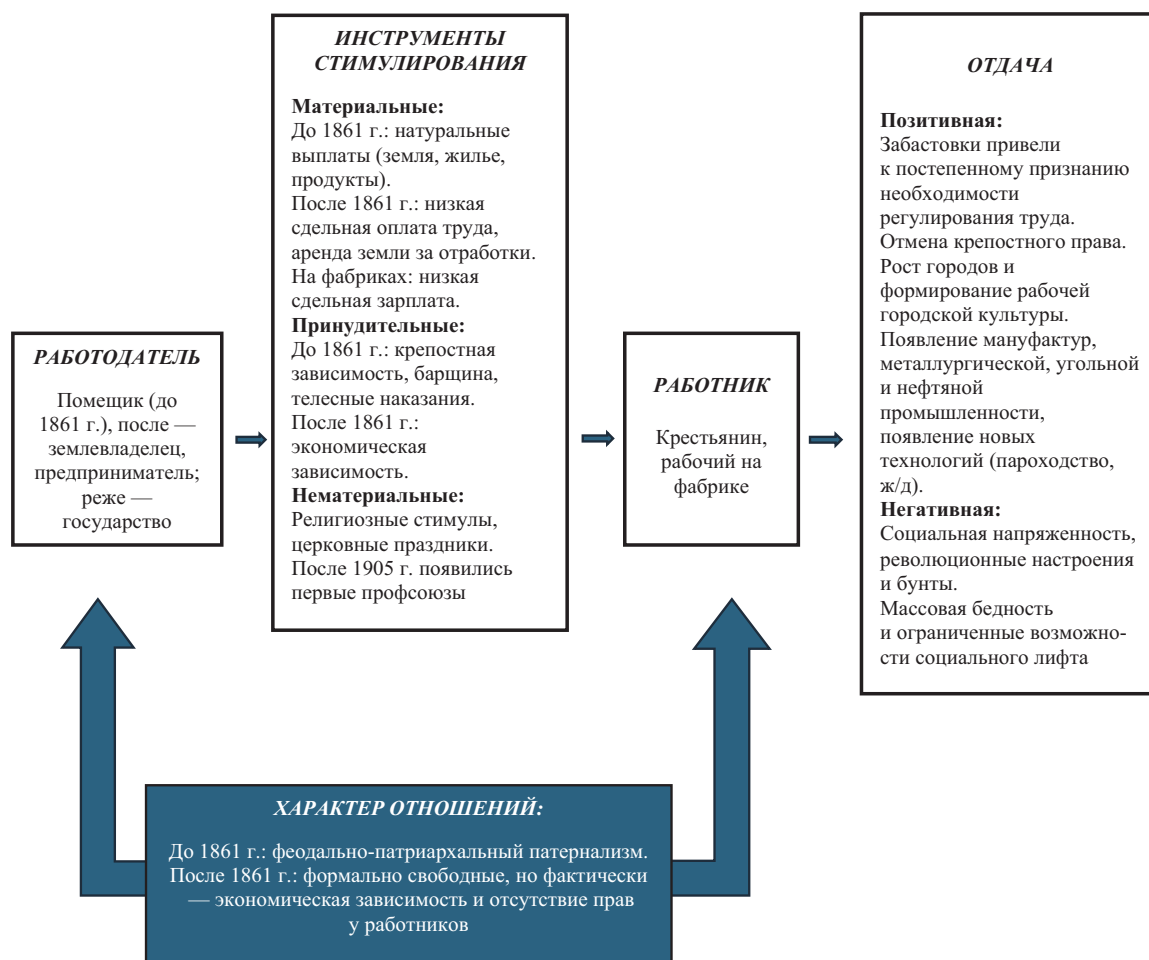
Исторический период	Временные рамки	Формы и инструменты мотивации	Социально-экономические условия	Условия труда
1	2	3	4	5
Эпоха Рюриковичей	IX – начало XVII в.	Вотчинное право и система «кормлений»	Феодальная раздробленность и натуральное хозяйство. Слабая связь между регионами	Рабочий день соответствовал световому дню. Вместо денежного эквивалента доход представлял собой треть собранных даров земли
Смутное время и первые Романовы	Начало XVII – конец XVII в.	Крепостная зависимость. Религиозные стимулы. Монастырские трудовые общины. Жалованные грамоты. Барщина. Государственное принуждение к труду	Соборное уложение 1649 г. закрепило крепостное право. Разорение после Смуты	Рабочий день равен световому; телесные наказания
Эпоха модернизации	Конец XVII – середина XIX в.	Подушная подать, рекрутчина, первые мануфактуры, господство крепостного права	Централизация государства, индустриализация, военные реформы	Рабочий день равен световому дню. Появление первых мануфактур. Жестокое меры по отношению к крестьянам: телесные наказания. Первые женщины-работницы.

¹⁵ Ялмаев Р. А., Хасиева Х. А., Миргород Е. Е. Анализ управления эффективностью и механизма стимулирования в управлении человеческими ресурсами предприятий // Экономика и управление: проблемы, решения. 2025. Т. 15, № 2 (155). С. 168–173.

¹⁶ Составлено автором.

Окончание табл. 1

1	2	3	4	5
Пореформенный период	1861–1917 гг.	Система мотивации труда не успевала за ростом промышленности. Нематериальной мотивацией оставались церковные праздники. После 1905 г. появились первые профсоюзы и с 1912 г. — первые больничные кассы	1861 г. — отмена крепостного права, но крестьяне только формально стали свободными: выкупные платежи сохранялись до 1906 года. Рабочие и крестьяне начали бороться за свои права, что привело к революции. Промышленный бум: строительство Транссиба, рост производства в 2,5 раза. Рост рабочего класса. Первая русская революция 1905–1907 гг. Первая мировая война 1914–1917 гг.	Рабочий день сократили до 11,5 часа. Женский и детский труд оставался и оплачивался в 2 раза ниже. Условия работы оставляли желать лучшего: антисанитария, отсутствие норм безопасности на фабриках

Рис. 1. Модель мотивации труда в дореволюционной России (IX–XIX вв.)¹⁷

Для дореволюционного периода характерен переход от феодальной зависимости к появлению первых рыночных стимулов, в рамках этого хронологического отрезка в качест-

¹⁷ Составлено автором.

ве мотивации в основном использовалось принуждение (рис. 1). Внешнее принуждение исключало возможность развития внутренней мотивации, в основном крестьяне и ремесленники работали из-за зависимости от землевладельца, а не личной заинтересованности. Условия труда — отсутствие норм безопасности, женский и детский труд, телесные наказания, привязка рабочего дня к световому дню — только закрепляли мотивы страха и обязательств, а не самореализации. Соответственно, такая мотивация имела краткосрочный эффект и приводила к бунтам и сопротивлению. Отсутствие внутренней мотивации у рабочих ускорило поиски иных моделей мотивации в XX веке.

Таблица 2

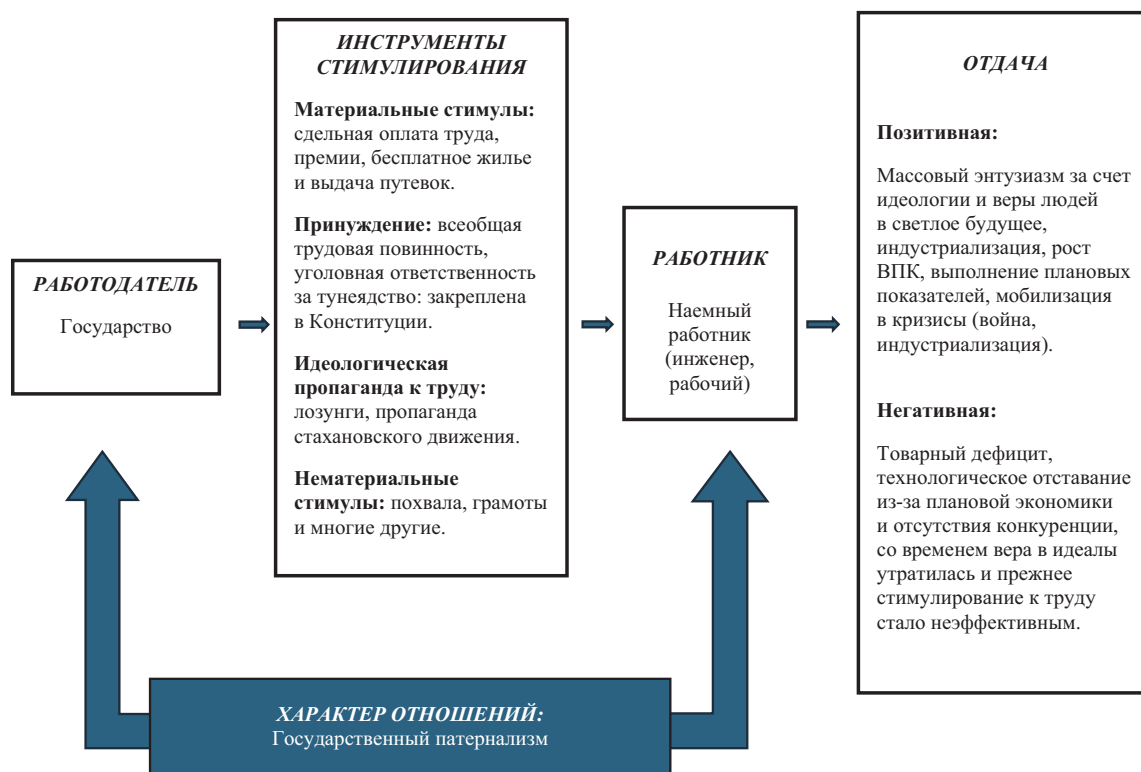
Мотивация труда в советский период (1917–1991 гг.)¹⁸

Исторический период	Временные рамки	Формы и инструменты мотивации	Социально-экономические условия	Условия труда
1	2	3	4	5
Раннесоветский период	1917–1929 гг.	Появление идеологической мотивации и социальных гарантий: 8-часовой рабочий день и запрет детского труда. Также из принудительных мер: всеобщая трудовая повинность и трудовые мобилизации	Национализация, НЭП, начало коллективизации и индустриализации	Рабочий день официально сократили до 8 часов. Массовый женский труд. Заработная плата на 70–90 % состояла из производимой продукции или товаров ¹⁹
Довоенный сталинский период	1930–1941 гг.	Материальные стимулы: сдельная оплата труда, премии. Репрессивные методы за прогулы и опоздания. Идеологическая пропаганда к труду, поощрения в виде почетных званий	Индустриализация: рост промышленного производства, создание новых отраслей. Государство перешло к тоталитаризму, труд был принудительно-обязательным, а управление перешло на жесткую централизованную систему	Введение трудовых книжек (1938 г.). Рабочий день часто продлевался из-за завышенных норм выработки. Условия оставались тяжелыми: работники были подвержены травматизму. Жилье: бараки и общежития возле фабрик. Рост разницы в оплате труда работников разных квалификаций ²⁰
Военный период	1941–1945 гг.	Трудовая повинность: 12–14-часовой рабочий день сопровождался морально-психологической мотивацией «Победа будет за нами!» и идеологической поддержкой. Ужесточение дисциплины ²¹	Военная экономика — 70 % ВВП на фронт. Эвакуация заводов на Урал. Нормированная выдача пайков по карточкам	Рабочая неделя без выходных по 12–14 часов в день. 50 % рабочих — женщины и дети. Голод, недоедание, репрессии за опоздание и невыход на работу. Отмена отпуска во время войны

¹⁸ Составлено автором.¹⁹ Костенко Е. П. Российская модель управления персоналом: предпосылки формирования и особенности // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2017. № 4. С. 35–44.²⁰ Там же.²¹ Там же.

Окончание табл. 2

1	2	3	4	5
Послевоенный сталинский период	1945–1953 гг.	Продвижение идеологии «Труд — дело чести». Жестокое сталинские репрессии. И восстановление нематериальных стимулов: премии, ордена, звания	Курс на восстановление после войны. Четвертая пятилетка. Создание атомной отрасли. Ускоренное развитие тяжелой промышленности	Рабочий день сократили до 8 часов в день (46 часов в неделю). Низкие зарплаты и разруха в послевоенный период. Централизованное распределение работников после окончания вуза
Послесталинский СССР	1953–1985 гг.	Появление пенсий (1956). Рост зарплат, бесплатное жилье и выдача путевок. Нематериальные стимулы: похвала, грамоты. Безуспешное стимулирование работников к труду	Реформы Н. С. Хрущева. 1950–1960 гг. Научно-технический прогресс. Либерализация. Предоставление большей экономической свободы предприятиям	Улучшение безопасности труда. Переход на пятидневную рабочую неделю (40 часов)

Рис. 2. Модель мотивации труда в советский период (1917–1991 гг.)²²

Мотивация труда в советский период основывалась на принуждении, идеологической пропаганде и материальных стимулах (рис. 2). Как отмечает М. Н. Потемкина: «Основы политики трудовой мотивации сложились в 1930-х гг. и были продолжены в условиях

²² Составлено автором.

военного времени [...] государство активно применяло все три типа стимулирования: материальное вознаграждение, морально-нравственные побуждения, а также принуждение и наказание»²³. Труд был обязательным начиная с 1917 года. Парадоксально, но, несмотря на идеологию коммунизма, на некоторых этапах развития СССР материальные стимулы активно использовались. Однако уравниловка в зарплатах не мотивировала рабочих повышать свою квалификацию, тем самым стремясь заработать больше денег. Нацеленность государства на создание сильного военно-промышленного комплекса, а также фиксация цен на товары народного потребления привели к появлению товарного дефицита. Отсюда возникали ситуации, когда деньги есть, но товар приобрести нельзя: необходимо встать в очередь или пользоваться неформальными связями, что было наказуемо.

Внешняя мотивация по-прежнему играла ключевую роль, но параллельно с помощью пропаганды формировалась внутренняя мотивация. Лозунги «Труд — дело чести», «Кто не работает, тот не ест», стахановское движение, вера в строительство коммунизма — всё это формировало внутреннюю мотивацию труда у людей. Сочетание такой внутренней и внешней мотивации было эффективно в мобилизационных условиях, однако в долгосрочной перспективе идеологическая вера постепенно угасала, и внешнего давления становилось недостаточно для поддержания рабочего духа.

Россия оказалась в непростой исторической ситуации, когда было необходимо «договорить» Запад, поэтому использование принуждения как метода мотивации в какой-то степени оправдано. Ведь этот метод имеет ряд плюсов: не требуются материальные ресурсы и индивидуальный подход, внедряется быстро и оперативно²⁴. И он дал свои результаты: победа в Великой Отечественной войне, создание тяжелой промышленности, развитие науки и технологий за весьма короткие сроки. Люди, не зная западных стандартов, искренне верили в идеологию коммунизма и в то, что жили лучше, чем до революции. Но отсутствие гибкости в мотивационных системах, отказ от материальных стимулов и дефицит товаров привели к краху советской системы. Наследие этой модели частично сохраняется в современной трудовой культуре: высокая роль государства, ожидание социальных гарантий и патерналистский запрос к работодателю. Можно сделать вывод, что одной внешней мотивации недостаточно, необходимо развивать внутренние стимулы.

Таблица 3

Мотивация труда в современный период (1991–2020 гг.)²⁵

Исторический период	Временные рамки	Формы и инструменты мотивации	Социально-экономические условия	Условия труда
1	2	3	4	5
Становление рынка	1991–2010 гг.	В 1990-е годы главным стимулом было получить зарплату, процент с продаж. После 2000-х — возвращение системной мотивации. Материальные стимулы: премии,	Гиперинфляция (1992 г.) Массовая приватизация. Переход к рыночной экономике. Рост доходов населения после 2000-х	В 1990-е годы люди работали в режиме выживания, отсутствовали безопасность и комфорт. Выплаты пенсий задерживались. В медицине сильно не хватало лекарств.

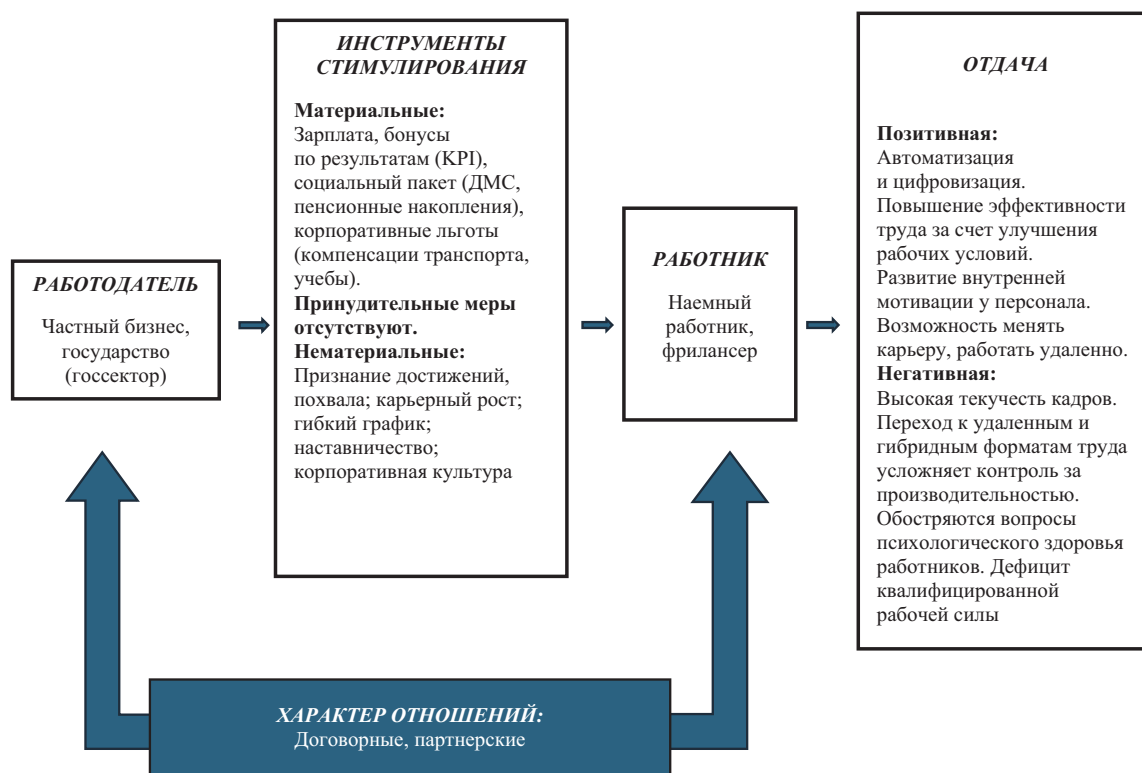
²³ Потемкина М. Н. Материальное стимулирование труда работников оборонных предприятий Урала в годы Великой Отечественной войны // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2025. Т. 30, № 2. С. 94.

²⁴ Прошкин Б. Г. Принуждение как метод трудовой мотивации // Управление персоналом. 2008. № 11. URL: <https://www.cfin.ru/management/people/culture/coercion.shtml> (дата обращения: 25.07.2025).

²⁵ Составлено автором.

Окончание табл. 2

1	2	3	4	5
		бонусы, ДМС, обучение. Нематериальная мотивация: карьерный рост, зарождение корпоративной культуры		После 2000-х крупные компании стали внедрять европейские стандарты, первые корпоративные университеты, медстраховки и др.
Развитие гибких форм	2010–2020 гг.	Появление гибкого и удаленного графика. Развитие сотрудников: прохождение курсов, переобучений	После 2020 г. — рост запроса на удаленную работу. Сокращение трудоспособного населения. Рост ИТ-сектора и сферы услуг. Санкции	Рост числа проверок на предприятиях. Строгие нормы. Зоны отдыха для сотрудников. Возможность работать удаленно. При этом сохраняется неравенство между крупными городами и регионами

Рис. 3. Модель мотивации труда в современный период (1991–2020 гг.)²⁶

Мы видим, что при переходе на рыночную экономику условия труда и мотивация персонала постепенно улучшились и приблизились к европейским стандартам. Сейчас мотивация персонала не основывается ни на принуждении, ни на исключительном применении материальных стимулов. После 2000-х годов условия труда и безопасность на производствах стали стандартизированными. Произошло смещение акцента на нематериальные факторы, такие как развитие корпоративной культуры, появление различных графиков работы, возможность работать удаленно и другие (рис. 3). Мотивация труда трансформировалась в сторону баланса внутренних и внешних стимулов.

²⁶ Составлено автором.

Также нельзя не упомянуть необходимость проявления интереса к теории поколений у современных HR-специалистов и работодателей. С. В. Кондратова отмечает, что сегодня в корпоративной среде встречаются представители трех поколений — X, Y и Z. Самое молодое и работоспособное поколение Z требует особого подхода, так как оно выросло в эпоху цифровых технологий и избытка информации, что привело к неусидчивости и сложности в удержании внимания. Тем не менее зумеры умеют выполнять задачи эффективно. Для поколения Z будут хорошо работать следующие факторы мотивации: возможность гибкого начала дня, четкие и ясные задачи, использование цифровых технологий, наличие карьерного плана, возможность обучения и развития, психологический климат в коллективе, оплата психолога и др.²⁷

Таким образом, современная система фактически сочетает исторический опыт: рыночные формы найма, социальные гарантии, а новое — это развитие внутренней мотивации как долгосрочно результативного инструмента.

ВЫВОДЫ

Мотивация труда в России претерпела значительную эволюцию на протяжении XX века: от принудительных мер в дореволюционный и советский периоды до современных гибких систем, которые ориентированы на ценности и потребности сотрудников. Анализ исторических этапов показывает, что Россия на протяжении всей истории практически постоянно находится в состоянии неопределенности или геополитической нестабильности²⁸. В связи с этим модели мотивации кадров меняются в зависимости от внешних обстоятельств. Поколения, выросшие в условиях нестабильности, научились быстро перестраиваться под новые условия труда и сохранять работоспособность вопреки внешним обстоятельствам.

В ходе работы были выполнены задачи, поставленные во введении: раскрыто понятие мотивации труда и проведен сравнительный анализ систем трудового стимулирования в трех исторических периодах. В дореволюционной России основным фактором мотивации выступало принуждение к труду, что приводило к сопротивлению. В советский период сочетались материальные стимулы, принуждение к труду и идеологическая пропаганда. Но многие факторы, такие как уравниловка в заработных платах, дефицитная экономика, отсутствие грамотного управления персоналом, полностью убили мотивацию к труду к концу советского периода. Сегодня ключевыми факторами эффективной мотивации стали: баланс между материальными и нематериальными стимулами, акцент на смысл в работе и возможность самореализации, адаптивность мотивационных систем.

Анализ внутренней и внешней мотивации на разных исторических периодах показал, что для достижения эффективной мотивации у сотрудника на длительный срок должны сочетаться материальное вознаграждение с внутренней заинтересованностью работника.

В дореволюционной России личные интересы сотрудников совершенно не учитывались, что приводило к социальной напряженности и снижению эффективности труда. В советское время активно использовались стимулы в виде пропаганды, идеологии и на некоторых этапах — материальные стимулы, но это тоже имело лишь кратковременный эффект. Немаловажную роль сыграло то, что получение материальных благ не открывало возможности потратить их: экономика страны была ориентирована на создание тяжелой индустрии, при этом выпускалось недостаточное количество предметов потребления.

²⁷ Кондратова С. В., Шевченко Е. В. Мотивация работников: взгляд через призму теории поколений // Горизонты экономики. 2025. № 2 (89). С. 50.

²⁸ Костенко Е. П. Российская модель управления персоналом: предпосылки формирования и особенности // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2017. № 4. С. 38.

Внутренние стимулы советского человека основывались не на его личных интересах и самореализации, а на внешней мотивации, замаскированной под внутреннюю. Это привело к тому, что вера в навязанную идеологию постепенно пропадала, а искусственно созданных внутренних стимулов становилось всё меньше.

Как отмечал Е. П. Ильин, внутренняя мотивация устойчива лишь при совпадении целей работника и организации²⁹, что подтверждает важность современных мотивационных подходов, ориентированных на потребности персонала.

Наше исследование дополняет статью Е. П. Костенко «Российская модель управления персоналом: предпосылки формирования и особенности»³⁰, но затрагивает не управление персоналом в целом, а именно аспект мотивации труда. Особое внимание уделено трансформации мотивационных моделей в контексте социально-экономических изменений, что позволяет лучше понять их эволюцию и перспективы развития. Кроме того, исследование развивает идеи А. Н. Леонтьева³¹ о роли мотивов как ядра личности, применяя их к анализу трудовой мотивации в разных исторических условиях.

Взаимосвязь между внутренней и внешней мотивации работников четко прослеживается при ее обобщении (рис. 1–3), где мы видим влияние социально-экономических условий на стимулирование персонала. Дореволюционный период характеризуется преобладанием внешней мотивации, что вело к низкой заинтересованности работников. В советский период была искусственно создана внутренняя система поощрений и наказаний сотрудников, из-за этого наблюдался ее кратковременный эффект.

«Специфика современного этапа становления российской модели управления персоналом определяется исторически исходным пунктом этого процесса: феодальная Россия – рыночная Россия – социалистическая Россия – рыночная Россия»³². Следовательно, мы видим, что российский работник не привык к стабильности, и модели мотивации сотрудников также носят трансформационный характер: они меняются вместе с внешней средой.

Однако сегодня не все организации уделяют достаточно внимания совершенствованию мотивационных систем. Исследование И. В. Соклаковой и С. П. Назарова показало, что многие компании вообще не указывают нематериальные меры мотивирования при размещении вакансий³³. Как пишут авторы, при изучении предложений работодателей чаще всего встречаются общие формулировки: «работа в престижной компании» или «карьерный рост», которые снижают интерес потенциального кандидата.

«Понимая и удовлетворяя мотивации на индивидуальном уровне, мы можем раскрыть потенциал каждого человека для продвижения стремлений и стратегических приоритетов бизнеса». Согласно исследованию Deloitte Global Human Capital Trends 2025, сегодня работодателям необходимо делать акцент на индивидуальном уровне мотивации³⁴. Модель мотивации «зетов» должна включать грамотную корпоративную культуру, материальные стимулы, социальные гарантии, возможность соблюдать баланс между работой и личной жизнью, профессиональное развитие и карьерный рост. Именно в таких условиях у современного поколения сформируется сильная внутренняя мотивация к работе.

²⁹ Ильин Е. П. Мотивация и мотивы: научно-популярное издание. СПб.: Питер, 2003. С. 278.

³⁰ Костенко Е. П. Российская модель управления персоналом: предпосылки формирования и особенности // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2017. № 4. С. 35–44.

³¹ Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. 303 с.

³² Костенко Е. П. Российская модель управления персоналом: предпосылки формирования и особенности // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2017. № 4. С. 38.

³³ Соклакова И. В., Назаров С. П. Совершенствование системы мотивации трудовой деятельности государственных служащих, работников органов государственной власти и работников государственных корпораций // Вестник Академии управления и производства. 2025. № 1. С. 1044.

³⁴ 2025 Global Human Capital Trends: Turning tensions into triumphs: Helping leaders transform uncertainty into opportunity // Deloitte Insights. 2025.

В условиях стремительной цифровизации необходимо учитывать, что в основе мотивации сотрудников лежат их ценности и потребности. Р. А. Ялматаев отмечает: «Управление человеческими ресурсами является важнейшим звеном в работе современных предприятий»³⁵. Компании, которые смогут найти баланс между традиционными видами мотивации и современными трендами, получат мотивированную и эффективную команду даже в условиях нестабильности.

Список источников

1. Ильин Е. П. Мотивация и мотивы: научно-популярное издание / Е. П. Ильин. СПб.: Питер, 2003. 512 с.
2. Кондратова С. В. Мотивация работников: взгляд через призму теории поколений / С. В. Кондратова, Е. В. Шевченко // Горизонты экономики. 2025. № 2(89). С. 47–52.
3. Костенко Е. П. Российская модель управления персоналом: предпосылки формирования и особенности / Е. П. Костенко // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2017. № 4. С. 35–44.
4. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность / А. Н. Леонтьев. М.: Политиздат, 1975. 303 с.
5. Леонтьев А. Н. Потребности, мотивы и эмоции / А. Н. Леонтьев. М.: Изд-во Московского ун-та, 1971. 40 с.
6. Попова И. М. Изменилась ли мотивация труда рабочих в 1990-е годы? Методология и методы изучения, результаты и перспективы исследования / И. М. Попова, Г. П. Бессокирная // Мир России. 2005. № 4. С. 105–137.
7. Потемкина М. Н. Материальное стимулирование труда работников оборонных предприятий Урала в годы Великой Отечественной войны / М. Н. Потемкина // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2025. Т. 30, № 2. С. 85–99.
8. Прошкин Б. Г. Принуждение как метод трудовой мотивации // Управление персоналом. 2008. № 11. С. 42–47.
9. Соклакова И. В. Совершенствование системы мотивации трудовой деятельности государственных служащих, работников органов государственной власти и работников государственных корпораций / И. В. Соклакова, С. П. Назаров // Вестник Академии управления и производства. 2025. № 1. С. 1041–1051.
10. Токарева Ю. А. Мотивация трудовой деятельности персонала: комплексный подход: монография / Ю. А. Токарева, Н. М. Глухенькая, А. Г. Токарев. Шадринск: ШГПУ, 2021. 216 с.
11. Ядов В. А. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: диспозиционная концепция / В. А. Ядов [и др.]; науч. ред. и предисл. Е. Н. Даниловой. НИУ ВШЭ, 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЦСПиМ, 2013. 374 с.
12. Ялмаев Р. А. Анализ управления эффективностью и механизма стимулирования в управлении человеческими ресурсами предприятий / Р. А. Ялмаев, Х. А. Хасиева, Е. Е. Миргород // Экономика и управление: проблемы, решения. 2025. Т. 15, № 2 (155). С. 168–173.

Сведения об авторах:

Комелькова Полина Дмитриевна, студентка 4-го курса бакалавриата, факультет экономики и финансов, Северо-Западный институт управления, Российская академия

³⁵ Ялмаев Р. А., Хасиева Х. А., Миргород Е. Е. Анализ управления эффективностью и механизма стимулирования в управлении человеческими ресурсами предприятий // Экономика и управление: проблемы, решения. 2025. Т. 15, № 2 (155). С. 172.

народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: pkomelkova-22@edu.ranepa.ru

Научный руководитель: **Конягина Мария Николаевна**, доктор экономических наук, профессор кафедры менеджмента, Северо-Западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: konyagina-mn@ranepa.ru

References

1. Ilyin, E. P. (2003) *Motivation and Motives: Popular Science Edition*. St. Petersburg: Piter. 512 p.
2. Kondratova, S. V., Shevchenko, E. V. (2025) Employee Motivation: A View Through the Prism of Generation Theory // *Horizons of Economics*. No. 2 (89). Pp. 47–52.
3. Kostenko, E. P. (2017) Russian Model of Personnel Management: Prerequisites for Formation and Features // *Public and Municipal Administration. Scientific Notes of the SKAGS*. No. 4. Pp. 35–44.
4. Leontiev, A. N. (1975) *Activity. Consciousness. Personality*. Moscow: Politizdat. 303 p.
5. Leontiev, A. N. (1971) *Needs, Motives, and Emotions*. Moscow: Moscow University Press. 40 p.
6. Popova, I. M., Bessokirnaya, G. P. (2005) Has Workers' Labor Motivation Changed in the 1990s? Methodology and Methods of Study, Results, and Research Prospects // *Mir Rossii*. No. 4. Pp. 105–137.
7. Potemkina, M. N. (2025) Material Incentives for Workers at Ural Defense Enterprises During the Great Patriotic War // *Bulletin of Volgograd State University. Series 4: History. Regional Studies. International Relations*. Vol. 30, No. 2. Pp. 85–99.
8. Proshkin, B. G. (2008) Coercion as a Method of Labor Motivation // *Personnel Management*. No. 11. Pp. 42–47.
9. Soklakova, I. V., Nazarov, S. P. (2025) Improving the system of motivation for the work of civil servants, employees of government bodies and employees of state corporations // *Bulletin of the Academy of Management and Production*. No. 1. Pp. 1041–1051.
10. Tokareva, Yu. A., Glukhenkaya, N. M., Tokarev, A. G. (2021) *Motivation of personnel work activity: an integrated approach: monograph*. Shadrinsk: ShGPU. 216 p.
11. Yadov, V. A. [et al.] (2013) *Self-regulation and forecasting of individual social behavior: a dispositional concept / scientific ed. and preface by E. N. Danilova*. HSE University, 2nd ed., revised and enlarged. Moscow: TsSPiM. 374 p.
12. Yalmaev, R. A., Khasieva, Kh. A., Mirgorod, E. E. (2025) Analysis of performance management and incentive mechanisms in human resource management of enterprises // *Economy and Management: Problems, Solutions*. Vol. 15, No. 2 (155). Pp. 168–173.

About the authors:

Polina D. Komelkova, BA student, Faculty of Economics and Finance, North-West Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: pkomelkova-22@edu.ranepa.ru

Academic Supervisor: **Mariia N. Koniagina**, PhD of Economic Science, Associate Professor, Professor of the Department of Management, North-West Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: konyagina-mn@ranepa.ru

Завуалированные формы взяточничества: проблемы уголовно-правовой квалификации и правоприменения

Алексеева Ольга Витальевна, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Северо-Западный институт управления, Санкт-Петербург, Российская Федерация, специалитет, факультет безопасности и таможи

E-mail: oalekseeva-22-01@ranepa.ru

Научный руководитель:

Глухов Евгений Александрович, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Северо-Западный институт управления, Санкт-Петербург, Российская Федерация

E-mail: evgenijgluhov@yandex.ru

Аннотация

Введение: в статье рассматривается проблема выявления и правовой оценки завуалированных форм взяточничества, представляющих особую сложность для квалификации в правоприменительной практике. Цель исследования — выявление и систематизация специфических, завуалированных форм взяточничества, анализ критериев их отграничения от правомерных гражданско-правовых и хозяйственных сделок.

Методы и материалы: методология исследования основана на формально-юридическом анализе норм уголовного законодательства, а также обобщении судебной практики по делам о коррупционных преступлениях.

Результаты исследования: выявлены ключевые признаки, позволяющие отграничить завуалированные формы взяточничества от правомерных сделок. Практическая значимость работы заключается в возможности использования сформулированных критериев при квалификации коррупционных деяний в деятельности правоохранительных органов.

Выводы: для выявления и доказательства завуалированной взятки необходимо установить причинно-следственные связи между передачей благ и получением незаконных преференций, точно оценить полученные выгоды, зафиксировать последовательности действий сторон, выявить расхождения между формальной и реальной стоимостью сделки, а также тщательно анализировать документы и связи участников. Противодействие такой скрытой коррупции требует совершенствования методик расследования, активного использования финансового мониторинга и укрепления нормативной базы.

Ключевые слова: взяточничество, коррупция, завуалированные формы взятки, квалификация преступлений, должностное лицо.

Для цитирования: Алексеева О. В. Завуалированные формы взяточничества: проблемы уголовно-правовой квалификации и правоприменения // Новизна. Эксперимент. Традиции (Н.Экс.Т). – 2026. – Т. 12. – № 1 (33). – С. 21–30.

Disguised Forms of Bribery

Olga V. Alekseeva, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, North-West Institute of Management (Saint Petersburg, Russian Federation)

specialty student, Faculty of Security and Customs

E-mail: oalekseeva-22-01@ranepa.ru

Academic Supervisor:

Evgeny. A. Glukhov, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, North-West Institute of Management (Saint Petersburg, Russian Federation)

E-mail: evgenijgluhov@yandex.ru

Abstract

Introduction: The article examines the issue of identifying and legally assessing veiled forms of bribery, which present particular difficulties for qualification in law enforcement practice. The purpose of the study is to identify and systematize specific, veiled forms of bribery and to analyze the criteria for distinguishing them from legitimate civil law and commercial transactions.

Methods and Materials: The research methodology is based on a formal legal analysis of criminal law provisions, as well as a synthesis of judicial practice in cases of corruption offenses.

Results: The study identifies key characteristics that allow for the distinction between veiled forms of bribery and legitimate transactions. The practical significance of the work lies in the possibility of using the formulated criteria in the qualification of corrupt acts in the activities of law enforcement agencies.

Conclusions: To identify and prove a veiled bribe, it is necessary to establish the causal link between the transfer of benefits and the receipt of unlawful preferences, accurately assess the benefits received, document the sequence of actions of the parties, identify discrepancies between the formal and actual value of the transaction, and thoroughly analyze documents and the connections among participants. Counteracting such hidden corruption requires improving investigative techniques, actively utilizing financial monitoring, and strengthening the regulatory framework.

Keywords: bribery, corruption, disguised forms of bribery, crime qualification, public official.

For citation: Alekseeva, O. V. (2026) Disguised Forms of Bribery. *Novelty. Experiment. Traditions (N.Ex.T)*, vol. 12, no. 1 (33), pp. 21–30.

ВВЕДЕНИЕ

Коррупционные преступления являются одной из наиболее опасных форм подрыва законности и общественного доверия к государственным институтам, переводя общественные отношения в сферу теневого, неправомерного и во многом вредного для общества и государства состояния. В этом плане завуалированные формы взяточничества представляют особую угрозу, поскольку даже выявить передачу незаконного вознаграждения гораздо сложнее, т. к. оно осуществляется под видом внешне законных действий. Это затрудняет юридическую квалификацию и усложняет привлечение виновных к ответственности.

Цель настоящего исследования — выявить и систематизировать специфические, завуалированные формы взяточничества, а также проанализировать критерии их отграничения от правомерных гражданско-правовых и хозяйственных сделок в контексте действующего уголовного законодательства и правоприменительной практики.

Методологическую основу исследования составляют общенаучные и специальные методы познания: анализ и синтез, формально-юридический метод, системный и структурно-функциональный подходы, сравнительно-правовой метод, а также анализ судебной практики и материалов уголовных дел по коррупционным преступлениям.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Современная правоприменительная практика в сфере противодействия должностной преступности всё чаще сталкивается не с прямой передачей властным субъектам денежных средств, а с более сложными коррупционными схемами, маскируемыми под дарение, оплату оказанных услуг, премии, бонусы, гражданско-правовые контракты, «спонсорскую помощь», трудоустройство и др. Такие формы имеют характер скрытых гражданско-правовых отношений, что затрудняет выявление и квалификацию преступления¹.

Феномен завуалированных форм взяточничества заключается в том, что взятка, будучи преступлением с очевидным корыстным мотивом, маскируется под внешне легальные и даже социально приемлемые действия — такие как дарение, оказание услуг, трудоустройство, спонсорская помощь и др. Подобная трансформация делает коррупционное поведение трудно различимым не только для обывателя, но и для следствия и суда.

В отличие от «классической» взятки, передаваемой в конверте наличными средствами, завуалированная взятка представляет собой особое, нетипичное проявление коррупции, в котором наблюдается сращение уголовно-противоправных целей с гражданско-правовыми формами. Тем самым возникает правовая коллизия: действия, с одной стороны, соответствуют нормам гражданского права, а с другой — преследуют преступную цель влияния на поведение должностного лица. Именно эта двойственность формы и содержания, наличие внешней правомерности при внутренней противоправности, и составляет феноменологическую суть завуалированной взятки как сложного и трудно выявляемого правового явления. Это обстоятельство объясняет, почему такого рода преступления отличаются высокой латентностью, требуют особых методик расследования и усложняют применение норм ст. 290–291 УК РФ.

Завуалированные формы взяток становятся всё более распространенным способом обхода положений ст. 290 и 291 УК РФ, особенно в условиях усиленного контроля за расходами должностных лиц и цифровизации отчетности. В этих условиях особое значение приобретает разработка правовых критериев, позволяющих квалифицировать такие действия как коррупционные, а также выявление типичных моделей маскировки незаконной выгоды чиновника.

Необходимо напомнить, что взятка — это предоставление должностному лицу публичного органа власти материальных благ, имущественных выгод либо оказание определенных услуг в обмен на совершение определенных действий (или наоборот — умышленное бездействие) в интересах взяткодателя, которые входят в компетенцию этого чиновника либо обусловлены его служебным статусом².

К предмету взяток могут относиться:

– материальные ценности — денежные средства (включая иностранную валюту), ценные бумаги, банковские чеки, предметы роскоши (например, ювелирные украшения, техника, автомобили), а также иное имущество, включая движимое и недвижимое;

¹ Хилюта В. В. Завуалированная взятка или законно оказанная услуга? // Законность. 2020. № 10 (1032). С. 33.

² Любавина М. А. Квалификация взяточничества (ст. 290, 291, 291.1, 291.2 УК РФ): учебное пособие. СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2018. С. 8.

– услуги и имущественные преимущества — оплата лечения, организации ремонта или строительства, предоставление туристических поездок, отдых в санаториях, финансирование досуга и иных мероприятий, которые предоставляются бесплатно или по заниженной цене.

Как отмечает П. В. Никонов, «предметом взятки традиционно признаются как материальные, так и нематериальные выгоды, получаемые должностным лицом непосредственно или через посредника за совершение действий (бездействие), входящих в его служебные полномочия. Важно подчеркнуть, что к таковым могут относиться не только денежные средства или имущество, но и предоставление льгот, преимуществ, освобождение от обязанностей, передача имущественных прав и оказание услуг, имеющих имущественную ценность»³.

Основным юридическим критерием отграничения взятки от правомерной гражданско-правовой сделки дарения является наличие причинно-следственной связи между выгодой чиновника и действиями, совершаемыми им в рамках служебных полномочий в интересах дарителя или аффилированных с ним лиц. Так, в соответствии со статьей 572 Гражданского кодекса РФ (ГК РФ) по договору дарения одна сторона (даритель) безвозмездно передает или обязуется передать другой стороне (одаряемому) вещь в собственность либо имущественное право (требование) к себе или к третьему лицу либо освобождает или обязуется освободить ее от имущественной обязанности перед собой или перед третьим лицом⁴. В этой же статье законодатель делает оговорку на то, что при наличии встречной передачи вещи или права либо встречного обязательства договор не признается дарением.

На практике преподносимую чиновнику взятку, особенно если она маскируется и преподносится на какой-либо праздник, отличить от подарка весьма непросто. Ведь взятки могут передаваться спустя значительное время после совершения должностным лицом деяния в интересах взяткодателя, могут специально маскироваться и вручаться в дни личных праздников должностного лица⁵.

К завуалированным формам взяточничества относят ситуации, в которых передача ценностей оформляется как легальная сделка, но фактически преследует коррупционные цели. Это может быть:

- выдача займа, который не предполагается к возврату;
- оформление фиктивного долга и его последующее «погашение»;
- купля-продажа товаров по цене, значительно отличающейся от рыночной;
- заключение мнимых трудовых договоров с начислением заработной платы самому чиновнику или его близким;
- предоставление привилегированных условий по кредитам;
- оплата гонораров за статьи, лекции или иные работы, фактически не выполнявшиеся, либо оплата гонораров за создание научных произведений в завышенном размере;
- выигрыши в лотереях или в азартных играх в интересах должностного лица;
- прощение долгов, снижение арендных ставок или увеличение процентных выплат по инвестициям⁶;

³ Никонов П. В. Уголовно-правовые основы противодействия преступлениям, связанным с дачей и получением взятки и иными видами незаконного вознаграждения. Иркутск: Иркутский юридический институт (филиал) ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры Российской Федерации», 2025. 41 с.

⁴ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 13.12.2024) // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

⁵ Назарова М. Г., Кушхова Б. З. Услуга как предмет взятки: гражданско-правовой и уголовно-правовой аспекты // Университетская наука. 2021. № 1 (11). С. 233.

⁶ Чебуренков А. А., Зубов М. А. Криминалистическая классификация способов передачи взятки // Закон и право. 2019. № 12. С. 162.

– безосновательная выплата премий, грантов, увеличение их размера для конкретного человека.

Рассмотрим более подробно некоторые виды завуалированных взяток.

1. Оплата фиктивных услуг — наиболее распространенная форма маскировки взятки. Взяткодатель заключает договор на оказание услуг с должностным лицом (или его аффилированным лицом, ИП, компанией), при этом услуги фактически не оказываются либо носят формальный характер. Например, компания переводит деньги за услуги консалтинга жене начальника отдела закупок органа государственной власти. По отчетным документам гражданско-правовой договор был подписан, акты выполненных работ оформлены, претензий друг к другу у сторон нет, но фактически работы вовсе не проводились или производились в меньшем объеме. Такая схема может квалифицироваться как дача взятки (ст. 291 УК РФ), если установлена цель — склонение к совершению чиновником действий в пользу компании, оплачивающей услуги⁷.

2. Завуалированные подарки и спонсорская помощь — передача предметов или оплата мероприятий, оформленных как дарение, благотворительность, спонсорство, но с целью получения благоприятных решений в ответ. Так, в качестве примера можно привести следующий случай: муниципальному служащему оформляется путевка за счет коммерческой организации (подрядчика муниципального заказа) на отдых под видом «поощрения за сотрудничество» или «в рамках PR-кампании». Служащий, в свою очередь, должен лояльно отнестись к представленным коммерческой организацией документам выполненных работ, не обнаружить в них имеющихся нарушений, несоответствия расценок рыночным и т. д.

3. Трудоустройство родственников или самого чиновника после увольнения на престижную, высокооплачиваемую либо необременительную работу. При данном подходе вид «отложенной благодарности» — взяточничество — маскируется под трудоустройство на «бумажную» должность или предоставление необоснованно высокой зарплаты близкому к чиновнику лицу. Например, госслужащий, контролирующий выдачу разрешений, с помощью коррупционеров из взаимодействующих коммерческих организаций устраивает родственника в коммерческую структуру на позицию с высоким окладом. Трудовых обязанностей при этом родственник не выполняет вовсе или выполняет их формально.

4. Оплата расходов служащего в мероприятиях, командировках, в отпуске (часто используется в бизнес-среде). Представитель компании спонсирует поездку чиновника, оформляя ее как участие в «форуме», «деловом завтраке», «встрече с инвесторами». Пример: чиновник выезжает на Мальдивы по служебной надобности якобы на встречу с партнерами. Перелет, проживание и питание, дополнительные услуги в командировке оплачивает строительная компания, рассчитывающая на заключение контракта с помощью этого чиновника.

5. Выдача льготных займов, покупка или аренда необходимого чиновнику имущества (квартиры, дачи, автомобиля) по заниженной цене. Оформляется как обычная сделка, но с заведомо выгодными условиями для должностного лица. Пример: директор учреждения получает в пользование элитную квартиру за символическую плату от арендатора, которому государственное учреждение оформляет разрешение на строительство, сулящее будущую прибыль.

Рассмотрим следующее дело из судебной практики. Гражданин А., являясь должностным лицом (сотрудником МВД, а впоследствии Росгвардии), в период с 2011 по 2017 год получал завуалированные взятки от руководителей частных охранных организаций за общее покровительство, содействие в продлении лицензий, непривлечение к проверкам и ускорение административных процедур. Взятки выражались в не прямой форме:

⁷ Сердюкова Е. В. Взятничество: вопросы квалификации: монография. РАНХиГС, Ставропольский филиал. Ставрополь: Фабула, 2015. С. 45.

- оплата услуг мобильной связи по сим-карте;
- предоставление в пользование топливной карты с ежемесячным лимитом трат на бензин;
- 17 подарочных сертификатов парфюмерного магазина на 34 000 рублей.

Деньги гражданину А. не передавались лично, но предоставленные ему услуги имущественного характера и имущественные права были оплачены за счет курируемых им охранных фирм. Суд признал это взяточничеством (по ч. 3 и п. «в» ч. 5 ст. 290 УК РФ), установив прямую связь между получением выгоды и должностным положением обвиняемого⁸.

Действия гражданина А. являются завуалированной формой взяточничества: внешне безобидные блага (оплата телефона, бензина, сертификаты) фактически предоставлялись в обмен на служебное покровительство. Суд обоснованно квалифицировал содеянное как получение взятки:

- по пункту «в» части 5 статьи 290 УК РФ — за общее покровительство в виде имущественных услуг и прав в крупном размере;
- по части 3 статьи 290 УК РФ — за содействие совершению незаконных действий другими должностными лицами.

При квалификации рассматриваемого преступления юридическая проблема заключается в том, что действительное намерение сторон скрыто от окружающих, а действия внешне похожи на легальные. В таких случаях суд и следствие обязаны установить:

- соразмерность оплаты предоставленной услуге;
- наличие служебных полномочий у лица, которому была оказана услуга;
- наличие (или отсутствие) принуждения или навязывания «услуги»;
- фактическое поведение сторон, особенно после получения вознаграждения (услуги).

Интересным представляется судебная практика по делам, по которым в качестве взятки проходит часть имущества, доля компаний или акции компании. Так, в 2010–2012 гг. глава города Троицка В. А. Щёкотов предложил местным предпринимателям, заинтересованным в использовании муниципального здания (недостроенной АТС), создать совместное ОАО «Торговый рынок Муниципальный». Условием передачи имущества в аренду и покровительства со стороны главы города стало включение его доли (7 %) в уставной капитал ОАО, оформленной через подставное лицо, при этом финансирование этой доли осуществили сами предприниматели. Позднее, с целью получения большей доли прибыли, Щёкотов участвовал в создании ООО «Инвест-Плюс», куда были переведены активы ОАО, и получил еще 33 % доли, снова через номинального собственника. Все эти действия сопровождалось неофициальным предоставлением ему имущественных прав за административное покровительство и решение вопросов в интересах взяткодателей. Суд признал В. А. Щёктова виновным по п. «в» ч. 5 ст. 290 УК РФ — получение взятки в виде ценных бумаг (акций) в крупном размере⁹.

В другом деле гражданин В. В. Контеев, занимая пост заместителя главы администрации Екатеринбурга, вымогал у собственников овощебазы № 4 долю в бизнесе. Формально он не участвовал напрямую в сделках, а использовал сложную многоступенчатую схему с номинальными лицами, чтобы скрыть факт получения выгоды. По итогам рассмотрения дела судом обвиняемый В. В. Контеев осужден по п. «в» ч. 5 ст. 290 УК

⁸ Приговор Ленинского районного суда г. Кемерово (Кемеровская область) № 1-112/2018 от 27 июня 2018 г. по делу № 1-112/2018 // Судакт [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/3aSjagfg4ZNN/> (дата обращения: 17.05.2025).

⁹ Приговор № 1-115/2015 от 30 сентября 2015 года по делу № 1-115/2015 / Судакт [Электронный ресурс]. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/Y7yBMlT6mZl/> (дата обращения: 17.06.2025).

РФ (получение взятки в крупном размере) и по пп. «а», «б» ч. 3 ст. 163 УК РФ (вымогательство в составе группы лиц и в крупном размере)¹⁰.

Ситуация с В. В. Контевым, безусловно, представляет собой завуалированную форму взяточничества, что подтверждается совокупностью характерных признаков. Имущественная выгода передавалась не напрямую, а через аффилированных лиц, скрывая его фактическое участие в управлении бизнесом и получении прибыли. Формально сделки оформлялись как дарение или купля-продажа через подставных лиц, что позволяло замаскировать истинную суть вознаграждения. Денежные средства не передавались напрямую, что затрудняло квалификацию деяния как взятки. Несмотря на то что отчуждаемые активы оформлялись на других лиц, фактически он контролировал их и получал выгоду.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве...» гласит, что «<...> при квалификации деяния необходимо учитывать фактические обстоятельства, направленные на получение материальных или нематериальных благ должностным лицом за действия (бездействие) в интересах взяткодателя»¹¹. Это означает, что формальная прикрытость отношений (гражданско-правовой договор, расписка, акт выполненных работ и т. д.) не исключает квалификации деяния как взяточничества, если установлен мотив и причинно-следственная связь между «подарком» и должностным поведением.

Согласно позиции Верховного Суда РФ, если действие субъектом преступления совершается в рамках должностных обязанностей и вознаграждение не обусловлено качественной услугой, а направлено на достижение желаемого результата в интересах плательщика — это может квалифицироваться как взятка.

Вместе с тем оказание услуг публичному должностному лицу со стороны его клиентов из числа коммерческих организаций вне служебного времени и без связи с использованием им властных полномочий, даже за плату, само по себе не образует состава преступления. То есть чиновник, как и обычный гражданин, имеет право участвовать в гражданско-правовых сделках даже с теми лицами, которые взаимодействуют с ним по работе, главное, чтобы такого рода взаимодействие не вылилось в предоставление льгот и преференций друг другу.

Указание в качестве субъекта преступления публичного должностного лица обусловлено тем, что в рамках уголовно-правового регулирования взяточничества законодатель связывает состав преступления с выполнением лицом публично значимых функций. При этом следует учитывать, что в отдельных случаях признаки субъекта могут быть установлены и у лиц, фактически выполняющих управленческие функции в коммерческих и иных организациях, что требует дополнительной оценки в каждом конкретном случае.

Оказание платной услуги должностному лицу рассматривается как контраргумент взяточничеству, если:

- услуга не связана с должностными полномочиями получателя услуги;
- плата эквивалентна результату (в данное время в данной местности);
- отсутствует причинно-следственная связь с последующим решением в пользу заказчика¹².

Однако если получатель услуги использует служебное положение, чтобы оценить результат своей же услуги не как потребитель, а как надзирающий или контролирующий орган, то в этом случае возникают предпосылки для отнесения проиллюстрированной ситуации именно как к получению взятки в завуалированной форме.

¹⁰ Приговор Курганского областного суда по уголовному делу № 2-01/2014 от 10 июня 2014 года / КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 17.05.2025).

¹¹ О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 (ред. от 24.12.2019) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 9.

¹² Хилота В. В. Завуалированная взятка или законно оказанная услуга? // Законность. 2020. № 10 (1032). С. 34.

Учитывая изложенное, при расследовании уголовных дел о завуалированных формах взяточничества принципиальное значение имеет точное установление объема и характера компетенции должностного лица. Если такое лицо лишь готовит проекты документов или участвует в согласовательных процедурах, тогда как окончательное решение принимается вышестоящим должностным лицом либо коллегиальным органом, оно не обладает самостоятельными властно-распорядительными полномочиями, поскольку совершение правоустанавливающих действий фактически не входит в его компетенцию.

Существенной проблемой правоприменения остается отсутствие законодательного урегулирования ситуаций, при которых стимулом к нарушению служебных обязанностей выступает выгода, предоставляемая не в личных интересах чиновника или его близких лиц, а в интересах публичного органа власти. Такая выгода, даже при возможности ее денежной оценки, не признается предметом взятки в смысле статей 290–291 УК РФ. Между тем выгода в пользу должностного лица и выгода в пользу организации, в которой оно состоит на службе, не являются тождественными правовыми категориями, что затрудняет квалификацию соответствующих деяний.

Показательным является пример, когда должностное лицо разрешает заявителю выполнить ремонт в служебном кабинете за собственный счет, а взамен ускоряет рассмотрение обращения, не выходя при этом за пределы своих полномочий и не нарушая формально установленный порядок. В подобных случаях, при отсутствии отклонения от интересов службы, квалификация содеянного по статьям 285 или 290 УК РФ представляется проблематичной¹³.

В этой связи для корректной правовой оценки завуалированных форм предоставления имущественных выгод представляется необходимым исходить из совокупного анализа обстоятельств дела, включая: фактический объем служебных полномочий должностного лица, характер и направленность совершенных им действий, намерения сторон, временную и логическую последовательность событий, а также поведение участников до и после получения соответствующей выгоды.

Дополнительно следует учитывать, что при расследовании данной категории дел особое значение приобретает установление реального влияния полученной выгоды на служебное поведение должностного лица. Отсутствие такого влияния либо его доказанности должно рассматриваться как обстоятельство, исключающее уголовно-правовую оценку действий в качестве взяточничества и требующее применения иных форм юридической ответственности либо отказа от уголовного преследования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В процессе настоящего исследования было определено, что завуалированная взятка — это передача вознаграждения должностному лицу, оформленная как законное действие: оплата услуг, фиктивный трудовой договор, дарение, спонсорство и др. При этом фактической целью является побуждение должностного лица к действию (или бездействию) в интересах передающего.

Завуалированные формы взяточничества требуют повышенной доказательственной детализации, под которой следует понимать необходимость установления не только факта передачи имущественных благ, но и причинно-следственной связи между этими благами и действиями должностного лица, направленными на предоставление незаконных преференций. В рамках такой детализации требуются:

¹³ Пантюхина И. В., Южанин В. Е. Спорные вопросы и недостатки регламентации предмета взяточничества // Еромен. Global. 2023. № 41. С. 123.

- точная денежная оценка полученного имущества, услуг или имущественных прав;
- фиксация последовательности действий сторон (до и после предоставления вознаграждения);
- выявление расхождений между официальной стоимостью сделки и рыночной ценой;
- установление интереса, преследуемого плательщиком (взяткодателем);
- анализ деловой и служебной переписки, командировочных заданий, контрактов, а также возможных аффилированных связей между участниками.

Такая детализация необходима ввиду сложной маскировки коррупционного умысла и невозможности установления прямой передачи взятки.

Совершенствование методик расследования, активное использование финансовых и налоговых данных, а также укрепление нормативной базы являются ключевыми мерами противодействия скрытой коррупции.

Список источников

1. Любавина М. А. Квалификация взяточничества (ст. 290, 291, 291.1, 291.2 УК РФ): учебное пособие. СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2018. 156 с.
2. Назарова М. Г. Услуга как предмет взятки: гражданско-правовой и уголовно-правовой аспекты / М. Г. Назарова, Б. З. Кушхова // Университетская наука. 2021. № 1 (11). С. 233–237.
3. Никонов П. В. Уголовно-правовые основы противодействия преступлениям, связанным с дачей и получением взятки и иными видами незаконного вознаграждения. Иркутск: Иркутский юридический институт (филиал) ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры Российской Федерации», 2025. 41 с. ISBN 978-5-605-41543-5.
4. Пантюхина И. В. Спорные вопросы и недостатки регламентации предмета взяточничества / И. В. Пантюхина, В. Е. Южанин // Еромен. Global. 2023. № 41. С. 123–139.
5. Сердюкова Е. В. Взяточничество: вопросы квалификации: монография. РАНХиГС, Ставропольский филиал. Ставрополь: Фабула, 2015. 77 с.
6. Хилута В. В. Завуалированная взятка или законно оказанная услуга? // Законность. 2020. № 10 (1032). С. 33–36.
7. Чебуренков А. А. Криминалистическая классификация способов передачи взятки / А. А. Чебуренков, М. А. Зубов // Закон и право. 2019. № 12. С. 162–164.

Сведения об авторах:

Алексеева Ольга Витальевна, студентка 4-го курса специалитета, факультет безопасности и таможни, Северо-Западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург, Российская Федерация); e-mail: oalekseeva-22-01@ranepa.ru

Научный руководитель: Глухов Евгений Александрович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры безопасности, Северо-Западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург, Российская Федерация); e-mail: evgenijgluhov@yandex.ru

References

1. Lyubavina, M. A. (2018) Qualification of bribery (Articles 290, 291, 291.1, 291.2 of the Criminal Code of the Russian Federation): textbook. St. Petersburg: *St. Petersburg Law*

Institute (branch) Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. 156 p. (In Russ.)

2. Nazarova, M. G., Kushkhova, B. Z. (2021) Service as a subject of a bribe: civil law and criminal law aspects. *University science*, No. 1 (11), pp. 233–237. (In Russ.)
3. Nikonov, P. V. (2025) Criminal law bases for countering crimes related to giving and receiving bribes and other types of illegal remuneration. Irkutsk: Irkutsk Law Institute (branch) of the Federal State-funded Educational Institution of Higher Education “University of the Prosecutor’s Office of the Russian Federation”. 41 p. ISBN 978-5-605-41543-5. (In Russ.)
4. Pantyukhina, I. V., Yuzhanin, V. E. (2023) Controversial issues and shortcomings in the regulation of the subject of bribery. *Epomen. Global*, No. 41, pp. 123–139. (In Russ.)
5. Serdyukova, E. V. (2015) Bribery: qualification issues: a monograph. RANEPa, Stavropol phil. Stavropol: *Fabula*, 77 p. (In Russ.)
6. Khilyuta, V. V. (2020) A veiled bribe or a legally rendered service? *Legality*, No. 10 (1032). pp. 33–36. (In Russ.)
7. Cheburenkov, A. A., Zubov, M. A. (2019) Criminalistic classification of methods of bribe transfer. *Law and law*, No. 12, pp. 162–164. (In Russ.)

About the authors:

Olga V. Alekseeva, specialty student, Faculty of Security and Customs, North-West Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint Petersburg, Russian Federation);
e-mail: oalekseeva-22-01@ranepa.ru

Academic Supervisor: Evgeny. A. Glukhov, PhD in Jurisprudence, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Security, North-West Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russian Federation); e-mail: evgenijgluhov@yandex.ru

Кластерный подход в анализе социально-экономического положения Санкт-Петербурга

Орлова Екатерина Андреевна, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Северо-Западный институт управления, Санкт-Петербург, Российская Федерация
студентка 4-го курса бакалавриата, факультет экономики и финансов
E-mail: eorlova-22@edu.ranepa.ru

Научный руководитель:

Полянская Светлана Владимировна, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Северо-Западный институт управления, Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: polyanskaya-sv@ranepa.ru

Аннотация

Введение: статья посвящена решению проблемы сравнительного анализа социально-экономического положения российских регионов путем разработки и апробации комплексного кластерного подхода. Цели исследования — определение места Санкт-Петербурга в системе субъектов РФ и выявление устойчивого круга регионов-аналогов и специфики города по ключевым сферам развития.

Методы: методология основана на иерархической кластеризации 85 субъектов РФ по системе из 39 показателей (2017–2023 гг.), сгруппированных в шесть тематических блоков. Для повышения устойчивости результатов применена комплексная предобработка данных: преобразование Бокса-Кокса для нормализации распределений и сравнительный анализ четырех методов стандартизации (Z-стандартизация, МинМакс, робастная и MedCouple стандартизация). Индекс схожести рассчитывался как доля анализов, в которых регион оказывался в одном кластере с Санкт-Петербургом.

Результаты: исследование выявило устойчивое ядро регионов-аналогов Санкт-Петербурга, включающее Москву, крупные промышленные центры, развитые дальневосточные и высокодоходные ресурсные территории. Установлена значительная дифференциация схожести: Санкт-Петербург демонстрирует типичность в демографической и экономической сферах, уникальность — в образовании и культуре, а по уровню жизни и развитию инфраструктуры относится к узкой группе регионов-лидеров. Сравнение методов стандартизации показало, что их комбинированное применение позволяет получить более полную и устойчивую картину межрегиональных сопоставлений.

Обсуждение: научная новизна работы заключается в комплексном сравнении методов стандартизации для повышения устойчивости результатов кластеризации. Полученные выводы формируют основу для разработки адресных рекомендаций в области региональной политики, позволяя перейти от сравнений «со средним по России» к целевой работе с конкретными регионами-аналогами и стратегическому управлению уникальными конкурентными преимуществами Санкт-Петербурга.

Ключевые слова: кластерный анализ, социально-экономическое развитие, регионы России, стандартизация данных, региональная политика, иерархическая кластеризация.

Для цитирования: Орлова Е. А. Кластерный подход в анализе социально-экономического положения Санкт-Петербурга // Новизна. Эксперимент. Традиции (Н.Экс.Т). – 2026. – Т. 12. – № 1 (33). – С. 31–42.

Cluster Approach in the Analysis of the Socio-Economic Situation of St. Petersburg

Ekaterina A. Orlova, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, North-West Institute of Management (Saint Petersburg, Russian Federation)

BA student, Faculty of Economics and Finance

E-mail: eorlova-22@edu.ranepa.ru

Academic Supervisor:

Svetlana V. Polyanskaya, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, North-West Institute of Management (Saint Petersburg, Russian Federation)

E-mail: polyanskaya-sv@ranepa.ru

Abstract

Introduction: This paper addresses the issue of comparative analysis of the socio-economic status of Russian regions via developing and testing a comprehensive cluster approach. The goal of the research consists in determining the position of Saint Petersburg within the system of the constituent entities of the Russian Federation, identify a consistent group of analogous regions, as well as some specific characteristics of the city in the key development areas.

Methods: The methodology is based on the hierarchical clustering of 85 subjects of the Russian Federation employing a system of 39 indicators (2017-2023), grouped into six thematic blocks. To enhance the robustness of the results, comprehensive data preprocessing was applied: a Box-Cox transformation for normalizing distributions and a comparative analysis of four standardization methods (Z-standardization, Min-Max, robust, and MedCouple standardization). The similarity index was calculated as the proportion of analyses in which a region was placed in the same cluster as Saint Petersburg.

Results: The study identified a stable core of the regions analogous to Saint Petersburg, including Moscow, major industrial centers, developed Far Eastern territories, and high-income resource-rich areas. A significant differentiation in similarity was established: Saint Petersburg shows typical characteristics in demographic and economic spheres, the uniqueness in educational and cultural perspectives, while in terms of living standards and infrastructure development, it belongs to a narrow group of leading regions. The comparison of standardization methods has demonstrated that their combined application provides a more complete and consistent presentation of interregional comparisons.

Discussion: The academic novelty of this study consists in the comprehensive comparison of standardization methods to enhance the robustness of clustering results. The conclusions drawn constitute the foundation for developing targeted recommendations in regional policy, allowing for a shift from comparisons “with the average in Russia” to focused work with specific analogous regions and the strategic management of Saint Petersburg’s unique competitive advantages.

Keywords: cluster analysis, socio-economic development, regions of Russia, data standardization, regional policy, hierarchical clustering.

For citation: Orlova, E. A. (2026) Cluster Approach in the Analysis of the Socio-Economic Situation of St. Petersburg. *Novelty. Experiment. Traditions (N.Ex.T)*, vol. 12, no. 1 (33), pp. 31–42.

Кластерный подход служит ключевым инструментом региональной экономики, позволяя выявлять группы территорий со схожими социально-экономическими характеристиками. Актуальность такой типологии для России обусловлена необходимостью выработки эффективной региональной политики в условиях значительной дифференциации субъектов. Особый интерес представляет Санкт-Петербург, обладающий как типичными чертами, так и выраженной спецификой.

Основной проблемой исследования является отсутствие универсального и устойчивого метода сравнительного анализа регионов России. Существующие подходы часто сталкиваются с трудностями выбора системы показателей и метода стандартизации данных, что напрямую влияет на результаты кластеризации.

Цель работы — разработка и апробация кластерного подхода к анализу положения Санкт-Петербурга на основе применения четырех методов стандартизации данных (Z-стандартизация, МинМакс, робастная и MedCouple стандартизация). Исследование направлено на выбор оптимального метода, определение места города в системе российских регионов и формирование списка регионов-аналогов для выработки управленческих рекомендаций.

Проблема группировки регионов по уровню социально-экономического развития традиционна для региональной экономики. Исследования^{1, 2} подтверждают эффективность кластеризации для выявления скрытых закономерностей и типизации регионов.

Ключевым вопросом остается формирование системы показателей. Существует консенсус о необходимости комплексного подхода, учитывающего экономические, социальные и демографические аспекты³. Важность включения показателей человеческого капитала⁴ также нашла отражение в системе из шести тематических блоков, которые используются в исследовании.

Особое значение имеет предобработка данных. Как отмечено в работе Е. В. Долгодворовой⁵, чувствительность алгоритмов к масштабу и распределению данных делает этап стандартизации критически важным. Однако большинство исследований ограничиваются одним методом (чаще Z-стандартизацией) без сравнения устойчивости результатов. В настоящем исследовании проводится сравнение четырех методов стандартизации, включая робастные методы, устойчивые к выбросам.

Методологическую основу исследования составил кластерный анализ, реализованный с применением иерархического агломеративного алгоритма. Для обеспечения устойчивости и достоверности выводов анализ проводился с использованием программной среды R, что позволило автоматизировать вычисления и обеспечить воспроизводимость результатов.

Для анализа была разработана комплексная система, включающая 39 социально-экономических показателей по 85 субъектам Российской Федерации, по которым представлены данные за период с 2017 по 2023 г. на официальном сайте Федеральной службы государственной статистики. Все показатели были сгруппированы в шесть тематических

¹ Кетова К. В., Касаткина Е. В., Вавилова Д. Д. Кластеризация регионов Российской Федерации по уровню социально-экономического развития с использованием методов машинного обучения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14, № 6. С. 70–85.

² Логачева Н. М., Петрова А. К. Применение методов кластеризации в экономическом анализе регионов // Инновации. 2021. № 5 (271). С. 43–51.

³ Куренков П. В., Карышев М. Ю. Сопоставление отдельных аспектов социально-экономического положения районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей с остальной территорией Российской Федерации // Социально-экономический и гуманитарный журнал. 2025. № 1. С. 37–49.

⁴ Блануца В. И. Пространственная алгоритмическая предвзятость в социально-экономической кластеризации российских регионов // Пространственная экономика. 2024. Т. 20, № 2. С. 71–92.

⁵ Долгодворова Е. В. Кластерный анализ: базовые концепции и алгоритмы // Вопросы науки и образования. 2018. № 7 (19). С. 73–76.

блоков: демография и трудовые ресурсы, здравоохранение, экономика и инновации, уровень жизни и доходы, образование и культура, услуги и транспорт.

Ключевым этапом исследования, предвещающим кластеризацию, стала комплексная предобработка данных. Поскольку исходные социально-экономические показатели существенно различаются по масштабу и характеру распределения, их прямое сравнение и совместный анализ были бы некорректны. Для приведения распределения данных к нормальному и минимизации влияния асимметрии и выбросов на результаты кластеризации было применено преобразование Бокса-Кокса. Это преобразование позволило стабилизировать дисперсию и приблизить распределения к нормальному, что является важным условием для применения многих статистических методов, включая используемые далее алгоритмы кластеризации, чувствительные к экстремальным значениям и сильной скошенности данных.

После преобразования Бокса-Кокса для обеспечения единого масштаба показателей был реализован сравнительный подход с использованием четырех методов стандартизации: Z-стандартизации, приводящей данные к распределению с нулевым средним и единичной дисперсией; стандартизации МинМакс, масштабирующей значения в интервал $[0;1]$; робастной стандартизации на основе медианы и межквартильного размаха, устойчивой к аномальным наблюдениям, а также MedCouple стандартизации, специально адаптированной для работы с асимметричными распределениями. Такой комплексный подход к предобработке, включающий нелинейное преобразование и различные методы стандартизации, позволил нивелировать ограничения, присущие каждому из методов в отдельности, и обеспечить высокую устойчивость и надежность итоговых результатов кластерного анализа.

Сама же кластеризация проводилась в два этапа:

1. Общая кластеризация: определение регионов, схожих с Санкт-Петербургом по всему комплексу из 39 показателей.
2. Кластеризация по группам показателей: выявление схожести в конкретных сферах (например, образование, уровень жизни).

Для количественной оценки результатов был введен индекс схожести — доля анализов (в процентах), в которых регион оказывался в одном кластере с Санкт-Петербургом, от общего числа проведенных анализов ($7 \text{ лет} \times 6 \text{ групп показателей} = 42$). Итоговый список регионов-аналогов формировался на основе комплексного критерия: регион должен был иметь не менее 10 случаев попадания в один кластер с Санкт-Петербургом и демонстрировать схожесть не менее чем по 5 различным группам показателей, что обеспечивало учет комплексной, а не случайной схожести.

На предварительном этапе для нормализации распределения и снижения влияния асимметрии и выбросов все социально-экономические показатели были обработаны с помощью преобразования Бокса-Кокса. Индивидуальный подбор параметра λ для каждого показателя и года позволил адаптировать метод к специфике распределения.

Эффективность преобразования подтверждается значительным увеличением числа показателей, чье распределение статистически значимо не отличалось от нормального: с 5–8 до 22–25 из 39. Наиболее существенное улучшение наблюдалось у ключевых экономических индикаторов. Например, распределение валового регионального продукта (ВРП), изначально имевшего выраженную правостороннюю асимметрию, после преобразования с $\lambda = -0,63$ перестало значимо отличаться от нормального ($p\text{-value}$ Шапиро-Уилка = 0,60), что наглядно демонстрирует рисунок 1.

Аналогичный прогресс был достигнут для ряда социальных показателей. В то же время для некоторых индикаторов, например, численности населения, преобразование не привело к нормализации (рис. 2), что указывает на устойчивую, фундаментальную природу их распределения.

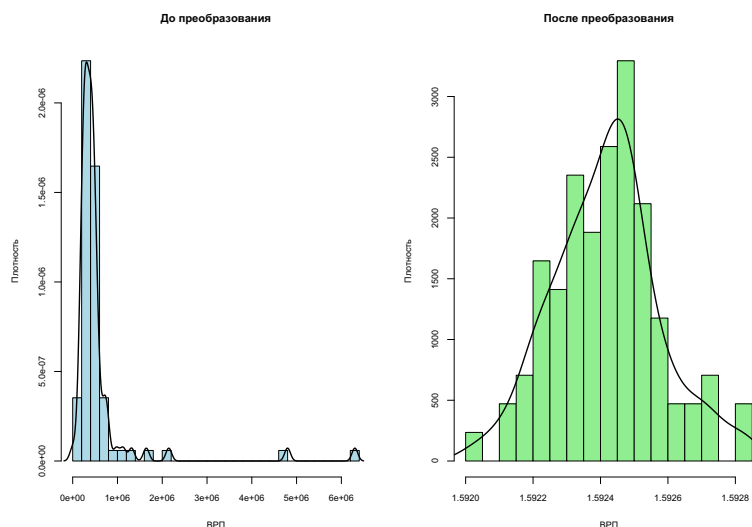

Рис. 1. Изменение плотности распределения ВРП за 2017 г. (составлено автором по данным с сайта <https://rosstat.gov.ru>)

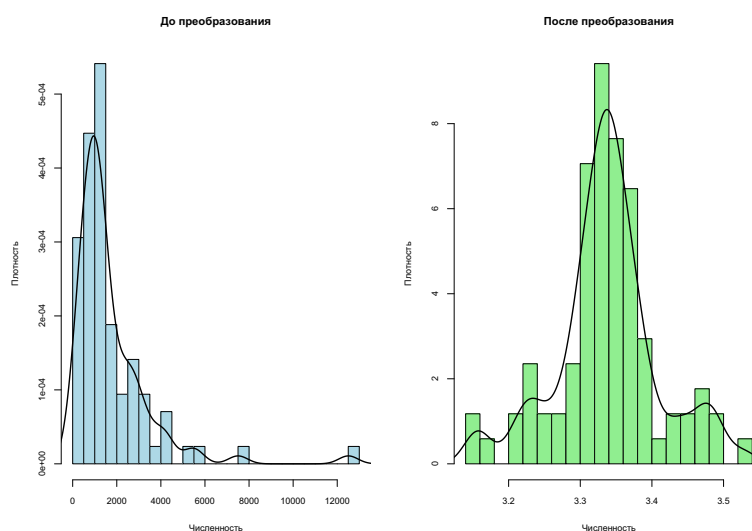

Рис. 2. Изменение плотности распределения численности населения за 2017 г. (составлено автором по данным с сайта <https://rosstat.gov.ru>)

Несмотря на это, преобразование в целом позволило перейти к данным с нормальным распределением, что является необходимым условием для последующего статистического анализа, и заложило основу для надежной кластеризации.

После выполнения преобразования Бокса-Кокса для нормализации распределений показателей был проведен сравнительный анализ четырех методов стандартизации данных, каждый из которых продемонстрировал различные аспекты схожести регионов с Санкт-Петербургом.

Z-стандартизация (рис. 3) выявила наиболее классическую картину регионов-аналогов. Безусловным лидером с индексом схожести 95,2 % стала Москва, что подтверждает особый статус двух столичных мегаполисов.

В первую десятку также вошли крупные промышленные и экономически развитые регионы: Свердловская область (81,0 %), Республика Татарстан (71,4 %), Нижегородская область (66,7 %), а также Приморский и Хабаровский края (по 64,3 %). Значимо,

что Российская Федерация в целом показала индекс схожести 64,3 %, что указывает на определенную репрезентативность Санкт-Петербурга в общероссийском контексте при использовании данного метода.

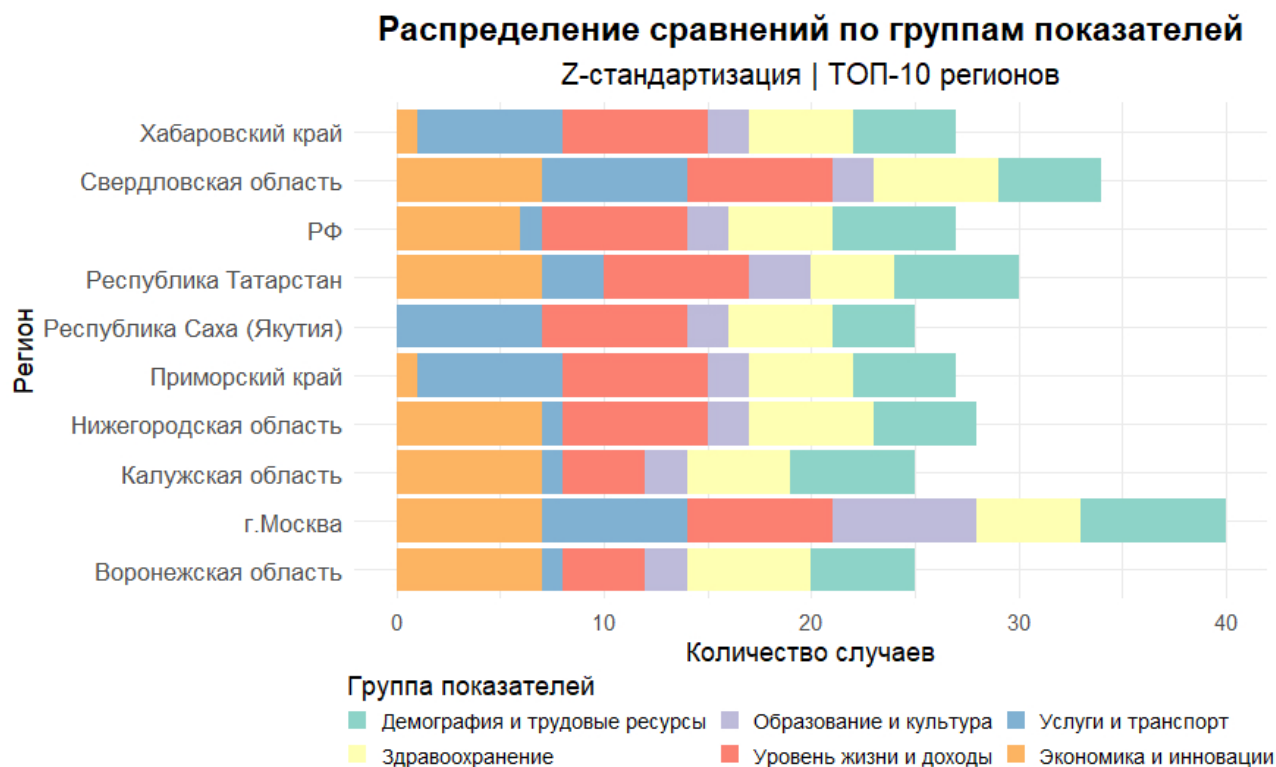

Рис. 3. Кластеризация с Z-стандартизацией
(составлено автором по данным с сайта <https://rosstat.gov.ru>)

Стандартизация МинМакс (рис. 4), обладающая повышенной чувствительностью к выбросам, подтвердила лидерство Москвы (92,9 %), но внесла существенные коррективы в состав регионов-аналогов.

Наряду с промышленно развитыми регионами (Свердловская область — 64,3 %, Калужская и Нижегородская области — по 57,1 %) в топ-10 вошли ресурсодобывающие территории (Ямало-Ненецкий АО — 57,1 %) и дальневосточные регионы (Хабаровский край — 57,1 %). Это свидетельствует о том, что при учете экстремальных значений профиль Санкт-Петербурга оказывается ближе к регионам с особым экономическим статусом.

Робастная стандартизация (рис. 5), устойчивая к выбросам, также подтвердила лидерство Москвы.

Москва продемонстрировала максимальную близость (95,2 %), при этом значительно выросли индексы у Ханты-Мансийского АО – Югры (61,9 %) и Республики Саха (Якутия) (59,5 %). Это указывает на наличие устойчивой схожести с Санкт-Петербургом по ключевым медианным значениям показателей, не искаженной экстремальными значениями.

MedCouple стандартизация (рис. 6), адаптирующаяся к асимметрии распределения, тоже подтвердила лидерство Москвы (95,2 %) и показала высокую схожесть Свердловской области (73,8 %) с Санкт-Петербургом.

В топ-10 вошли Ханты-Мансийский АО – Югра (64,3 %), Хабаровский край, Нижегородская и Самарская области (по 61,9 %). Метод продемонстрировал сбалансированные результаты, учитывающие как симметричные, так и асимметричные распределения

показателей, что делает его особенно ценным для комплексного социально-экономического анализа.

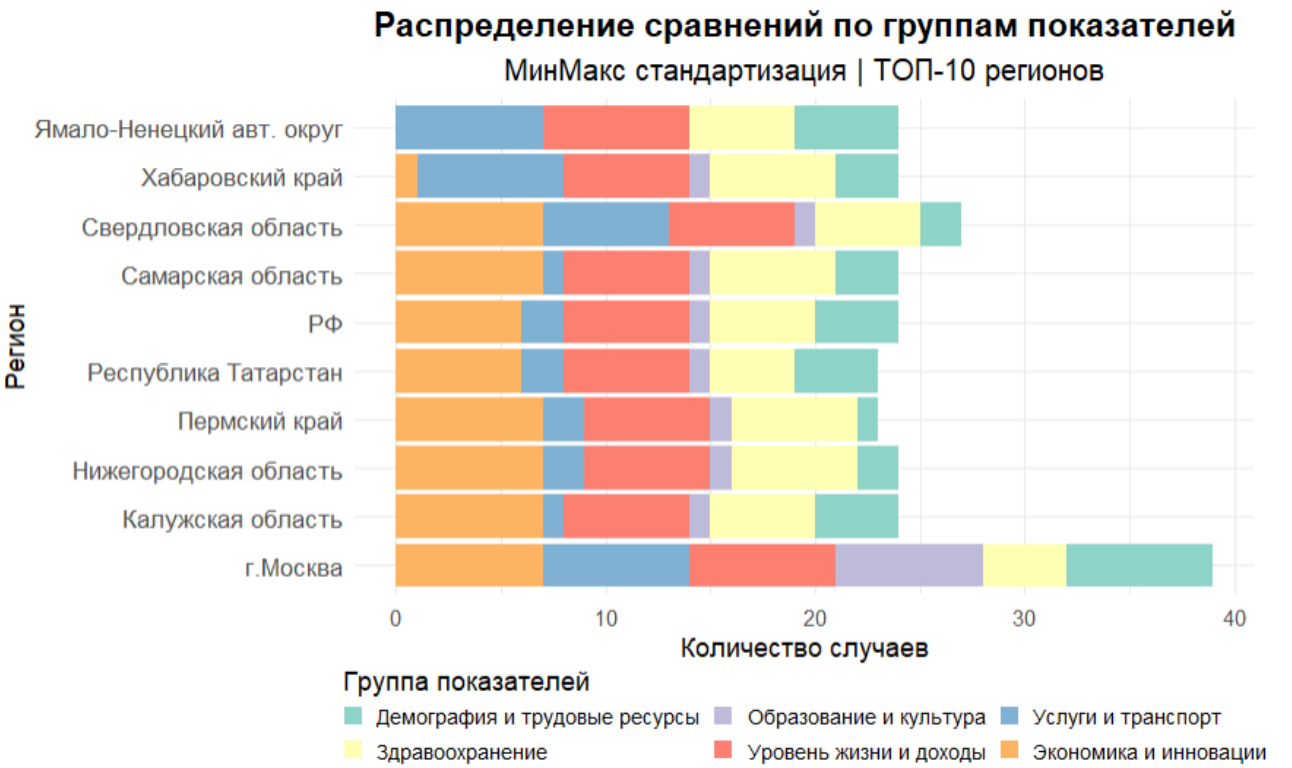

Рис. 4. Кластеризация со стандартизацией МинМакс
(составлено автором по данным с сайта <https://rosstat.gov.ru>)

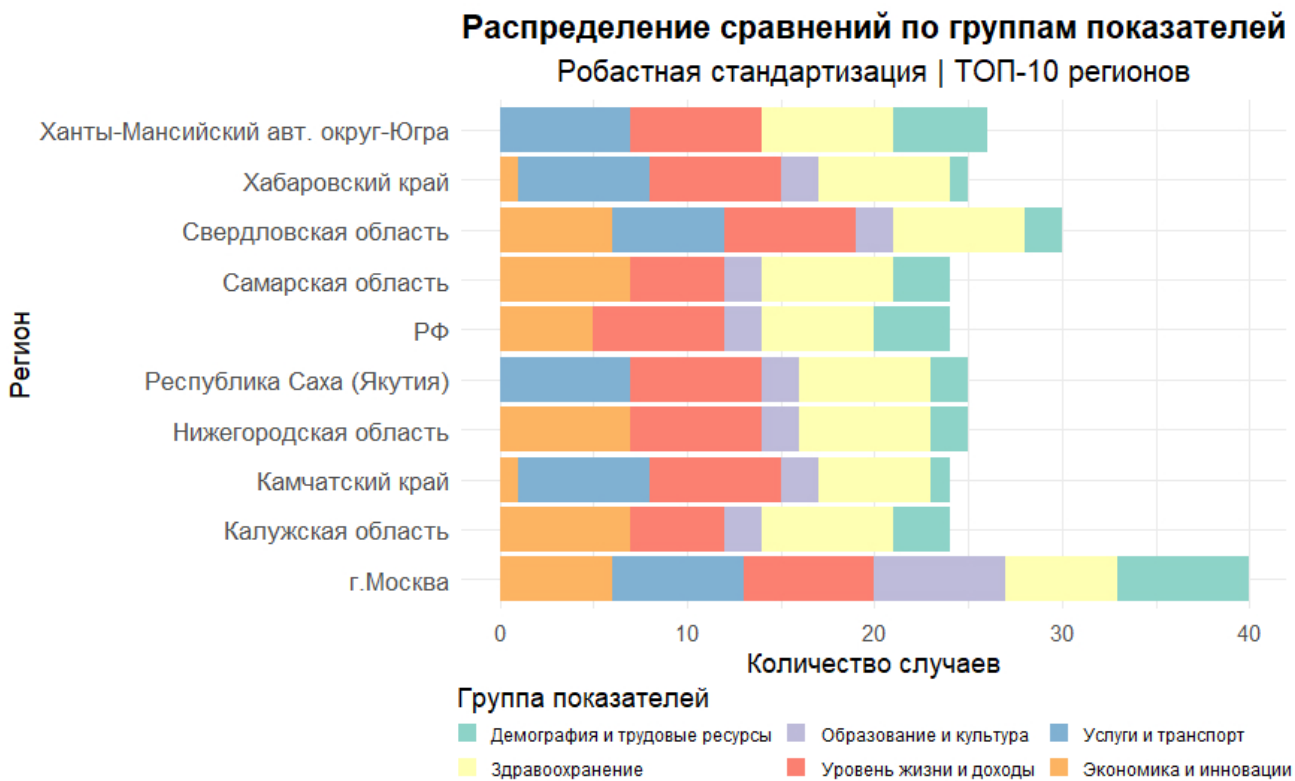

Рис. 5. Кластеризация с робастной стандартизацией
(составлено автором по данным с сайта <https://rosstat.gov.ru>)

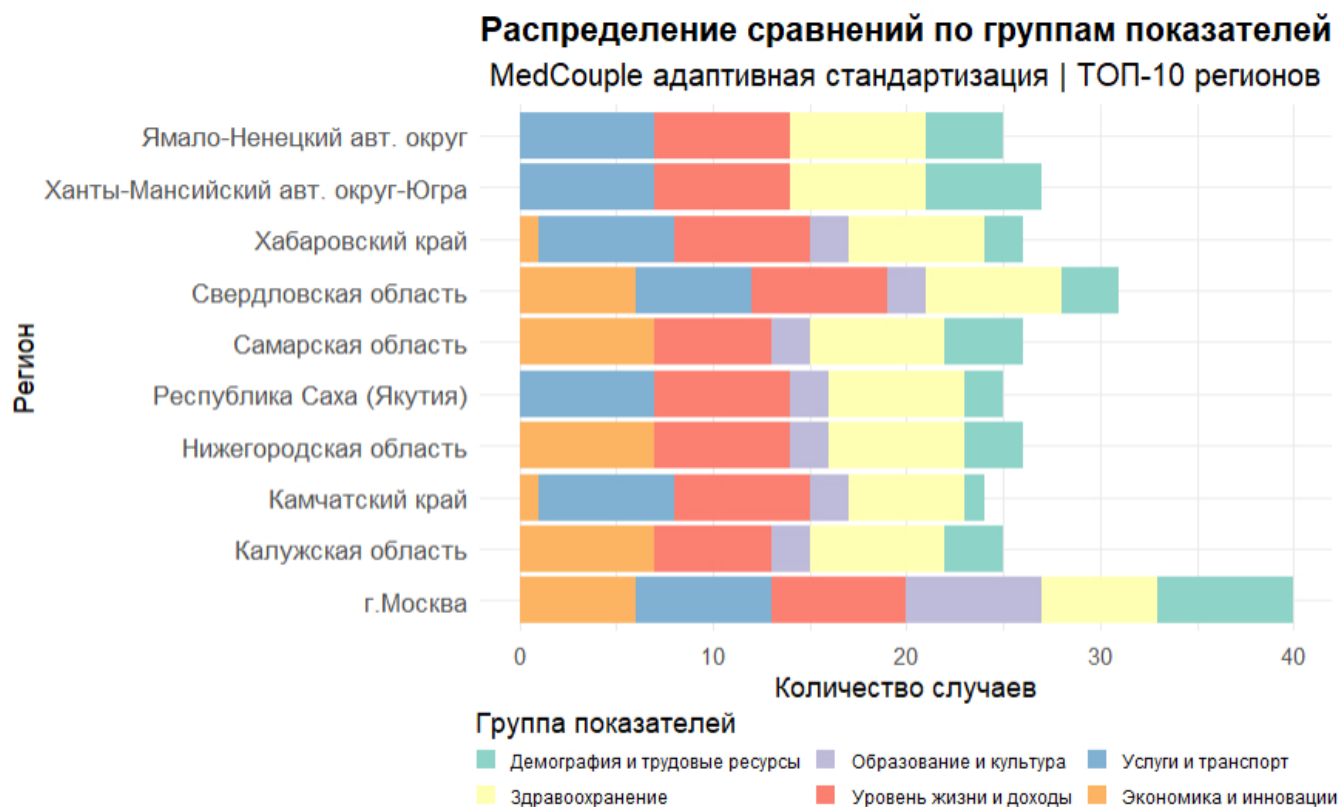

Рис. 6. Кластеризация с MedCouple стандартизацией
(составлено автором по данным с сайта <https://rosstat.gov.ru>)

Сравнительный анализ методов стандартизации выявил устойчивое ядро регионов-аналогов Санкт-Петербурга, включающее Москву, крупные промышленные регионы и развитые дальневосточные территории, при этом каждый метод подчеркивал различные аспекты этой схожести — от классических экономических параллелей до структурного сходства в условиях особого статуса или ресурсной ориентации.

Проведенное исследование позволило не только выявить регионы-аналоги Санкт-Петербурга, но и проанализировать влияние методологического выбора на результаты кластеризации, что вносит вклад в решение основной проблемы, обозначенной во введении, — отсутствия универсального и устойчивого метода сравнительного анализа регионов России.

Выявленное устойчивое ядро регионов-аналогов, включающее Москву, крупные промышленные центры (Свердловская, Нижегородская, Самарская области, Татарстан), развитые дальневосточные и высокодоходные ресурсные территории, подтверждает гипотезу о двойственности положения Санкт-Петербурга. С одной стороны, он схож с диверсифицированными экономическими центрами, что согласуется с выводами исследований о кластеризации по экономико-инновационным показателям^{6, 7}. С другой — его близость к ресурсодобывающим регионам, проявившаяся при использовании методов,

⁶ Заварухин В. П., Чинаева Т. И., Чурилова Э. Ю. Регионы России: результаты кластеризации на основе экономических и инновационных показателей // Статистика и экономика. 2022. Т. 19, № 5. С. 35–47.

⁷ Кетова К. В., Касаткина Е. В., Вавилова Д. Д. Кластеризация регионов Российской Федерации по уровню социально-экономического развития с использованием методов машинного обучения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14, № 6. С. 70–85.

устойчивых к выбросам (МинМакс, робастная стандартизация), указывает на сходство не по структуре экономики, а по высокому абсолютному уровню финансовых возможностей и, как следствие, уровню жизни, что также отмечалось в работах по дифференциации доходов^{8,9}. Исключительная уникальность города в сфере образования и культуры, где он формирует кластер лишь с Москвой, полностью соответствует его устоявшемуся статусу культурной столицы и крупнейшего научно-образовательного центра, что подчеркивает важность учета показателей человеческого капитала¹⁰ в региональных сопоставлениях.

Основная научная новизна работы заключается в комплексном сравнении методов предобработки данных. Результаты наглядно демонстрируют, что выбор метода стандартизации является не технической, а содержательной задачей. Z-стандартизация, являясь де-факто стандартом во многих исследованиях^{11,12}, выстраивает классическую иерархию регионов по принципу близости к среднему. Однако, как показал анализ, она может нивелировать специфику регионов с экстремальными значениями показателей. В свою очередь, робастные методы выявили устойчивые структурные сходства Санкт-Петербурга с регионами, имеющими иной экономический уклад, но сопоставимые медианные уровни развития по ряду индикаторов. Таким образом, комбинированное применение различных методов стандартизации, предваренное преобразованием Бокса-Кокса для нормализации распределений, позволило получить более полную, многомерную и устойчивую картину схожести, минимизируя случайность, вызванную артефактами одного алгоритма.

Полученные результаты имеют непосредственное значение для региональной политики. Выявленная дифференциация схожести по сферам позволяет перейти от универсальных мер к адресным. В типичных для города сферах (демография, здравоохранение) целесообразен обмен опытом с широким кругом регионов. В сферах, где Санкт-Петербург входит в узкую группу лидеров (уровень жизни, инфраструктура), актуально перенимание лучших практик у Москвы и наиболее успешных ресурсных регионов, особенно в части управления доходами и реализации крупных инфраструктурных проектов. В уникальных сферах (образование, культура) ключевой задачей становится не догоняющее развитие, а сохранение и капитализация конкурентных преимуществ, их монетизация через развитие туризма, экспорт образовательных услуг и усиление глобального позиционирования.

Необходимо отметить и ограничения проведенного анализа. Во-первых, результаты чувствительны к выбранной системе из 39 показателей, несмотря на ее комплексность. Включение или исключение отдельных индикаторов могло бы повлиять на состав кластеров. Во-вторых, использованный иерархический агломеративный алгоритм, как и любой метод кластеризации, предполагает субъективный выбор меры расстояния и метода связи, что также вносит некоторую неопределенность. В-третьих, период исследования (2017–2023 гг.) включает этап экономической турбулентности, что могло повлиять на

⁸ Белоконов С. Ю., Конищев Е. С. Трансформация экономики российских регионов в 2020–2022 гг. и возможности социально-экономического развития Донбасса в составе России // Проблемы рыночной экономики. 2022. № 4. С. 42–56.

⁹ Минаков А. В. Проблемы сбалансированного социально-экономического развития регионов России / А. В. Минаков // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2024. № 3-3. С. 420–427.

¹⁰ Блануца В. И. Пространственная алгоритмическая предвзятость в социально-экономической кластеризации российских регионов // Пространственная экономика. 2024. Т. 20, № 2. С. 71–92.

¹¹ Долгодворова Е. В. Кластерный анализ: базовые концепции и алгоритмы // Вопросы науки и образования. 2018. № 7 (19). С. 73–76.

¹² Кетова К. В., Касаткина Е. В., Вавилова Д. Д. Кластеризация регионов Российской Федерации по уровню социально-экономического развития с использованием методов машинного обучения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14, № 6. С. 70–85.

динамику показателей. В дальнейших исследованиях целесообразно проверить устойчивость полученного ядра аналогов на расширенном наборе показателей.

Проведенное исследование было направлено на разработку и апробацию комплексного кластерного подхода для определения социально-экономического положения Санкт-Петербурга в системе российских регионов с использованием четырех методов стандартизации данных. В результате применения иерархической кластеризации к системе из 39 показателей за период 2017–2023 гг. было выявлено устойчивое ядро регионов-аналогов, в которое вошли Москва, крупные промышленные субъекты (Свердловская, Нижегородская, Самарская области, Республика Татарстан), развитые дальневосточные территории, а также высокодоходные ресурсодобывающие регионы. Установлена значительная дифференциация схожести Санкт-Петербурга с другими субъектами РФ по отдельным сферам: город демонстрирует типичность в демографической и экономической сферах, принадлежит к узкой группе лидеров по уровню жизни и развитию инфраструктуры, а в области образования и культуры обладает уникальным, не имеющим аналогов среди других регионов статусом.

Научная новизна работы подтверждена результатами комплексного сравнения методов стандартизации, показавшего, что комбинированное их применение повышает устойчивость и интерпретируемость результатов кластеризации. Практическая значимость исследования заключается в формировании основы для перехода от усредненных сравнений «по России» к адресной региональной политике, позволяющей Санкт-Петербургу заимствовать лучшие практики в типичных сферах, укреплять лидерство в ключевых областях и капитализировать уникальные конкурентные преимущества в культурно-образовательном пространстве. Таким образом, кластерный подход с применением многовариантной стандартизации данных продемонстрировал свою эффективность как инструмент для глубокого и структурированного анализа регионального развития.

Список источников:

1. Белоконев С. Ю. Трансформация экономики российских регионов в 2020–2022 гг. и возможности социально-экономического развития Донбасса в составе России / С. Ю. Белоконев, Е. С. Конищев // Проблемы рыночной экономики. 2022. № 4. С. 42–56. DOI: 10.33051/2500-2325-2022-4-42-56 EDN: AFUQTP
2. Блануца В. И. Пространственная алгоритмическая предвзятость в социально-экономической кластеризации российских регионов // Пространственная экономика. 2024. Т. 20, № 2. С. 71–92. DOI: 10.14530/se.2024.2.071-092 EDN: RZKPUD
3. Долгодворова Е. В. Кластерный анализ: базовые концепции и алгоритмы // Вопросы науки и образования. 2018. № 7 (19). С. 73–76. EDN: XPICXB
4. Заварухин В. П. Регионы России: результаты кластеризации на основе экономических и инновационных показателей / В. П. Заварухин, Т. И. Чинаева, Э. Ю. Чурилова // Статистика и экономика. 2022. Т. 19, № 5. С. 35–47. DOI: 10.21686/2500-3925-2022-5-35-47 EDN: THDRUV
5. Кетова К. В. Кластеризация регионов Российской Федерации по уровню социально-экономического развития с использованием методов машинного обучения / К. В. Кетова, Е. В. Касаткина, Д. Д. Вавилова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14, № 6. С. 70–85. DOI: 10.15838/esc.2021.6.78.4 EDN: DZHETJ
6. Куренков П. В. Сопоставление отдельных аспектов социально-экономического положения районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей с остальной

территорией Российской Федерации / П. В. Куренков, М. Ю. Карышев // Социально-экономический и гуманитарный журнал. 2025. № 1. С. 37–49. DOI: 10.36718/2500-1825-2025-1-37-49 EDN: XWBH1P

7. *Логачева Н. М.* Применение методов кластеризации в экономическом анализе регионов / Н. М. Логачева, А. К. Петрова // Инновации. 2021. № 5 (271). С. 43–51. DOI: 10.26310/2071-3010.2021.271.5.005 EDN: GSJHUI

8. *Минаков А. В.* Проблемы сбалансированного социально-экономического развития регионов России // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2024. № 3-3. С. 420–427. DOI: 10.17513/vaael.3365 EDN: NWYSBZ

Сведения об авторах:

Орлова Екатерина Андреевна, студентка 4-го курса бакалавриата, факультет экономики и финансов, Северо-Западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург, Российская Федерация); e-mail: eorlova-22@edu.ranepa.ru

Научный руководитель: Полянская Светлана Владимировна, кандидат технических наук, доцент кафедры бизнес-информатики, Северо-Западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург, Российская Федерация); e-mail: polyanskaya-sv@ranepa.ru

References

1. Belokonev, S. Yu., Konishchev, E. S. (2022) Transformation of the Economy of Russian Regions in 2020–2022 and the Possibilities of Socioeconomic Development of Donbass as Part of Russia. *Problems of Market Economy*. No. 4. Pp. 42–56. DOI: 10.33051/2500-2325-2022-4-42-56
2. Blanutsa, V. I. (2024) Spatial algorithmic bias in socio-economic clustering of Russian regions. *Spatial Economy*. Vol. 20, No. 2. Pp. 71–92. DOI: 10.14530/se.2024.2.071-092
3. Dolgovorova, E. V. (2018) Cluster analysis: basic concepts and algorithms. *Issues of Science and Education*. No. 7 (19). Pp. 73–76.
4. Zavarukhin, V. P., Chinaeva, T. I., Churilova, E. Yu. (2022) Regions of Russia: results of clustering based on economic and innovation indicators. *Statistics and Economics*. Vol. 19, No. 5. Pp. 35–47. DOI: 10.21686/2500-3925-2022-5-35-47
5. Ketova, K. V., Kasatkina, E. V., Vavilova, D. D. (2021) Clustering of Regions of the Russian Federation by Level of Socioeconomic Development Using Machine Learning Methods. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. Vol. 14, No. 6. Pp. 70–85. DOI: 10.15838/esc.2021.6.78.4
6. Kurenkov, P. V., Karyshev, M. Yu. (2025) Comparison of individual aspects of the socio-economic situation of the regions of the far north and equivalent localities with the rest of the territory of the Russian Federation. *Socio-economic and humanitarian journal*. No 1. Pp. 37–49. DOI: 10.36718/2500-1825-2025-1-37-49
7. Logacheva, N. M., Petrova, A. K. (2021) Application of clustering methods in economic analysis of regions. *Innovations*. No. 5 (271). Pp. 43–51. DOI: 10.26310/2071-3010.2021.271.5.005
8. Minakov, A. V. (2024) Problems of balanced socio-economic development of Russian regions. *Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*. 2024. No. 3-3. Pp. 420–427. DOI: 10.17513/vaael.3365

About the authors:

Ekaterina A. Orlova, BA student, Faculty of Economics and Finance, North-West Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, (Saint Petersburg, Russian Federation); e-mail: eorlova-22@edu.ranepa.ru

Academic Supervisor: Svetlana V. Polyanskaya, PhD of Technical Sciences, Associate Professor of the Department of Business Informatics, North-West Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, (Saint Petersburg, Russian Federation); e-mail: polyanskaya-sv@ranepa.ru

Цифровой рубль: между технологическим прорывом и правовой неопределенностью

Афанасьев Владимир Александрович, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Северо-Западный институт управления, Санкт-Петербург, Российская Федерация
магистрант 3-го курса, юридический факультет
E-mail: vafanasev-23@edu.ranepa.ru

Научный руководитель:

Иванюженко Андрей Борисович, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Северо-Западный институт управления, Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: ivanyuzhenko-ab@ranepa.ru

Аннотация

Введение: исследование посвящено фундаментальной проблеме, препятствующей внедрению цифрового рубля: противоречию между технологическим потенциалом новой формы денег и неготовностью существующей правовой системы к их адекватному регулированию.

Методы: в качестве методологической основы работы применен системный анализ правовых норм и их коллизий. Этот подход позволил выявить и классифицировать рассогласование инновационной сущности цифрового актива с традиционными гражданско-правовыми и финансовыми конструкциями.

Результаты: результаты исследования демонстрируют системные пробелы и неопределенности в действующем законодательстве. Установлено отсутствие ясной юридической квалификации цифрового рубля, что порождает правовые риски в сферах обеспечения, бухгалтерского учета, кредитно-депозитных операций и применения смарт-контрактов. Выявлены ключевые проблемы: монополизация инфраструктуры, парадокс приватности (противоречие между декларируемой конфиденциальностью и возможностью тотального контроля), уязвимость прав пользователей, включая форс-мажорные риски, а также пробелы в квалификации хищений в уголовном праве. На международном уровне идентифицированы риски правового непризнания и санкционных ограничений, сдерживающие трансграничное использование.

Вывод: практическая значимость исследования заключается в комплексном структурировании наиболее острых правовых вызовов, связанных с цифровым рублем. Полученные выводы могут служить системной основой для целенаправленной законотворческой работы по созданию сбалансированного и эффективного правового режима для цифровой валюты Центрального банка.

Ключевые слова: цифровой рубль; Центральный банк; правовое регулирование; цифровая валюта; смарт-контракты; распределенный реестр; защита персональных данных; правовой статус цифрового рубля.

Для цитирования: Афанасьев В. А. Цифровой рубль: между технологическим прорывом и правовой неопределенностью // Новизна. Эксперимент. Традиции (Н.Экс.Т). – 2026. – Т. 12. – № 1 (33). – С. 43–52.

The Digital Ruble: Between Technological Breakthrough and Legal Uncertainty

Vladimir A. Afanasyev, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, North-West Institute of Management (Saint Petersburg, Russian Federation)

MA student, Faculty of Law

E-mail: vafanasev-23@edu.ranepa.ru

Academic Supervisor:

Andrei B. Ivanujenko, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, North-West Institute of Management (Saint Petersburg, Russian Federation)

E-mail: vanyuzhenko-ab@ranepa.ru

Abstract

Introduction: This study addresses a fundamental problem hindering the implementation of the digital ruble: the contradiction between the technological potential of this new form of currency, and the unpreparedness of the existing legal system for its adequate regulation.

Methods: A systematic analysis of legal norms and their conflicts has been employed as the methodological foundation of the research. This approach enabled the author to identify and classify the discrepancies between the innovative nature of the digital asset and traditional civil and financial constructs.

Results: The research findings reveal systemic gaps and uncertainties within the current legislation. The lack of clear legal classification for the digital ruble has been established, generating the legal risks in the areas of collateral, accounting, credit-deposit operations, and the application of smart contracts.

The key issues identified involve the monopolization of infrastructure, the privacy paradox, i.e., the contradiction between declared confidentiality and the potential for total control, user rights vulnerabilities, including force majeure risks, and the gaps in the classification of theft in criminal law.

At the international level, the author identifies the risks of legal non-recognition and sanctions hindering cross-border use.

Conclusion: The practical significance of this research consists in the comprehensive structuring of the most pressing legal challenges associated with the digital ruble. The conclusions drawn can serve as a systematic basis for the targeted legislative efforts to create a balanced and effective legal framework for Central Bank digital currency.

Keywords: digital ruble; central bank; legal regulation; digital currency; smart contracts; distributed ledger; data protection; legal status of the digital ruble.

For citation: Afanasyev, V. A. (2026) The Digital Ruble: Between Technological Breakthrough and Legal Uncertainty. *Novelty. Experiment. Traditions (N.Ex.T)*, vol. 12, no. 1 (33), pp. 43–52.

Мы становимся свидетелями тихой революции в финансовой системе. Цифровой рубль — не просто технологическое обновление, это фундаментальная трансформация того, как мы понимаем деньги. Когда Банк России анонсировал создание третьей формы

денег, многие восприняли это как естественный этап цифровизации. Однако за технологическим фасадом скрывается сложнейший правовой клубок, который предстоит распутать законодателям.

Первоначальная правовая база, сформированная федеральными законами от 24 июля 2023 года № 339-ФЗ «О внесении изменений в статьи 128 и 140 части первой, часть вторую и статьи 1128 и 1174 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации»¹ и № 340-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»², носила рамочный характер и выявила многочисленные правовые неопределенности в ходе пилотного проекта.

Принятие Федерального закона от 23 июля 2025 года № 248-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с развитием цифрового рубля»³ также не стало закономерным ответом на эти вызовы. Новый закон не затрагивает критические аспекты гражданских, процессуальных и финансовых правоотношений, а его анализ показывает, что все системные вопросы требуют дальнейшей проработки. Закон, по сути, предусматривает поэтапное введение цифрового рубля в оборот и внедрение универсального платежного кода для безналичной оплаты товаров.

Что такое цифровой рубль с юридической точки зрения? Закон определяет его как «безналичные денежные средства», но это определение мы можем сравнить с попыткой описать интернет как «усовершенствованную почту». Технология распределенных реестров и централизованный учет Банком России средств на счетах цифрового рубля создают уникальный гибрид, не имеющий аналогов в правовой системе, поскольку цифровой рубль сочетает в себе свойства и вещи (в экономическом смысле, как объект гражданского оборота), обязательственного права (как право требования к Банку России) и цифрового актива (учтенного на распределенном реестре).

Банк России позиционирует цифровой рубль как «третью форму денег», призванную повысить эффективность, безопасность и доступность расчетов⁴. Исходя из этого цифровой рубль обладает абсолютной паритетной стоимостью с существующими формами национальной валюты: один цифровой рубль эквивалентен одному безналичному и одному наличному рублю.

Однако ключевое правовое отличие цифрового и наличного рубля заключается в обеспечении. Если наличные деньги, будучи прямым обязательством Банка России, гарантированно обеспечены всеми его активами, то к цифровому рублю данная норма не применяется, что ставит под сомнение их абсолютную идентичность.

Также стоит отметить сам факт, что существуют принципиальные отличия между цифровым рублем и безналичным: часть из них отражена в статье 30.8 Федерального закона от 27 июня 2011 года № 161-ФЗ «О национальной платежной системе»⁵, в связи с чем возникают логичные вопросы, почему невозможно взять кредит или открыть депозит в цифровых рублях, если это безналичные денежные средства. Г. В. Пусурманов предлагает снять запрет на привлечение вкладов и депозитов в цифровых рублях и расширить спектр операций Банка России (имея в виду взаимодействие с физическими и юридическими лицами в этой сфере), что даст возможность пополнить государственный бюджет России, повысить благосостояние населения и доходность бизнеса за счет

¹ СЗ РФ 2023 г. № 31 ст. 5765.

² СЗ РФ 2023 г. № 31 ст. 5766.

³ Российская газета. 30 июля 2025 г.

⁴ Официальный сайт Банка России. Раздел «Цифровой рубль» [Электронный ресурс]. URL: https://cbr.ru/fintech/dr/?utm_source=w&utm_content=page (дата обращения: 10.11.2025).

⁵ СЗ РФ 2011 г. № 27 ст. 3872.

нового инвестиционного инструмента в виде цифрового рубля⁶. При отсутствии данного требования специалисты склоняются к мысли о том, что внедрение цифрового рубля может привести к оттоку депозитов из коммерческих банков, особенно пострадают при этом малые и средние банки⁷. А если учесть издержки по внедрению, которые оцениваются в среднем в 200–300 млн руб.⁸ для отдельной кредитной организации, то затраты банков по внедрению технологий цифрового рубля могут стать не окупаемыми в среднесрочной перспективе. Если же не провести тщательный анализ экономических последствий для банков, внедрение цифрового рубля может сильно затянуться. Необходимо найти баланс между государственной инновацией и коммерческими интересами кредитных организаций, для которых прибыльность операций — ключевой приоритет деятельности⁹.

Как установлено в ст. 27 Федерального закона от 10 июля 2002 года № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)», один рубль равен ста копейкам¹⁰. Это фундаментальное правило обеспечивает функцию размена, позволяя делить рубль на сотые доли и точно выражать стоимость товаров и услуг.

Несмотря на то что вышеназванный Федеральный закон от 24 июля 2023 года № 340-ФЗ разрешает переводить ровно столько, сколько есть на банковском счете, он умалчивает о том, как расплачиваться за покупки, стоящие, к примеру, 99 копеек. Также исследователи отмечают нерешенность вопроса отражения в бухгалтерском учете таких операций¹¹. В частности, в счетах-фактурах не допускается округление до целых рублей, на что указывает Минфин РФ, требуя заполнения этого документа в рублях и копейках¹².

Исходя из этого определение цифрового рубля в текущем законодательстве является не совсем корректным, более верно было бы его охарактеризовать как «цифровой финансовый актив с установленным законом режимом универсального обращения».

Смарт-контракты добавляют еще один «слой проблем». Автоматизированные платежи по наступлении условий — это не просто перевод денег, это исполнение программой условий договора. Открытым остается также вопрос ответственности, а именно виновности при некорректном применении кода. Фактическая монополизация Национальной системы платежных карт (НСПК) через законодательное закрепление универсального QR-кода, становящегося обязательным стандартом для всех банков, создает потенциальное противоречие с рядом фундаментальных конституционных принципов. Законодательное закрепление монопольного положения одного участника рынка (НСПК) на ключевую платежную технологию, по нашим представлениям, не соответствует части 2 статьи 34 Конституции РФ, которая не допускает экономическую деятельность, направленную на монополизацию и недобросовестную конкуренцию. Монополизация QR-кода создает искусственный барьер для других платежных систем и технологических компаний, которые не могут предложить свои аналогичные решения, лишая их доступа к рынку.

⁶ Пусурманов Г. В. Перспективы открытия вкладов (депозитов) в цифровых рублях в России // Закон. Право. Государство. 2025. № 3 (47). С. 75–79.

⁷ Пастухов Е. М., Гришунин С. В. Оценка влияния цифрового рубля на депозиты коммерческих банков России // Финансовый журнал. 2025. Т. 17, № 3. С. 126–140.

⁸ Яков и Партнеры. Кому достанутся цифровые рубли? [Электронный ресурс]. URL: <https://yakovpartners.ru/publications/cbdc/?ysclid=mlueii5pc631144435> (дата обращения: 10.11.2025).

⁹ Дружинин Н. Л. Проблемы цифровой экономики: изменение сроков введения цифрового рубля в России // Цифровая экономика и финансы: Материалы VIII Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 20–21 марта 2025 года. — СПб.: Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2025. С. 61–64.

¹⁰ СЗ РФ 2002 г. № 28 ст. 2790.

¹¹ Семенова Н. А., Коваленко С. Н., Глобинова К. Д., Жиленко А. И. Особенности учета операций с цифровым рублем // Экономика и управление: проблемы, решения. 2025. Т. 7, № 2 (155). С. 54–61.

¹² Письмо Департамента налоговой политики Минфина России от 18 сентября 2023 г. № 03-07-09/88743 «О заполнении строки «Всего к оплате» счета-фактуры» [Электронный ресурс] // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/407666762/32016R0679> (дата обращения: 10.11.2025).

Как справедливо отмечает Европейский Центральный банк в своем докладе о цифровом евро, «автоматизированное исполнение договоров требует специального правового регулирования»¹³. В российском же законодательстве отсутствуют как четкие критерии юридической силы алгоритмических условий, так и порядок распределения ответственности при сбоях в работе смарт-контрактов и механизмы разрешения споров, возникающих из автоматизированного исполнения. Как отмечает Банк России, «Договор счета цифрового рубля — это публичный договор присоединения»¹⁴. Так, Л. Г. Ефимова называет его конгломерированным смешанным договором, который включает два разных договорных типа: договор банковского счета и агентский договор¹⁵. Его условия разрабатывает и предлагает Банк России в лице Оператора платформы цифрового рубля (ПЦР). Пользователь (клиент) может только принять эти условия, но не изменить их. Форс-мажорные оговорки в процитированных «Условиях договора цифрового рубля» сформулированы максимально широко, чтобы защитить интересы Оператора, но никто при этом не защищает Пользователя. Если с ПЦР что-то произойдет (масштабная кибератака, тотальный технический сбой, решение государственных органов о ее приостановке), все пользователи одновременно лишатся доступа к своим цифровым рублям для расчетов, а разумная альтернатива платежей в рамках самой системы цифрового рубля не существует как для частных пользователей, так и для Федерального казначейства согласно ст. 242.11-1 Бюджетного кодекса РФ.

Одновременно цифровой рубль создает уникальный парадокс приватности. С одной стороны, Председатель Центрального банка РФ Э. Набиуллина заявляла о разных уровнях конфиденциальности информации¹⁶, а с другой — цифровой рубль создает техническую возможность тотального контроля над каждой транзакцией. Таким образом, пользователь цифрового рубля вынужден доверять не технологии (которая по своей природе не обеспечивает анонимности), а доброй воле и внутренней политике государства, которое в любой момент может использовать всю полноту доступной ему информации.

Внедрение цифрового рубля, повышая прозрачность и обеспечивая полный контроль над денежными операциями, способно существенно ограничить теневую экономику. Этот инструмент дает государственным и финансовым органам беспрецедентные возможности для мониторинга экономической деятельности¹⁷.

Парадокс в том, что система, созданная для «безопасности и суверенитета», концентрирует тотальную информацию о финансах граждан в одних руках. Банк России как регулятор должен обеспечивать честные правила, но как оператор системы становится главным бенефициаром ее монополии на данные. Выписка из платформы Банка России — это официальный документ государственного органа. Но вопрос о предоставлении в суд расширенной выписки, показывающей не только операцию клиента, но и последующие движения средств у контрагента, не определен из-за проблем банковской и коммерческой тайны и возможных внутренних регламентов Банка России.

¹³ European Central Bank. Digital Euro: Legal Aspects // ECB Legal Working Paper Series, 2024 [Электронный ресурс]. URL: https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2023/747840/IPOL_IDA%282023%29747840_EN.pdf (дата обращения: 10.11.2025)

¹⁴ Условия договора счета цифрового рубля [Электронный ресурс] // Банк России. URL: https://cbr.ru/fintech/dr/doc_dr/forms/ (дата обращения: 10.11.2025).

¹⁵ Ефимова Л. Г. Понятие и правовая природа договора счета цифрового рубля // Закон. 2024. № 9. С. 26–32.

¹⁶ Заявление Председателя Банка России Эльвиры Набиуллиной по итогам заседания Совета директоров 23 октября 2020 года [Электронный ресурс]. URL: <https://cbr.ru/press/event/?id=8220> (дата обращения: 10.11.2025).

¹⁷ Гришмановский Д. Ю. Цифровой рубль как инструмент противодействия теневой экономике // Управление инфраструктурой органов внутренних дел и обеспечение экономической безопасности Российской Федерации: Памяти Крылова Алексея Аркадьевича. По материалам всероссийского круглого стола, Москва, 27 марта 2025 года. — М.: Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации», 2025. С. 144–149.

Европейский подход к GDPR (General Data Protection Regulation, Общий регламент по защите данных — *англ.*) показывает возможный путь подобной регуляции, каковым является строгое регулирование с акцентом на правах субъектов данных¹⁸. Но российское законодательство пока идет своим путем, оставляя пространство для интерпретаций.

На текущий момент уголовное законодательство прямо не называет цифровой рубль в качестве самостоятельного предмета преступления, хищение средств в этой форме может подпадать под действие уже существующих статей Уголовного кодекса Российской Федерации. Как следствие, вопрос трактования противоправных деяний с цифровым рублем остается открытым. Это мошенничество (ст. 159 УК РФ), если злоумышленник обманом заставил пользователя перевести деньги, либо — неправомерный доступ к компьютерной информации (ст. 272 УК РФ), если произошел «взлом» цифрового кошелька.

Полагаем, что введение цифрового рубля должно повлечь создание специальной нормы, подобной ст. 159.3 («Мошенничество с использованием электронных средств платежа»). Кроме того, в соответствующих нормах УК РФ необходимо выделить такой самостоятельный предмет хищения, как цифровой рубль. Поэтому необходимо исключить п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, а примечание к ст. 158 УК РФ дополнить пунктом, содержащим дефиницию понятия «чужое имущество», в котором следует специально указать, что к таковому относятся в том числе денежные средства, находящиеся на банковском счете, а равно электронные денежные средства, включая цифровой рубль¹⁹.

Потенциал цифрового рубля для международных расчетов огромен, но его реализация упирается в правовые барьеры. На текущий момент его не признают иностранные суды, его не примут к учету иностранные банки. Он обречен на жизнь в закрытой экосистеме, в «цифровом заповеднике». Чтобы он стал инструментом дедолларизации и международных расчетов, нужны не технические протоколы, а международные договоры. Нужно, чтобы другие правовые системы признали в нем не просто строку в базе данных Банка России, а полноправного наследника наличного рубля.

Однако применение цифрового рубля в международных транзакциях ставит еще одну очевидную проблему т.н. «санкционных рисков». Централизованная платформа Банка России потенциально уязвима для прямых санкций. Что будет, если иностранные провайдеры отключат переводы в цифровых рублях? Правовые последствия таких сценариев не прописаны.

Международные соглашения в области обращения цифрового рубля — необходимое условие для трансграничного использования, но их разработка потребует продолжительного времени и политической воли.

В ближайшие 3–5 лет следует ожидать заключения первых пилотных соглашений, в первую очередь с КНР. Это будет фаза тестирования и отладки международных цифровых транзакций. По словам А. Г. Аксакова, «Китай демонстрирует значительные успехи в развитии своей цифровой валюты, что делает его крайне перспективным партнером для России в запуске трансграничных расчетов в цифровых валютах». Он также подчеркивает, что между двумя странами достигнута высокая степень технологической совместимости, что является важным условием для такого сотрудничества²⁰.

¹⁸ Регламент (ЕС) 2016/679 Европейского парламента и Совета от 27 апреля 2016 года о защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном движении таких данных [Электронный ресурс]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32016R0679> (дата обращения: 10.11.2025).

¹⁹ Князькина А. К. Цифровая валюта как предмет хищения (на примере цифрового рубля) // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. 2025. № 1. С. 196–205.

²⁰ Интервью с А. Г. Аксаковым. Расчеты со странами в цифровых нацвалютах станут обычным явлением через 5 лет // Фомаг [Электронный ресурс]. URL: <https://fomag.ru/news-streem/intervyu-raschety-so-stranami-v-tsifrovyykh-natsvalyutakh-stanut-obychnym-yavleniem-cherez-5-let-aksakov/> (дата обращения: 10.11.2025).

Опыт проекта mBridge (Multilateral Central Bank Digital Currency Bridge) может частично лечь в основу будущего взаимодействия цифрового рубля и цифрового юаня. Этот проект, запущенный в 2021 году при участии BIS и Национальных банков нескольких стран, включая Китай, продемонстрировал возможность мгновенных и почти на 50 % более дешевых международных расчетов в цифровых валютах²¹, а в среднесрочной перспективе (5+ лет) возможно расширение круга партнеров за счет стран БРИКС+ и ЕАЭС, поскольку к настоящему времени официально в обращении существуют пять цифровых валют: Sand Dollar (Багамские Острова), eNaira (Нигерия), DCash (страны Восточно-Карибского валютного союза), e-CNY (КНР) и JAM-DEX (Ямайка)²². У проекта mBridge есть свои специфические особенности, которые мог бы перенять и Банк России. К примеру, это гомоморфное шифрование и zero-knowledge proofs — ЦБ видит факт операции, но не все детали, а регуляторы могут проверять подозрительные транзакции при необходимости. Цифровой рубль при таком подходе мог бы предложить гражданам уровневую анонимность (как наличные), но с возможностью раскрытия данных по решению суда. Также платформа mBridge открыта для подключения ERP-систем, логистических платформ и таможенных сервисов, как этот вопрос будет решаться в случае с цифровым рублем, пока неизвестно.

Широкое, глобальное признание цифрового рубля как инструмента международных расчетов маловероятно в обозримом будущем из-за геополитической обстановки. Его ниша — это создание устойчивой, независимой от Запада системы расчетов с ограниченным, но стратегически важным кругом стран-партнеров.

Таким образом, цифровой рубль — это «зеркало», в котором отражаются все проблемы современного права. Технологический прогресс обнажает архаичность правовых систем, создававшихся для совершенно другой реальности, осознание которой только начинается²³.

Процитированные нами федеральные законы от 24 июля 2023 года № 339-ФЗ и № 340-ФЗ можно сравнить с первыми шагами ребенка, они крайне важны, но впереди еще много сложностей. Нужна комплексная правовая реформа, которая интегрирует цифровой рубль во все отрасли права.

Более того, сложно не согласиться с позицией А. Б. Иванюженко, что уклонение государства и Банка России от внятных ответов на ключевые правовые и социальные вопросы цифрового рубля способно привести к системному кризису доверия, рискуя сделать его «мертворожденным проектом»²⁴, а сам спор о внедрении цифрового рубля может переместиться в плоскость конституционного права. Поскольку цифровой рубль, по сути, является информацией, его принудительное внедрение может вступить в противоречие с конституционным правом человека «свободно получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом» (ч. 4 ст. 29 Конституции РФ).

Общим следствием описанных нами проблем может стать вывод о том, что внедрение цифрового рубля — это «квантовая революция» в финансах. Так же как науке потребо-

²¹ Дуболазова Ю. А. Перспективы сотрудничества цифрового рубля и цифрового юаня // *Фундаментальные и прикладные исследования в области управления, экономики и торговли: Сборник трудов Всероссийской научно-практической и учебно-методической конференции*. В 8 ч. Санкт-Петербург, 13–16 мая 2025 года. СПб.: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2025. С. 80–88.

²² Прошкин Д. М. Опыт внедрения цифровых валют в Нигерии и Восточно-Карибском валютном союзе // *Цифровая экономика и финансы: Материалы VIII Международной научно-практической конференции*, Санкт-Петербург, 20–21 марта 2025 года. СПб.: Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2025. С. 401–405.

²³ Честнов И. Л. Состояние и перспективы постклассических исследований права // *Теоретическая и прикладная юриспруденция*. 2025. № 3 (25). С. 11–21.

²⁴ Иванюженко А. Б. Правовые аспекты возможного применения цифрового рубля // *Теоретическая и прикладная юриспруденция*. 2024. № 1. С. 23–36.

вались десятилетия, чтобы принять, что реальность фундаментально вероятностна и нематериальна, обществу, экономике и праву потребуются годы, чтобы полностью принять и осмыслить последствия перехода к деньгам как к программируемому цифровому коду, существующему в «ничто» распределенного реестра под прямым контролем государства.

Соппротивление цифровому рублю сегодня — это прямое продолжение спора А. Эйнштейна и Н. Бора о квантовой механике, но уже в сфере финансов. Это конфликт между интуицией, основанной на старой парадигме, и новой, более сложной и неочевидной реальностью, которая, однако, является логическим следствием технологического развития.

С одной стороны, интуитивная, «эйнштейновская» позиция заключается в том, что деньги понимаются как объективная «вещь»: будь то банкнота или обязательство банка, отраженное на счете. Их ценность и приватность кажутся локальными, незыблемыми и независимыми от системы. Соппротивление новой форме под девизом «Деньги не должны быть алгоритмом!» представляет, по сути, современный аналог возражения «Бог не играет в кости!»: протест против превращения осязаемой субстанции в абстрактный, управляемый код, наблюдаемый в режиме реального времени.

С другой стороны, цифровой рубль является новой реальностью, аналогичной реальности основателей квантовой физики (Нильса Бора и Вернера Гейзенберга), а именно — становится не «вещью», а программируемым состоянием в распределенном реестре. Его сущность вероятностна и определяется в момент транзакции («наблюдения»): он может быть заморожен, запрограммирован на цель или мгновенно обновлен у всех участников сети, демонстрируя «нелокальность». Эта модель лишена интуитивной ясности, она сложна и неочевидна. Однако она является логическим и неизбежным следствием технологического развития — так же, как квантовая механика стала неизбежным следствием познания микромира. Конфликт, таким образом, лежит не в поверхностном страхе перед новым, а в глубинной смене самой онтологии денег.

Возможно, через несколько лет мы будем вспоминать нынешние споры о правовой природе цифрового рубля как дискуссии о правовом статусе электронной почты в 1990-е годы, так как технология становится обыденностью, а право постепенно догоняет реальность. Но пока мы находимся в интереснейшем моменте истории, когда технологии и право должны прийти к некоему «консенсусу», исход которого определит контуры новой финансовой и правовой реальности, делая использование цифрового рубля понятным для потребителя и защищающим финансовый суверенитет российского государства от внешних угроз.

Список источников

1. Гришмановский Д. Ю. Цифровой рубль как инструмент противодействия теневой экономике // Управление инфраструктурой органов внутренних дел и обеспечение экономической безопасности Российской Федерации: Памяти Крылова Алексея Аркадьевича. По материалам всероссийского круглого стола, Москва, 27 марта 2025 года. — М.: Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации», 2025. С. 144–149.
2. Дружинин Н. Л. Проблемы цифровой экономики: изменение сроков введения цифрового рубля в России // Цифровая экономика и финансы: Материалы VIII Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 20–21 марта 2025 года. — СПб.: Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2025. С. 61–64.
3. Дуболазова Ю. А. Перспективы сотрудничества цифрового рубля и цифрового юаня // Фундаментальные и прикладные исследования в области управления, экономики

и торговли: Сборник трудов Всероссийской научно-практической и учебно-методической конференции. В 8 ч. Санкт-Петербург, 13–16 мая 2025 года. – СПб.: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2025. С. 80–88.

4. *Ефимова Л. Г.* Понятие и правовая природа договора счета цифрового рубля // Закон. 2024. № 9. С. 26–32.
5. *Иванюженко А. Б.* Правовые аспекты возможного применения цифрового рубля // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2024. № 1. С. 23–36.
6. *Князькина А. К.* Цифровая валюта как предмет хищения (на примере цифрового рубля) // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. 2025. № 1. С. 196–205.
7. *Пастухов Е. М.* Оценка влияния цифрового рубля на депозиты коммерческих банков России / Е. М. Пастухов, С. В. Гришунин // Финансовый журнал. 2025. Т. 17, № 3. С. 126–140.
8. *Прошкин Д. М.* Опыт внедрения цифровых валют в Нигерии и Восточно-Карибском валютном союзе // Цифровая экономика и финансы: Материалы VIII Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 20–21 марта 2025 года. – СПб.: Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2025. С. 401–405.
9. *Пусурманов Г. В.* Перспективы открытия вкладов (депозитов) в цифровых рублях в России // Закон. Право. Государство. 2025. № 3 (47). С. 75–79.
10. *Семенова Н. А.* Особенности учета операций с цифровым рублем / Н. А. Семенова, С. Н. Коваленко, К. Д. Глобинова, А. И. Жиленко // Экономика и управление: проблемы, решения. 2025. Т. 7, № 2 (155). С. 54–61.
11. *Честнов И. Л.* Состояние и перспективы постклассических исследований права // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2025. № 3 (25). С. 11–21.

Сведения об авторе:

Афанасьев Владимир Александрович, магистрант 3-го курса, юридический факультет, Северо-Западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург, Российская Федерация); e-mail: vafanasev-23@edu.ranepa.ru

Научный руководитель: Иванюженко Андрей Борисович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и административного права, Северо-Западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург, Российская Федерация); e-mail: ivanyuzhenko-ab@ranepa.ru

References

1. Grishmanovskiy, D. Y. (2025) Digital Ruble as a Tool for Combating the Shadow Economy // Management of the Infrastructure of Internal Affairs Bodies and Ensuring the Economic Security of the Russian Federation: In Memory of Alexey Arkadyevich Krylov. Based on the materials of the All-Russian Round Table, Moscow, March 27, 2025. – Moscow: Federal State Treasury Educational Institution of Higher Education “Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation”, pp. 144–49.
2. Druzhinin, N. L. (2025) Problems of the Digital Economy: Changing the Timing of the Digital Ruble Introduction in Russia. Digital Economy and Finance: Proceedings of the VIII International Scientific and Practical Conference, St. Petersburg, March 20–21, 2025. – St. Petersburg: Center for Scientific and Information Technologies “Asterion”, pp. 61–64.

3. Dubolazova, Y. A. (2025) Prospects for Cooperation between the Digital Ruble and the Digital Yuan. Fundamental and Applied Research in the Field of Management, Economics and Trade: Collection of Proceedings of the All-Russian Scientific-Practical and Educational-Methodological Conference. In 8 parts. St. Petersburg, May 13–16, 2025. – St. Petersburg: *POLITECH-PRESS*, pp. 80–88.
4. Efimova, L. G. (2024) Concept and Legal Nature of the Digital Ruble Account Agreement. *Law*, No. 9, pp. 26–32.
5. Ivanyuzhenko, A. B. (2024) Legal Aspects of the Possible Application of the Digital Ruble. *Theoretical and Applied Jurisprudence*, No. 1, pp. 23–36.
6. Knyazkina, A. K. (2025) Digital Currency as an Object of Theft (Using the Example of the Digital Ruble). *Criminal Law: Development Strategy in the XXI Century*, No. 1, pp. 196–205.
7. Pastukhov, E. M., Grishunin, S. V. (2025) Assessing the Impact of the Digital Ruble on Commercial Bank Deposits in Russia. *Financial Journal*, Vol. 17, No. 3, pp. 126–140.
8. Proshkin, D. M. (2025) Experience of Implementing Digital Currencies in Nigeria and the Eastern Caribbean Currency Union. Digital Economy and Finance: Proceedings of the VIII International Scientific and Practical Conference, St. Petersburg, March 20–21, 2025. – St. Petersburg: *Center for Scientific and Information Technologies “Asterion”*, pp. 401–405.
9. Pusurmanov, G. V. (2025) Prospects for Opening Deposits in Digital Rubles in Russia. *Law. Right. State*. No. 3 (47), pp. 75–79.
10. Semenova, N. A., Kovalenko, S. N., Globinova, K. D., Zhilenko, A. I. (2025) Features of Accounting for Transactions with the Digital Ruble. *Economics and Management: Problems, Solutions*. Vol. 7, No. 2 (155), pp. 54–61.
11. Chestnov, I. L. (2025) State and Prospects of Post-Classical Legal Research. *Theoretical and Applied Jurisprudence*. No. 3 (25), pp. 11–21.

About the author:

Vladimir A. Afanasyev, MA student, Faculty of Law, North-West Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, (Saint Petersburg, Russian Federation); e-mail: vafanasev-23@edu.ranepa.ru

Academic Supervisor: Andrei B. Ivanujenko, PhD in Jurisprudence, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law, North-West Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Saint Petersburg, Russian Federation; e-mail: vanyuzhenko-ab@ranepa.ru

Технологии искусственного интеллекта в системе таможенного администрирования: возможности, барьеры и перспективы цифровой трансформации

Андреев Артем Александрович, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Институт права и национальной безопасности, Москва, Российская Федерация

студент 5-го курса специалитета, факультет таможенного дела

E-mail: artem2033andreev@yandex.ru

Научный руководитель:

Кудрявицкая Татьяна Сергеевна, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Институт права и национальной безопасности, Москва, Российская Федерация

E-mail: kudryavitskaya-ts@ranepa.ru

Аннотация

Введение: актуальность исследования обусловлена противоречием между стратегическим курсом РФ и ЕАЭС на цифровую трансформацию таможенных органов и сохраняющимися барьерами внедрения технологий искусственного интеллекта (ИИ). Цели статьи — комплексный анализ возможностей применения технологий ИИ для оптимизации таможенных процедур, выявление барьеров внедрения и формулирование перспектив развития интеллектуальных решений в таможенном контроле. Впервые предложен системный подход, объединяющий технологический, нормативный, организационный и кадровый аспекты внедрения технологий ИИ на уровне ЕАЭС. Научная гипотеза: эффективность технологий ИИ достигается только при синхронном преодолении четырех типов барьеров: нормативно-правового, инфраструктурного, кадрового и информационно-безопасностного.

Методология: исследование выполнено методами системного и сравнительно-правового анализа на основе ТК ЕАЭС, ФЗ № 289-ФЗ, стратегических документов РФ и ЕАЭС, материалов ФТС России, а также научных статей. Фреймворк основан на теории цифровой трансформации публичного сектора и концепции риск-ориентированного контроля.

Результаты: выявлены четыре направления применения технологий ИИ: автоматизация досмотра с использованием компьютерного зрения; документальный контроль и верификация деклараций; риск-ориентированный анализ и классификация товаров; создание «умных» пунктов пропуска. Реализация преимуществ ИИ возможна только при комплексном преодолении всех выявленных барьеров.

Выводы: внедрение технологий ИИ требует поэтапного подхода — от пилотных проектов к автоматизации ключевых операций. Необходимы: нормативное закрепление стандартов верификации ИИ-систем, единая аналитическая платформа ЕАЭС, модернизация ИТ-инфраструктуры и переподготовка кадров. Результаты формируют системную основу концепции «умной таможни», обеспечивающей повышение эффективности контроля, сокращение времени оформления грузов и противодействие обороту контрафакта.

Ключевые слова: искусственный интеллект, таможенное администрирование, цифровая трансформация, таможенный контроль, управление рисками, машинное обучение, внедрение ИИ.

Для цитирования: Андреев А. А. Технологии искусственного интеллекта в системе таможенного администрирования: возможности, барьеры и перспективы цифровой трансформации // Новизна. Эксперимент. Традиции (Н.Экс.Т). – 2026. – Т. 12. – № 1 (33). – С. 53–62.

Artificial Intelligence Technologies in Customs Administration: Opportunities, Barriers, and Prospects for Digital Transformation

Artyom A. Andreev, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Institute of Law and National Security (Moscow, Russian Federation)

BA student, Faculty of Custom

E-mail: artem2033andreev@yandex.ru

Academic Supervisor:

Tatyana S. Kudryavitskaya, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Institute of Law and National Security (Moscow, Russian Federation)

E-mail: kudryavitskaya-ts@ranepa.ru

Abstract

Introduction: The relevance of the research stems from the contradiction between the strategic commitment of the Russian Federation and the Eurasian Economic Union (EAEU) to the digital transformation of customs authorities, and the persistent barriers to introducing artificial intelligence (AI) technologies.

The article aims to provide a comprehensive analysis of AI application opportunities for optimizing customs procedures, to identify the implementation barriers, and to outline the perspectives for developing intelligent solutions in customs control. It is the first time, that a systemic approach has been suggested, integrating the technological, regulatory, organizational, and human resource dimensions of AI implementation at the EAEU level.

The research hypothesis: The effectiveness of AI technologies is achievable only via the simultaneous overcoming of four types of barriers: regulatory, infrastructural, human resource, and information security ones.

Methodology: The research has been conducted via employing systemic and comparative legal analysis methods, drawing on the EAEU Customs Code, Federal Law No. 289-FZ, strategic documents of the Russian Federation and the EAEU, materials of the Federal Customs Service of Russia, and academic publications.

The methodological framework is built on the theory of public sector digital transformation and the concept of risk-based control.

Results: Four key perspectives of AI technologies application have been identified: inspection automation using computer vision; documentary control and declaration verification; risk-oriented analysis and goods classification; development of “smart” border crossing points. The realization of AI’s benefits is feasible only via the comprehensive elimination of all the barriers identified.

Conclusions: Introducing AI technologies requires a sequential approach, progressing from pilot projects to the automation of core operations. The key measures include: regulatory consolidation of AI system verification standards, a unified EAEU analytical platform, the modernization of IT infrastructure, as well as staff retraining courses. The findings provide a systemic foundation for the “smart customs” concept, enabling enhanced control efficiency, reduced cargo processing times, and more effective countering of counterfeit goods trafficking.

Keywords: artificial intelligence, customs administration, digital transformation, customs control, risk management, machine learning, AI implementation.

For citation: Andreev, A. A. (2026) Artificial Intelligence Technologies in Customs Administration: Opportunities, Barriers, and Prospects for Digital Transformation. *Novelty. Experiment. Traditions (N.Ex.T)*, vol. 12, no. 1 (33), pp. 53–62.

ВВЕДЕНИЕ

Современный этап развития системы таможенного администрирования в Российской Федерации характеризуется ускоренной цифровой трансформацией, ключевым элементом которой становится внедрение технологий искусственного интеллекта. Актуальность данной темы обусловлена необходимостью повышения эффективности таможенного контроля, обеспечения безопасности внешнеэкономической деятельности и противодействия новым формам экономических нарушений, в том числе связанных с трансграничным оборотом контрафактной и санкционной продукции.

Нормативно-правовую основу цифровизации таможенных органов формируют ТК ЕАЭС, закрепляющий принципы автоматизации и риск-ориентированного контроля, Федеральный закон № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации», а также «Стратегия развития таможенной службы до 2030 года», в которой внедрение ИИ обозначено как один из приоритетов¹. Важное значение имеет также «Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года», направленная на расширение применения ИИ-технологий в публичном секторе².

Таким образом, исследование перспектив и барьеров внедрения ИИ в таможенное администрирование является важной задачей, позволяющей оценить готовность Федеральной таможенной службы России (ФТС России) к применению интеллектуальных технологий и определить направления дальнейшего развития цифровых инструментов таможенного контроля.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Одной из ключевых правовых основ для внедрения цифровых и интеллектуальных технологий в таможенных органах выступает ТК ЕАЭС. Так, статья 365 Кодекса прямо допускает, что: «Таможенные операции могут совершаться с использованием информационных систем и информационных технологий таможенных органов, декларантов и иных заинтересованных лиц, а также информационных систем государственных органов (организаций) государств-членов в рамках информационного взаимодействия»³.

Это создает легитимную правовую основу для использования решений на основе технологий искусственного интеллекта, систем машинного обучения и автоматизированных систем при осуществлении таможенного контроля, проверке декларационных данных и автоматической обработке таможенных деклараций. Кроме того, в нормативно-правовой сфере

¹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 23.05.2020 № 1388-р «Стратегия развития таможенной службы Российской Федерации до 2030 года» (ред. от 12.07.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020.

² Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 (ред. от 15.02.2024) «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019.

³ Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (ред. от 29.05.2019); приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 29.11.2017 // Собрание законодательства Евразийского экономического союза. 2018.

действуют федеральные законы и ведомственные акты, регулирующие деятельность ФТС России, что формирует институциональный фундамент для цифровизации.

Практическим примером этой политики стала инициатива ФТС России по цифровой трансформации центрального аппарата, объявленная в 2024 году: создание аналитического центра на базе искусственного интеллекта, пересмотр организационной структуры и внедрение цифровых технологий для повышения эффективности таможенных операций⁴.

Таким образом, внедрение технологий искусственного интеллекта в таможенное администрирование представляет собой не просто технологическую инновацию, а логическое продолжение государственного курса на цифровизацию, закрепленное на законодательном и институциональном уровнях.

На современном этапе можно выделить несколько ключевых направлений, где ИИ и цифровые системы уже применяются либо планируются к внедрению в таможенную практику. Данные направления представлены в таблице 1⁵.

Таблица 1

Основные направления использования ИИ в таможенной деятельности
(таблица составлена автором на основе анализа Распоряжения Правительства Российской Федерации от 23.05.2020 № 1388-р «Стратегия развития таможенной службы Российской Федерации до 2030 года» (ред. от 12.07.2024))

Направление применения ИИ	Функции	Ожидаемая выгода
Таможенный осмотр / досмотр	Автоматическое выявление подозрительных, запрещенных, контрафактных грузов при досмотре	Использование сканеров на основе технологий искусственного интеллекта позволяет ускорить досмотр и снизить нагрузку на инспекторов, а также минимизировать влияние человеческого фактора
Документальный контроль, оформление деклараций	Распознавание, извлечение и проверка данных (товары, коды, значения, страна происхождения и др.)	Снижение ошибок, ускорение документооборота, меньшее время оформления, повышение пропускной способности
Управление рисками, прогнозирование нарушений, классификация товаров	Прогнозирование рисков, автоматическая классификация товаров (коды ТН ВЭД), выявление контрафакта / нарушений	Модели машинного обучения и глубокого обучения повышают точность риск-оценки и ускоряют принятие решений
Интеграция цифровых платформ, создание «умных» пунктов пропуска, межсистемное взаимодействие	Централизованная обработка данных, обмен информацией, единая инфраструктура таможенного контроля, межведомственное сотрудничество, масштабируемость систем	Увеличение пропускной способности, высокая точность контроля, автоматизация «безрисковых» поставок, минимизация бюрократии

Эти направления демонстрируют, что применение технологий искусственного интеллекта выходит за рамки отдельных экспериментов, представляя собой комплексный подход, охватывающий различные этапы таможенного администрирования.

После проведения анализа внедрения технологий искусственного интеллекта в практику таможенного контроля удалось выделить следующие ключевые проблемы интеграции в таможенные органы Российской Федерации:

⁴ AI Regulation in Russia: Key Trends and Stakeholders [Электронный ресурс] / Kesarev Partners. 2025. 5 августа. – URL: https://kesarev.partners/insights_05082025 (дата обращения: 05.01.2026).
⁵ Аксенов И. А., Кононова Е. А. Анализ применения технологий искусственного интеллекта в системе таможенного контроля // Научные высказывания. 2025. № 4 (72). С. 10–12.

1. Нормативно-правовые и регуляторные пробелы

Хотя ТК ЕАЭС допускает использование информационных систем, конкретные требования к ИИ-системам, их верификация, стандарты, ответственность, защита данных недостаточно прописаны. Это создает юридическую неопределенность при полномасштабном внедрении ИИ.

2. Технические и инфраструктурные сложности

Для эффективной работы ИИ необходима надежная, современная ИТ-инфраструктура, централизованные платформы, большие массивы данных, средства защиты информации. Отсутствие этих условий приводит к резкому снижению эффективности интеллектуальных систем.

3. Кадровые дефициты и организационные сложности

Внедрение ИИ требует масштабного обучения персонала, привлечения специалистов в области машинного обучения и аналитики, реструктуризации бизнес-процессов. Эти меры могут сопровождаться внутренним сопротивлением, нехваткой квалифицированных специалистов и медленной адаптацией организационной культуры⁶.

4. Проблемы обеспечения информационной безопасности и защиты данных

Работа с большими объемами данных, включая обработку коммерческой тайны и конфиденциальной информации, требует разработки и внедрения строгих стандартов безопасности до начала массового применения ИИ-технологий в таможенной сфере⁷.

Успешное внедрение ИИ в таможенную сферу возможно только при условии комплексного подхода, сочетающего правовое регулирование, модернизацию цифровой инфраструктуры, подготовку специалистов нового профиля и обеспечение прозрачности алгоритмических решений. Без устранения указанных проблем использование ИИ может не только не дать ожидаемого эффекта, но и подорвать доверие к таможенным процедурам со стороны участников внешнеэкономической деятельности.

Несмотря на существенные правовые, технологические и организационные барьеры, сопровождающие внедрение искусственного интеллекта в деятельность таможенных органов Российской Федерации, потенциал этих технологий остается чрезвычайно высоким.

В этом контексте особенно актуальным становится выявление ключевых преимуществ, которые могут быть достигнуты при успешной интеграции ИИ в таможенные процессы. Так, на основании статьи М. А. Зимановой «Перспективы применения искусственного интеллекта при таможенном контроле за перемещением товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности» можно выделить следующие преимущества использования технологий ИИ в таможенном контроле:

1. Ускорение и оптимизация процессов

Автоматизированный досмотр, быстрый анализ документов и деклараций, сокращение времени таможенного оформления, что особенно актуально при увеличении потоков грузов и интенсивной торговле. Такой эффект уже отмечается в текущей цифровой трансформации ФТС России.

⁶ Кондрашова В. А. Проблемы и перспективы внедрения искусственного интеллекта в практику таможенного контроля в ЕАЭС // Бюллетень инновационных технологий. 2025. Т. 9, № 2 (34). С. 112–125.

⁷ Афонин Д. Н. Перспективы применения концепций Data Mesh и Data Fabric в ФТС России // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2024. № 4 (92). С. 5–6.

2. Повышение точности и снижение человеческого фактора

Машинные алгоритмы и нейросети менее подвержены субъективным ошибкам, что повышает надежность контроля, точность классификации товаров, снижение рисков ошибок при оформлении.

3. Эффективный риск-ориентированный контроль и проактивность

ИИ позволяет выявлять скрытые закономерности, прогнозировать возможные нарушения и концентрировать ресурсы там, где есть реальный риск, что экономит ресурсы и повышает эффективность контроля⁸.

4. Масштабируемость и устойчивость к нагрузкам

При росте объемов внешней торговли и увеличении числа деклараций/грузов цифровые системы и ИИ способны обрабатывать большие объемы данных, что делает систему устойчивой к росту нагрузки⁹.

Таким образом, интеграция искусственного интеллекта в таможенные процессы обеспечивает не только ускорение и автоматизацию операций, но и повышает точность, надежность и проактивность контроля. Это делает таможенную систему более гибкой, устойчивой к растущим объемам торговли и способной эффективно противодействовать современным рискам, связанным с нарушением прав интеллектуальной собственности.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Учитывая стратегический курс на цифровизацию, уже объявленные инициативы ФТС России и международные тренды, как, например, описанные в отчете Всемирной таможенной организации (ВТО), направлены на расширение сферы применения искусственного интеллекта: от решения вспомогательных задач (таможенный досмотр, обработка документации) к реализации ключевых функций (анализ рисков, автоматизация принятия решений, создание «умных» пунктов пропуска)¹⁰.

Согласно «Стратегии развития таможенной службы Российской Федерации до 2030 года», искусственный интеллект рассматривается не как отдельная технология, а как сквозной элемент трансформации всей таможенной системы. Поставлена цель к 2030 году сформировать качественно новую, «умную», быстро перенастраиваемую и информационно связанную с партнерами таможенную службу, насыщенную ИИ, незаметную для законопослушного бизнеса и результативную для государства. Цифровая трансформация таможенного оформления и контроля будет осуществляться с активным использованием методов ИИ и обработки больших данных, что позволит автоматизировать ключевые процессы, начиная с предварительного анализа рисков до выпуска товаров и пост-контроля. Особое внимание уделяется созданию самообучающейся интеллектуальной системы управления рисками, способной в режиме реального времени оценивать уровень риска каждой товарной партии и адаптироваться к изменяющимся схемам нарушений. В рамках модели «интеллектуального пункта пропуска» планируется внедрение автома-

⁸ Афонин Д. Н. Возможности и перспективы применения искусственного интеллекта для выявления контрафактных товаров при таможенном контроле // Бюллетень инновационных технологий. 2025. Т. 9, № 4 (36). С. 9–11.

⁹ Зиманова М. А. Перспективы применения искусственного интеллекта при таможенном контроле за перемещением товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности // Бюллетень инновационных технологий. 2025. Т. 9, № 3 (35). С. 49–53. – URL: <https://bitjournal.ru/index.php/BIT/2520283920250309> (дата обращения: 09.02.2026).

¹⁰ Искусственный интеллект на страже таможенных платежей [Электронный ресурс] // Национальная экономика. 2025. 24 марта. – URL: <https://xn--80aaaa1bcnbfmeccsigb7k1ewa5b.xn--plai/2025/03/24/iskusstvennyj-intellekt-na-strazhe-tamozhennyh-platezhej/> (дата обращения: 17.01.2026).

тизированного анализа рентгеновских снимков с применением ИИ, удаленного контроля за действиями должностных лиц и обеспечения безостановочного движения транспорта низкого риска. Таким образом, перспектива развития ИИ в таможенных органах РФ заключается в построении единой, адаптивной, прогнозирующей и в значительной степени автономной цифровой экосистемы, способной обеспечивать как безопасность внешней торговли, так и беспрепятственное перемещение легальных товаров¹¹.

Перспективным направлением является создание единой аналитической платформы на уровне Евразийского экономического союза с унифицированными стандартами данных и бизнес-процессов, что позволит повысить эффективность и прозрачность таможенного администрирования на международном уровне. Постепенное накопление практического опыта, внедрение пилотных проектов и поэтапная адаптация законодательной базы создадут условия для устойчивого и безопасного внедрения технологий искусственного интеллекта в таможенную практику¹².

Как показано на рис. 1, успешное внедрение ИИ в таможенное администрирование требует выполнения пяти взаимосвязанных условий:

Рис. 1. Система условий для успешного внедрения ИИ в таможенное администрирование (составлено автором)

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что применение искусственного интеллекта в таможенном администрировании открывает реальные перспективы: от ускорения и автоматизации процедур до повышения точности контроля, внедрения риск-ориентированного подхода и эффективной борьбы с контрафактной продукцией. Как показано в статье, ИИ-решения могут оптимизировать таможенный досмотр, документальный контроль и классификацию товаров, что соответствует стратегическому курсу цифровой трансформации таможенных органов Российской Федерации.

¹¹ Стратегия развития таможенной службы Российской Федерации до 2030 года: распоряжение Правительства РФ от 23 мая 2020 г. № 1388-р. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_353557/ (дата обращения: 09.02.2026).

¹² Лоншаков Л. М. Отечественный и зарубежный опыт применения интеллектуальных технологий в таможенных органах // Human Progress. 2023. Т. 9, вып. 4. С. 13–14.

Вместе с тем внедрение технологий искусственного интеллекта сталкивается с серьезными ограничениями: это отсутствие надежной нормативной базы, недостаточная развитость технической инфраструктуры, необходимость создания современной ИТ-инфраструктуры, обеспечение защиты данных и дефицит квалифицированных кадров — без решения этих задач эффективность интеллектуальных систем остается под вопросом. Поэтому дальнейшее развитие концепции «умной таможни» требует поэтапной реализации, проведения пилотных проектов, нормативного закрепления инновационных подходов и тщательного сопровождения внедрения технологий.

Список источников

1. Аксенов И. А. Анализ применения технологий искусственного интеллекта в системе таможенного контроля / И. А. Аксенов, Е. А. Кононова // Научные высказывания. 2025. № 4 (72). С. 10–12.
2. Афонин Д. Н. Возможности и перспективы применения искусственного интеллекта для выявления контрафактных товаров при таможенном контроле // Бюллетень инновационных технологий. 2025. Т. 9, № 4 (36). С. 9–11.
3. Афонин Д. Н. Перспективы применения концепций Data Mesh и Data Fabric в ФТС России // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2024. № 4 (92). С. 5–6.
4. Афонин Д. Н. Применение искусственных нейронных сетей для анализа рентгеновских изображений контейнеров и транспортных средств // Бюллетень инновационных технологий. 2024. Т. 8, № 2 (30). С. 5–6.
5. Багманова Л. В. Интеллектуальная таможня в условиях развития цифровых технологий в таможенном деле РФ // Актуальные исследования. 2025. № 27 (262), ч. I. С. 6–9.
6. Бакаева О. Ю. Искусственный интеллект в таможенной сфере: возможности, риски, перспективы // Право в эпоху искусственного интеллекта: перспективные вызовы и современные задачи: сб. науч. ст. по материалам Международного научно-практического форума «VI Сибирские правовые чтения», г. Тюмень, 17–19 октября 2024 г. – Тюмень: ТюмГУ-Press, 2024. С. 75–78.
7. Барило Н. В. Применение искусственного интеллекта в таможенном деле // Океанский менеджмент. 2023. № 3 (21). С. 2–6.
8. Зиманова М. А. Перспективы применения искусственного интеллекта при таможенном контроле за перемещением товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности // Бюллетень инновационных технологий. 2025. Т. 9, № 3 (35). С. 49–53. – URL: <https://bitjournal.ru/index.php/BIT/2520283920250309>
9. Кожуханов Н. М. Перспективы использования в таможенной деятельности передовых информационных технологий / Н. М. Кожуханов, А. Э. Петросян, А. В. Ефимов // Вестник Российской таможенной академии. 2022. № 4. С. 76–88.
10. Кондрашова В. А. Проблемы и перспективы внедрения искусственного интеллекта в практику таможенного контроля в ЕАЭС // Бюллетень инновационных технологий. 2025. Т. 9, № 2 (34). С. 112–125.
11. Лоншаков Л. М. Отечественный и зарубежный опыт применения интеллектуальных технологий в таможенных органах // Human Progress. 2023. Т. 9, вып. 4. С. 13–14.
12. Малевич Ю. В. Таможенная и логистическая инфраструктура: понятийная и функциональная трансформация в условиях цифровизации / Ю. В. Малевич, Е. А. Личман // Экономика и управление. 2022. Т. 28, № 3. С. 297–305.

Сведения об авторах:

Андреев Артем Александрович, студент 5-го курса специалитета, факультет таможенного дела, Институт права и национальной безопасности, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва, Российская Федерация); e-mail: artem2033andreev@yandex.ru

Научный руководитель: Кудрявицкая Татьяна Сергеевна, кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой организации таможенного контроля и проведения таможенных операций, Институт права и национальной безопасности, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва, Российская Федерация); e-mail: kudryavitskaya-ts@ranepa.ru

References

1. Aksenov, I. A., Kononova, E. A. (2025) Analysis of artificial intelligence technologies application in the customs control system. *Scientific Statements*, no. 4(72), pp. 10–12. (In Russ.)
2. Afonin, D. N. (2025) Opportunities and prospects for applying artificial intelligence in detecting counterfeit goods during customs control. *Bulletin of Innovative Technologies*, vol. 9, no. 4 (36), pp. 9–11. (In Russ.)
3. Afonin, D. N. (2024) Prospects for implementing Data Mesh and Data Fabric concepts in the Federal Customs Service of Russia. *Scientific Notes of the St. Petersburg V. B. Bobkov Branch of the Russian Customs Academy*, no. 4 (92), pp. 5–6. (In Russ.)
4. Afonin, D. N. (2024) Application of artificial neural networks for analysis of X-ray images of containers and vehicles. *Bulletin of Innovative Technologies*, vol. 8, no. 2 (30), pp. 5–6. (In Russ.)
5. Bagmanova, L. V. (2025) Intelligent customs in the context of digital technology development in customs affairs of the Russian Federation. *Current Research*, no. 27 (262), pt. I, pp. 6–9. Available at: <https://apni.ru/article/12592-intellektualnaya-tamozhnyaya-usloviya-razvitiya-ciftehologij-v-tamozhennom-dele-rf>. (In Russ.)
6. Bakaeva, O. Yu. (2024) Artificial intelligence in the customs sector: opportunities, risks and prospects. In: *Law in the Age of Artificial Intelligence: Prospective Challenges and Contemporary Tasks: Proceedings of the International Scientific and Practical Forum “VI Siberian Legal Readings”*, Tyumen, 17–19 October 2024. Tyumen: TyumSU-Press, pp. 75–78. (In Russ.)
7. Barilo, N. V. (2023) Application of artificial intelligence in customs affairs. *Ocean Management*, no. 3 (21), pp. 2–6. (In Russ.)
8. Zimanova, M. A. (2025) Prospects for the Application of Artificial Intelligence in Customs Control over the Movement of Goods Containing Intellectual Property Objects. *Bulletin of Innovative Technologies*, vol. 9, no. 3 (35), pp. 49–53. – URL: <https://bitjournal.ru/index.php/BIT/2520283920250309> (In Russ.)
9. Kozhuharov, N. M., Petrosyan, A. E. and Efimov, A. V. (2022) Prospects for the use of advanced information technologies in customs activities. *Bulletin of the Russian Customs Academy*, no. 4, pp. 76–88. (In Russ.)
10. Kondrashova, V. A. (2025) Problems and Prospects of Implementing Artificial Intelligence in the Practice of Customs Control within the EAEU. *Bulletin of Innovative Technologies*, vol. 9, no. 2 (34), pp. 112–125. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-i-perspektivy-vnedreniya-iskusstvennogo-intellekta-v-praktiku-tamozhennogo-kontrolya-v-eaes> (In Russ.)

11. Lonshakov, L. M. (2023) Domestic and foreign experience in applying intelligent technologies in customs authorities. *Human Progress*, vol. 9, iss. 4, pp. 13–14. (In Russ.)

12. Malevich, Yu. V. and Lichman, E. A. (2022) Customs and logistics infrastructure: conceptual and functional transformation in the context of digitalization. *Economics and Management*, vol. 28, no. 3, pp. 297–305. (In Russ.)

About the authors:

Artyom A. Andreev, BA student, Faculty of Custom, Institute of Law and National Security, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russian Federation); e-mail: artem2033andreev@yandex.ru

Academic Supervisor: Tatyana S. Kudryavitskaya, PhD in Jurisprudence, Associate Professor, Head of the Department of Organization of Customs Control and Customs Operations, Institute of Law and National Security, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russian Federation); e-mail: kudryavitskaya-ts@ranepa.ru

Рост правого евроскептицизма в Западной Европе

Ходырева Арсения Александровна, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Северо-Западный институт управления, Санкт-Петербург, Российская Федерация

студентка 3-го курса бакалавриата, факультет международных отношений и политических исследований

E-mail: akhodyreva-23@edu.ranepa.ru

Научный руководитель:

Лисенкова Алена Денисовна, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Северо-Западный институт управления, Санкт-Петербург, Российская Федерация

E-mail: lisenkova-ad@ranepa.ru

Аннотация

Введение: в связи с новой волной мирового экономического кризиса стал интенсивно распространяться евроскептицизм, что привело к выходу Великобритании из состава Европейского союза и росту рейтингов евроскептических политических партий. В деятельности евроскептических партий прослеживаются различные тенденции, однако почти все эти тенденции так или иначе показывают стремления, противоположные интеграции. Данное исследование посвящено развитию правого евроскептицизма в крупнейших странах Западной Европы и его влиянию на международные отношения и Евросоюз как интеграционный институт. Цель исследования — определить основные свойства правого евроскептицизма и возможные последствия его роста в крупнейших странах Западной Европы для Европейского союза. В статье рассмотрены самые крупные евроскептические партии стран Западной Европы, проанализирована их деятельность, выявлены основные тенденции, присущие партиям, и определены возможные последствия их деятельности для Евросоюза.

Методы и материалы: в качестве методов исследования были использованы сравнительный анализ и системный анализ.

Результаты исследования: результаты работы показывают, что интеграция в формате Европейского союза стала изживать себя для стран-членов. Однако страны все еще хотят принадлежать к какому-либо европейскому интеграционному объединению, поэтому недовольство выражается в желании либо реформировать Европейский союз, либо создать на его месте новое интеграционное объединение.

Выводы: в Западной Европе набирает силу мягкий евроскептицизм: оппозиционные партии требуют сокращения полномочий наднациональных органов в пользу национального суверенитета. Растущая популярность евроскептиков указывает на высокую вероятность будущего пересмотра условий интеграции. Практическая значимость данной работы: результаты исследования могут быть доведены до сведения специалистов профильных аналитических центров, а также использованы в качестве дополнительной литературы для более глубоких исследований о евроскептицизме. Статья может служить основой для исследования, выявления закономерностей и механизмов евроскептицизма и сходных с ним явлений, а также для исследования процессов, происходящих внутри европейского сообщества.

Ключевые слова: Евросоюз, евроскептицизм, политические партии, правые политические партии, европейская интеграция, государственный суверенитет, Западная Европа.

Для цитирования: Ходырева А. А. Рост правого евроскептицизма в Западной Европе // Новизна. Эксперимент. Традиции (Н.Экс.Т). – 2026. – Т. 12, № 1 (33). – С. 63–74.

The Rise of Right-Wing Euroscepticism in Western Europe

Arseniia A. Hodyreva, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, North-West Institute of Management (Saint Petersburg, Russian Federation)

BA student, Faculty of International Relations and Politics

E-mail: akhodyreva-23@edu.ranepa.ru

Academic Supervisor:

Alena D. Lisenkova, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, North-West Institute of Management (Saint Petersburg, Russian Federation)

E-mail: lisenkova-ad@ranepa.ru

Abstract

Introduction: Due to a new wave of the global economic crisis, Euroscepticism has begun to spread rapidly, leading to the United Kingdom's withdrawal from the European Union and a rise in the ratings of Eurosceptic political parties. Various trends can be observed in the activities of Eurosceptic parties; however, almost all of these trends, in one way or another, demonstrate aspirations that are contrary to integration. This study examines the development of right-wing Euroscepticism in the largest countries of Western Europe and its impact on international relations and the European Union as an integration institution. The aim of the research is to identify the main characteristics of right-wing Euroscepticism and the potential consequences of its growth in the major countries of Western Europe for the European Union. The article examines the largest Eurosceptic parties in Western European countries, analyzes their activities, identifies the main trends inherent in these parties, and determines the possible consequences of their actions for the EU.

Methods and Materials: The research methods used were comparative analysis and systems analysis.

Research Results and Discussion: The findings of the study indicate that integration in the format of the European Union has begun to outlive its usefulness for member states. However, countries still wish to belong to some form of European integration association; therefore, dissatisfaction is expressed in a desire either to reform the European Union or to create a new integration association in its place.

Conclusions: Soft Euroscepticism is gaining strength in Western Europe: opposition parties are demanding a reduction in the powers of supranational bodies in favor of national sovereignty. The growing popularity of Eurosceptics points to a high probability of a future revision of the terms of integration. The practical significance of this work: the results of the research can be brought to the attention of specialists in relevant analytical centers and also used as supplementary literature for more in-depth studies on Euroscepticism. The article can serve as a foundation for research, identifying patterns and mechanisms of Euroscepticism and similar phenomena, as well as for studying the processes taking place within the European community.

Keywords: European Union, Euroscepticism, political parties, right-wing political parties, European integration, state sovereignty, Western Europe.

For citation: Hodyreva, A. A. (2026) The Rise of Right-Wing Euroscepticism in Western Europe. *Novelty. Experiment. Traditions (N.Ex.T)*. Vol. 12, no. 1 (33). Pp. 63–74.

ВВЕДЕНИЕ

Дадим определение термину «евроскептицизм». Как следует из названия, это негативные настроения стран в отношении Европейского союза (ЕС) и европейской интеграции¹. Стоит разделить понятие «евроскептицизм» на мягкий и жесткий подвиды. Согласно классификации П. Таггарта и А. Шербияка^{2,3}, главное отличие одного от другого состоит в том, какое отношение выражается к европейской интеграции. «Мягкие» евроскептики сомневаются в правильности идей и политики ЕС и могут считать, что лучшая стратегия для их страны — это выход из его состава, однако лояльно относятся к идее европейской интеграции. «Жесткие» евроскептики противостоят самой идее объединения стран Европы в какой-либо союз, следовательно, настроены к Евросоюзу агрессивно⁴.

В рамках данной статьи за основу выделения субрегиона Западной Европы будет взята географическая схема (геосхема) ООН (Организации Объединенных Наций)⁵. Согласно этой геосхеме, к Западной Европе относятся: Франция, Германия, Швейцария, Австрия, Лихтенштейн, Монако, Бельгия, Нидерланды. Для анализа были отобраны самые крупные страны субрегиона: Франция, Германия, Австрия, Бельгия и Нидерланды.

В расчет берутся самые крупные евроскептические правые партии, а именно: «Национальное объединение» во Франции, «Альтернатива для Германии» в Германии, Австрийская партия свободы в Австрии, Партия свободы в Нидерландах и «Фламандский интерес» в Бельгии, так как за счет их популярности деятельность этих партий может повлиять на события на международной арене. Мы проанализировали деятельность вышеперечисленных правых евроскептических партий Западной Европы и выявили несколько тенденций, присущих им. Они будут детально рассмотрены ниже. Цель исследования — определить основные свойства правого евроскептицизма и возможные последствия его роста в крупнейших странах Западной Европы для Европейского союза.

Статья имеет следующую структуру: каждый раздел посвящен какой-либо тенденции, которая присуща каждой из вышеперечисленных правых евроскептических партий; далее следуют выводы о том, что характеризует взаимоотношения взятых в статье стран Европейского союза с данным объединением, учитывая рост популярности евроскептических партий, а также какие тенденции присущи правым евроскептическим партиям в Западной Европе.

¹ Яковлев Д. А. Концепция евроскептицизма в социально-политической теории // Скиф. 2020. № 2 (42). С. 78.

² *Szczerbiak, A., Taggart, P. (2003) Theorizing party-based Euroscepticism: Problems of definition, measurement and causality* [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/29996431_Theorizing_party-based_Euroscepticism_Problems_of_definition_measurement_and_causality (дата обращения: 07.05.2025).

³ Грибовский В. С. Евроскептицизм: теоретический обзор // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2018. № 4. С. 2.

⁴ Яковлев Д. А. Концепция евроскептицизма в социально-политической теории // Скиф. 2020. № 2 (42). С. 79.

⁵ United Nations/Department of Economic and Social Affairs/Geographic Regions [Электронный ресурс]. UNSD. URL: <https://unstats.un.org/unsd/methodology/m49/> (дата обращения: 07.05.2025).

Евроскептицизм и Европарламент

Первая тенденция — членство в Европейском парламенте (далее — Европарламент). На данный момент в Европарламенте можно выделить три правые евроскептические фракции: это «Патриоты за Европу», «Европа суверенных наций» и «Европейские консерваторы и реформисты». Правые евроскептические партии, рассмотренные в данном исследовании, принадлежат к двум из них: «Патриоты за Европу» и «Европа суверенных наций». Следовательно, детальнее будут рассмотрены именно эти фракции. Также есть и левые евроскептики, «Левые в Европейском парламенте», но, так как исследуемые партии принадлежат только к двум перечисленным выше фракциям — «Патриоты за Европу» и «Европа суверенных наций», в исследовании будут приводиться только они.

Примечательно, что «Европа суверенных наций» сформирована вокруг немецкой «Альтернативы для Германии», которая раньше была членом «Патриотов за Европу» (ранее фракция называлась «Идентичность и демократия»)⁶. Во фракции «Европа суверенных наций» состоят 14 представителей «Альтернативы для Германии». Стоит учесть, что на данный момент количество мест в парламенте у «Европы суверенных наций» — 25, а значит, «Альтернатива для Германии» занимает больше половины мест⁷. Это показывает, что партия имеет колоссальное влияние на всю «Европу суверенных наций»⁸.

Фракция «Патриоты за Европу» включает в себя представителей от Партии свободы, «Австрийской партии свободы», «Национального объединения» и «Фламандского интереса». Внутри фракции имеют места 29 представителей «Национального объединения», (примерно 1/3), 6 представителей от «Партии свободы» и «Австрийской партии свободы» и 3 представителя от «Фламандского интереса»⁹. Примечательно, что в обеих фракциях есть большинство представителей от какой-либо партии. Следовательно, обе партии, «Национальное объединение» и «Альтернатива для Германии», влияют на деятельность всей фракции и имеют сильное влияние на Европарламент.

Количество евроскептических фракций в Европарламенте примерно равно количеству еврооптимистических, хотя количество парламентских мест выше у последних¹⁰. Это показывает, что евроскептицизм распространен в рамках Евросоюза в связи с существованием реальных проблем от ЕС для государств. Более того, учитывая растущую популярность идеи, можно сделать вывод о популяризации стремления к защите суверенитета собственного государства и локализации.

Популярность и влиятельность правых евроскептических партий

Следующая выявленная тенденция — это популярность партий внутри их стран. На выборах в Европейский парламент 2024 года «Национальное объединение» набрало

⁶ Лисенкова А. Д. «Идентичность и демократия»: формирование, функционирование, раскол // Дискурс-Пи. 2025 Т. 22 № 2. С. 32.

⁷ MEPs. Advanced Search [Электронный ресурс]. European Parliament. URL: <https://www.europarl.europa.eu/meps/en/search/advanced?name=&euPoliticalGroupBodyRefNum=7151&countryCode=&bodyType=ALL> (дата обращения: 07.05.2025).

⁸ Krouwel, A., Abts, K. (2007) Varieties of Euroscepticism and Populist Mobilization: Transforming Attitudes from Mild Euroscepticism to Harsh Eurocynicism. *Acta Politica*. Vol. 42, no. 2. Pp. 252–270. DOI: 10.1057/palgrave.ap.5500187. EDN: NMXYKL

⁹ MEPs. Advanced Search [Электронный ресурс]. European Parliament. URL: <https://www.europarl.europa.eu/meps/en/search/advanced?name=&euPoliticalGroupBodyRefNum=7150&countryCode=&bodyType=ALL> (дата обращения: 07.05.2025).

¹⁰ Organisations and rules. Organisation. Political Groups [Электронный ресурс]. European Parliament. URL: <https://www.europarl.europa.eu/about-parliament/en/organisation-and-rules/organisation/political-groups> (дата обращения: 07.05.2025).

31,5 % и превзошло правящую партию Эммануэля Макрона в два раза (партия «Возрождение», основателем которой является Э. Макрон, набрала 14,6 % голосов)¹¹.

Стоит еще раз упомянуть, что вокруг «Альтернативы для Германии» создана фракция Европарламента «Европа суверенных наций», где члены этой партии составляют большинство. Также партия состоит в Бундестаге, где занимает 152 места (у правящей партии на данный момент 208)¹². Это показывает «Альтернативу для Германии» как влиятельную и популярную партию.

Австрийская партия свободы на выборах в Национальный Совет в сентябре 2024 года набрала большинство голосов (29,2 %) и потеснила самую популярную партию, правых центристов, которые набрали 26,2 % голосов¹³. Также примечательно, что президентом Национального Совета с 2024 года является Вальтер Розенкранц, тоже принадлежащий к Австрийской партии свободы¹⁴, следовательно, партия имеет влияние на законодательном уровне. Кроме того, партия имеет 6 своих представителей в группе Европарламента «Патриоты за Европу» на данный момент¹⁵.

Нидерландская «Партия свободы» имеет самое большое количество мест в нидерландском Парламенте — 37 (из 150)¹⁶. Это составляет примерно 1/5 часть. Также партия имеет 6 представителей во фракции «Патриоты за Европу» в Европейском парламенте¹⁷.

Партия «Фламандский интерес» также очень популярна, однако не столько в масштабах Бельгии, сколько во Фландрии, северной и самой доходной части Бельгии, имеющей сепаратистские настроения. По данным новостного агентства Belga, «Во Фландрии «Фламандский интерес» с 23,1 % опережает N-VA (Nieuw Vlaamse Alliantie, или Новый Фламандский Альянс) с 22,2 %. Они остаются крупнейшими партиями во Фландрии и сохраняют три места в Европейском парламенте»¹⁸.

Таким образом, вышеперечисленные правые евроскептические партии действительно популярны в своих странах. Это показывает, что населению стран близки тезисы партий, как касаясь Евросоюза, так и других тем, поднимаемых партиями, например, миграция, социальное обеспечение, зеленая политика, экономика и т. д. Следовательно, по мнению граждан, поддерживающих партии, европейская интеграция не должна переходить определенную грань, нарушать свободу и суверенитет государств.

Массовая иммиграция и политический ислам

Все вышеперечисленные евроскептические партии Западной Европы объединяет резко негативное отношение к массовой иммиграции и политическому исламу.

¹¹ Французская партия «Нацобъединение» победила на выборах в Европарламент // РИА Новости URL: <https://ria.ru/20240610/evroparlament-1951897822.html> (дата обращения: 19.09.2025).

¹² Members of Parliament [Электронный ресурс]. House of Representatives. URL: https://www.houseofrepresentatives.nl/members_of_parliament/members_of_parliament (дата обращения: 07.05.2025).

¹³ Cole, D. (2024) Far-right Freedom party finishes first in Austrian election, latest results suggest [Электронный ресурс]. *The Guardian*. 30.09. URL: <https://www.theguardian.com/world/2024/sep/29/far-right-freedom-party-winning-austrian-election-first-results-show> (дата обращения 07.05.2025).

¹⁴ Rosenkranz Walter, Dr. [Электронный ресурс]. Austrian Parliament. URL: <https://www.parlament.gv.at/person/51570> (дата обращения: 07.05.2025).

¹⁵ Rosenkranz Walter, Dr. [Электронный ресурс]. Austrian Parliament. URL: <https://www.parlament.gv.at/person/51570> (дата обращения: 07.05.2025).

¹⁶ Electoral program [Электронный ресурс]. Parliamentary Group. Party for freedom. URL: <https://web.archive.org/web/20230410105157/https://www.pvv.nl/verkiezingsprogramma> (дата обращения: 07.05.2025).

¹⁷ MEPs. Advanced Search [Электронный ресурс]. European Parliament. URL: <https://www.europarl.europa.eu/meps/en/search/advanced?name=&euPoliticalGroupBodyRefNum=7150&countryCode=AT&bodyType=ALL> (дата обращения: 07.05.2025).

¹⁸ Elections 2024: Vlaams Belang wins European elections, Open VLD loses seat [Электронный ресурс]. Belga News Agency. 2024. 10.06. URL: <https://www.belganewsagency.eu/elections-2024-vlaams-belang-wins-european-elections-open-vld-loses-seat> (дата обращения: 07.05.2025).

Согласно программе «22 меры» на 2022 год партии «Национальное объединение», планируется принять следующие меры в отношении мигрантов: рассматривать заявления о предоставлении убежища только за рубежом, лишить вида на жительство любого иностранца, который не работал во Франции в течение года, а также отменить право рождения и ограничить доступ к гражданству натурализацией¹⁹. Против ислама на территории Франции у «Национального объединения» составлен законопроект, в котором о мусульманской идеологии написано следующее: «В течение нескольких десятилетий сменявшие друг друга власти позволяли исламистской угрозе и террору поселиться во Франции. <...> это исламистское наступление на республику направлено на создание во Франции контрмодели общества, основанного на тоталитарных идеологиях. <...> оно ставит под угрозу баланс нашего общества и даже гражданское согласие»²⁰.

По мнению «Альтернативы для Германии», согласно их Предвыборному Манифесту в Европарламент за 2024 год, миграционный кризис был вызван халатностью Евросоюза²¹. Партия подчеркивает, что ЕС не справляется с одной из своих главных обязанностей — защитой границ входящих в него государств, так как границы массово саботированы нелегальной иммиграцией²².

В Манифесте 2024 года «Альтернативы для Германии» можем наблюдать мнение о фундаменталистском исламе. «Мы защищаем Европу от социального регресса со стороны фундаменталистского ислама, чьи жизненные правила Корана и Сунны несовместимы с основными европейскими принципами права, свободы и демократии»^{23,24}.

Австрийская партия свободы в своем предвыборном Манифесте 2024 года высказывается следующим образом: «Мы призываем к принятию закона о запрете политического ислама. Те, кто не хочет уважать нашу демократическую конституцию, но открыто требует ее отмены, не должны субсидироваться деньгами налогоплательщиков и должны покинуть Австрию»^{25,26}.

Нидерландская партия свободы, согласно Предвыборному Манифесту 2023 года, недовольна политикой ЕС в отношении мигрантов, ислама и исламистской иммиграции. «Мы хотим, чтобы в Нидерландах было меньше ислама, и добиваемся этого с помощью меньшего количества незападной иммиграции и введения всеобъемлющего запрета на предоставление убежища»²⁷.

Члены партии «Фламандский интерес» тоже высказывают недовольство иммиграционной политикой Евросоюза. Они заявляют, что «ЕС принимает правила, которые серъ-

¹⁹ 22 measures for 2022 [Электронный ресурс]. National Rally. URL: <https://rassemblementnational.fr/22-mesures> (дата обращения: 07.05.2025).

²⁰ Перевод выполнен автором. (Прим. авт.) {Bill to combat Islamist ideologies // National Rally [Электронный ресурс]. Р. 2. URL: <https://rassemblementnational.fr/documents/mesures/proposition-de-loi-ideologies-islamistes.pdf> (дата обращения: 07.05.2025).

²¹ Parties [Электронный ресурс]. Patriots.eu. Р. 8. URL: <https://patriots.eu/parties> (дата обращения: 07.05.2025).

²² European elections programme 2024 [Электронный ресурс]. Alternative for Germany. Р. 8. URL: https://web.archive.org/web/20250202130513/https://www.afd.de/wp-content/uploads/2023/12/AfD_EW_Programm_2024.pdf (дата обращения: 07.05.2025).

²³ Там же. Р. 12.

²⁴ Перевод выполнен автором. (Прим. авт.)

²⁵ Перевод выполнен автором. (Прим. авт.)

²⁶ Election program for the National Council election 2024 [Электронный ресурс]. Freedom Party of Austria. Р. 64. URL: <https://web.archive.org/web/20250328102513/https://www.fpoe.at/themen/wahlprogramm-nationalratswahl-2024> (дата обращения: 07.05.2025).

²⁷ Перевод выполнен автором. (Прим. авт.) {Electoral program [Электронный ресурс]. Parliamentary Group. Party for freedom. Р. 8. URL: <https://web.archive.org/web/20230410105157/https://www.pvv.nl/verkiezingsprogramma> (дата обращения: 07.05.2025).

езно ограничивают возможности государств-членов по реализации эффективной иммиграционной и интеграционной политики»^{28,29}.

Антиисламистские настроения могут присутствовать среди евроскептических партий по следующим причинам: во-первых, почти каждая из вышеперечисленных партий заявляет, что политический ислам подавляет официальную светскую/христианскую идеологию страны, отказываясь от демократического принципа свободы вероисповедания, во-вторых, присутствует угроза исламистского терроризма, в-третьих, имеется противоречие мусульманских догм и традиций национальному законодательству. При этом негативная роль Евросоюза для правых евроскептических партий состоит в том, что он навязывает странам-членам свою миграционную политику, согласно которой страны должны быть лояльны к большому количеству иммигрантов и мусульман и предоставлять им широкий спектр социальных льгот в ущерб коренному населению. Можно предположить, что антииммиграционные и антиисламистские высказывания и предполагаемые меры — способ завоевать поддержку населения, так как среди правящих партий стран популярны происламские позиции.

Стремление к государственному суверенитету

Еще одна тенденция, которую можно наблюдать в высказывании представителей партий, это стремление к превосходству законодательства государств над законодательством Евросоюза и обвинение ЕС в нарушении государственного суверенитета.

Согласно Предвыборному манифесту в Европарламент 2024 года, французское «Национальное объединение» планирует «Подтвердить превосходство французской конституции над европейскими нормами и юрисдикциями»^{30,31}. Кроме того, партия в своем Предвыборном Манифесте 2024 года обвиняет Еврокомиссию в том, что она «без колебаний применяет санкции к государствам, которые хотят осуществлять свой суверенитет»^{32,33}.

У «Альтернативы для Германии» есть предложение о новом европейском интеграционном объединении, причем в Манифесте не раз подчеркивается, что государствам внутри нового объединения будет дана автономия во многих областях, например, в вопросах безопасности и заключения договоров.

Австрийская партия свободы высказывает следующую мысль: «Основополагающие конституционные принципы суверенных государств-членов должны иметь абсолютный приоритет над законодательством Сообщества»^{34,35}.

Обратимся к нидерландской «Партии свободы». В Предисловии к Предвыборному Манифесту в Парламент 2023 года партия высказывается так: «Мы также должны вернуть себе наш национальный суверенитет. Снова стать хозяевами наших собственных границ,

²⁸ Перевод выполнен автором. (Прим. авт.)

²⁹ A free Europe. The Flemish Interest [Электронный ресурс]. URL: <https://web.archive.org/web/20250212230246/https://www.vlaamsbelang.org/een-vrij-europa> (дата обращения: 07.05.2025).

³⁰ Перевод выполнен автором. (Прим. авт.)

³¹ European Programme. National Rally [Электронный ресурс]. Р. 12. URL: <https://rassemblementnational.fr/documents/202411-programme-europeennes.pdf> (дата обращения: 07.05.2025).

³² Там же. С. 12.

³³ Перевод выполнен автором. (Прим. авт.)

³⁴ Перевод выполнен автором. (Прим. авт.)

³⁵ Europe of Diversity. Freedom Party of Austria [Электронный ресурс]. URL: <https://web.archive.org/web/20230123220721/https://www.fpoe.at/themen/teilprogramm/europa-der-vielfalt/> (дата обращения: 07.05.2025).

денег и законов»^{36,37}. «Мы хотели бы интенсивно сотрудничать с другими странами, но не в таком политическом союзе, как ЕС»^{38,39}.

Рассмотрим отношение к вопросу суверенитета у бельгийской (или фламандской) партии «Фламандский интерес». Для этого воспользуемся политической программой, разделом «Свободная Европа»⁴⁰. В этом разделе партия высказывает недовольство Европейским союзом: «Евросоюз превращается в европейское сверхгосударство, которое всё больше вмешивается в полномочия государств-членов и часто идет вразрез с демократическими решениями европейских народов»^{41,42}.

Стремление к национальной автономии, превосходстве национальных законодательных документов над законодательством ЕС, обвинения в нарушении суверенитета государств-членов — всё это, учитывая популярность партий, свидетельствует о недовольстве государств интеграционной политикой Евросоюза и желанием большей автономии. Следовательно, можем отслеживать потенциальное движение евроскептиков к суверенитету, а не к интеграции. При этом евроскептические партии не против основания новых объединений на месте ЕС, однако выступают за меньшую степень интеграции в новых объединениях. Стоит также помнить, что на данный момент во всех приведенных в статье государствах у власти находятся не евроскептические партии, а значит, о движении к суверенитету и недовольстве Евросоюзом можно говорить при условии прихода популярных на данный момент евроскептических партий к власти.

Распространенность мягкого евроскептицизма

Следующая выявленная тенденция среди евроскептических правых партий Западной Европы — мягкий (по классификации П. Таггарта и А. Шербияка) евроскептицизм. Из пяти исследуемых партий все, кроме нидерландской «Партии свободы», — мягкие евроскептики. Это можно отследить по высказываниям в предвыборных манифестах, политических программах и т. д. Для определения мягкого евроскептицизма партий возьмем высказывания о Евросоюзе (как доказательство евроскептицизма) и о европейской интеграции (как доказательство его мягкости).

Лидер «Национального объединения» в парламенте, Марин Ле Пен, высказалась о Евросоюзе следующим образом: «ЕС является ножом в сердце национального суверенитета европейских государств, а евро является не валютой, а инструментом шантажа, используемым Брюсселем для проведения своей политики»⁴³. Вместо Евросоюза партия предлагает создать новую организацию «Европа наций», которая, согласно Предвыборному Манифесту 2024 года, «окажет должное уважение демократии и национальному суверенитету»⁴⁴. К европейской интеграции, однако, «Национальное объединение» лояльно: в Манифесте партия обещает «защищать и продвигать европейскую

³⁶ Перевод выполнен автором. (Прим. авт.)

³⁷ Electoral program [Электронный ресурс]. Parliamentary Group. Party for freedom. P. 3. URL: <https://web.archive.org/web/20230410105157/https://www.pvv.nl/verkiezingsprogramma> (дата обращения: 07.05.2025).

³⁸ Electoral program [Электронный ресурс]. Parliamentary Group. Party for freedom. P. 3. URL: <https://web.archive.org/web/20230410105157/https://www.pvv.nl/verkiezingsprogramma> (дата обращения: 07.05.2025).

³⁹ Перевод выполнен автором. (Прим. авт.)

⁴⁰ A free Europe. The Flemish Interest [Электронный ресурс]. URL: <https://web.archive.org/web/20250212230246/https://www.vlaamsbelang.org/een-vrij-europa> (дата обращения: 07.05.2025).

⁴¹ Там же.

⁴² Перевод выполнен автором. (Прим. авт.)

⁴³ Марин Ле Пен назвала Frexit частью своей политики // ТАСС URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3903563> (дата обращения: 02.10.2025).

⁴⁴ European Programme. National Rally [Электронный ресурс]. P. 12. URL: <https://rassemblementnational.fr/documents/202411-programme-europeennes.pdf> (дата обращения: 07.05.2025).

цивилизацию, выступая против деконструкции нашей истории, наших культур, наших ценностей...»⁴⁵. Учитывая намерения партии создать «Европу наций», можем сделать вывод, что «Национальное объединение» выступает за идею европейской интеграции, и это делает их мягкими евроскептиками.

Рассмотрим Предвыборный Манифест «Альтернативы для Германии» 2024 года⁴⁶. «Мы считаем ЕС неререформируемым и рассматриваем его как провалившийся проект»^{47,48}. «Альтернатива для Германии» подчеркивает, что Евросоюз не справляется с одной из своих главных обязанностей — защитой границ входящих государств, так как границы массово саботированы нелегальной иммиграцией⁴⁹. Однако в главе «Федерация европейских наций» Манифеста есть следующее высказывание: «Народы Европы связаны общей историей и ориентацией на общие гуманитарные ценности сосуществования»^{50,51}. Следовательно, европейскую интеграцию «Альтернатива для Германии» приветствует. Таким образом, можем отнести эту партию к мягким евроскептикам.

Рассмотрим Предвыборный Манифест «Австрийской партии свободы» на выборы в Национальный Совет 2024 года. В этом Манифесте партия высказывается о Евросоюзе следующим образом: «...ЕС не в состоянии удовлетворительно решать поставленные перед собой задачи»^{52,53}. «Корсет правил ЕС должен быть разорван. Необходимы эффективные экономические решения, чтобы не ставить под угрозу процветание населения Австрии»^{54, 55}. Отношение к европейской интеграции у партии позитивное: «Мы привержены идее Европы исторически сложившихся народов и автохтонных этнических групп и решительно отвергаем искусственную стандартизацию различных европейских языков и культур посредством навязывания мультикультурализма, глобализации и массовой иммиграции. Европу нельзя сводить к политическому проекту Европейского союза»^{56,57}. Австрийская партия свободы считает, что европейским нациям навязывается идея глобализма и мультикультурализма, следовательно, они, как и партии Франции и Германии, исследованные выше, поддерживают европейскую интеграцию лишь в определенной степени и являются мягкими евроскептиками.

Рассмотрим высказывания нидерландской «Партии свободы», которую мы ранее отнесли к жестким евроскептикам. Ниже будут приведены доказательства, в частности, высказывания о Евросоюзе (для доказательства евроскептицизма) и высказывания

⁴⁵ European Programme. National Rally [Электронный ресурс]. P. 12. URL: <https://rassemblementnational.fr/documents/202411-programme-europeennes.pdf> (дата обращения: 07.05.2025).

⁴⁶ European elections programme 2024. Alternative for Germany [Электронный ресурс]. URL: https://web.archive.org/web/20250202130513/https://www.afd.de/wp-content/uploads/2023/12/AfD_EW_Programm_2024.pdf (дата обращения: 07.05.2025).

⁴⁷ Там же. P. 8.

⁴⁸ Перевод выполнен автором. (Прим. авт.)

⁴⁹ European elections programme 2024 [Электронный ресурс]. Alternative for Germany. P. 8. URL: https://web.archive.org/web/20250202130513/https://www.afd.de/wp-content/uploads/2023/12/AfD_EW_Programm_2024.pdf (дата обращения: 07.05.2025).

⁵⁰ Там же. P. 10.

⁵¹ Перевод выполнен автором. (Прим. авт.)

⁵² Перевод выполнен автором. (Прим. авт.)

⁵³ Election program for the National Council election 2024. Freedom Party of Austria [Электронный ресурс]. P. 32. URL: <https://web.archive.org/web/20250328102513/https://www.fpo.e.at/themen/wahlprogramm-nationalratswahl-2024> (дата обращения: 07.05.2025).

⁵⁴ Там же. P. 41.

⁵⁵ Перевод выполнен автором. (Прим. авт.)

⁵⁶ Перевод выполнен автором. (Прим. авт.)

⁵⁷ Europe of Diversity [Электронный ресурс]. Freedom Party of Austria. URL: <https://web.archive.org/web/20230123220721/https://www.fpo.e.at/themen/programme/europa-der-vielfalt/> (дата обращения: 07.05.2025).

о европейской интеграции (для доказательства жесткого евроскептицизма). Обратимся к Предвыборному Манифесту в Парламент 2023 года⁵⁸.

В разделе «Международные отношения, ЕС и помощь в целях развития» партия высказывает свое мнение о дальнейшем нахождении Нидерландов в ЕС. Как уже было сказано выше, «Партия свободы» считает, что суверенитет страны попирается Евросоюзом. Далее партия высказывается о сотрудничестве с другими европейскими странами: «Как суверенная страна, мы стремимся к прочным двусторонним и экономическим связям с другими странами. Это интенсивное сотрудничество между странами не требует политического союза, такого, как ЕС, института, который накапливает всё больше и больше власти, накапливая налоговые деньги и навязывая нам диктат. Партия свободы хочет обязательного референдума по Nexit»^{59,60}.

Это показывает, что партия не только добивается выхода Нидерландов из Евросоюза, но и акцентирует внимание на том, что европейским государствам для плодотворного сотрудничества не нужен институт или политический союз. Следовательно, партия выступает против европейской интеграции, что делает «Партию свободы» жесткими евроскептиками.

Рассмотрим и позицию «Фламандского интереса». В их политической программе предлагается «коренное реформирование Европейского союза», а также создание конфедерации «Европы свободных наций» вместо ЕС⁶¹. Так как партия намерена создать европейское интеграционное объединение, можем сделать выводы о ее лояльном отношении к европейской интеграции и отнести к мягким евроскептикам. Примечательно, что «Фламандский интерес» в своих заявлениях говорит не о деструктивности членства Бельгии в ЕС, но о членстве Фландрии. Стоит отметить, что партия является сепаратистской и выступает за отделение Фландрии от Бельгии.

ВЫВОДЫ

Таким образом, можем сделать вывод, что степень стремления к сохранению суверенитета внутри вышеприведенных стран Западной Европы на данный момент не очень высока, но находится в стадии активного роста (евроскептические партии становятся популярными и набирают всё больше власти, в то время как правительство изученных стран всё еще придерживается интеграционной политики). Однако стремление евроскептических партий к дезинтеграции стран не бесконечно. Их лидеры хотят лишь уменьшить текущую степень интеграции. Следовательно, взаимоотношения стран Западной Европы с Евросоюзом будут зависеть от характера власти в стране. На данный момент во всех приведенных в статье странах у власти находятся партии, выступающие за европейскую интеграцию и поддерживающие политику ЕС. Однако, учитывая стремительный набор популярности евроскептических партий, обстановка может скоро измениться в сторону движения стран к собственному суверенитету.

Также, согласно содержанию статьи, мягкий евроскептицизм гораздо популярнее жесткого: он наблюдается у 4 рассмотренных евроскептических партий из 5. При этом в мягком евроскептицизме этих партий наблюдаются полутона: одни партии, например «Альтернатива для Германии», «Фламандский интерес», «Национальное объединение»,

⁵⁸ Electoral program [Электронный ресурс]. Parliamentary Group. Party for freedom. URL: <https://web.archive.org/web/20230410105157/https://www.pvv.nl/verkiezingsprogramma> (дата обращения: 07.05.2025).

⁵⁹ Там же. Р. 43.

⁶⁰ Перевод выполнен автором. (Прим. авт.)

⁶¹ Manifesto. Patriots.eu [Электронный ресурс]. The Flemish Interest URL: <https://www.vlaamsbelang.org/sites/default/files/2024-07/Manifesto.pdf> (дата обращения: 02.10.2025).

выступают за расформирование Евросоюза и создание нового интеграционного объединения с меньшей степенью интегрированности и сохранением национального суверенитета. Другие же хотят реформации в ЕС, тоже стремясь к меньшей степени интеграции внутри объединения. Также вышеописанным евроскептическим партиям Западной Европы присущи и другие тенденции, такие как членство в Европейском Парламенте, популярность среди населения, стремление к защите государственного суверенитета от политики Евросоюза, которая, как считают члены партий, угрожает независимости европейских стран, и негативное отношение к политическому исламу.

Список источников

1. Грибовский В. С. Евроскептицизм: теоретический обзор // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2018. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evroskeptitsizm-teoreticheskiy-obzor>
2. Лисенкова А. Д. «Идентичность и демократия»: формирование, функционирование, раскол // Дискурс-Пи. 2025 Т. 22 № 2. С. 29–40. EDN: QMZIBD
3. Яковлев Д. А. Концепция евроскептицизма в социально-политической теории // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2020. № 2 (42). С. 78–84. EDN QCZUTB
4. Szczerbiak, A., Taggart, P. (2003) Theorizing party-based Euroscepticism: Problems of definition, measurement and causality [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/29996431_Theorizing_party-based_Euroscepticism_Problems_of_definition_measurement_and_causality
5. Krouwel, A., Abts, K. (2007) Varieties of Euroscepticism and Populist Mobilization: Transforming Attitudes from Mild Euroscepticism to Harsh Eurocynicism. *Acta Politica*. Vol. 42, no. 2. Pp. 252–270. DOI: 10.1057/palgrave.ap.5500187. EDN: NMXYKL

Сведения об авторе:

Ходырева Арсения Александровна, студентка 3-го курса бакалавриата, факультет международных отношений и политических исследований, Северо-Западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Санкт-Петербург, Российская Федерация; ORCID: 0009-0003-1158-737X, e-mail: akhodyreva-23@edu.ranepa.ru

Научный руководитель: Лисенкова Алена Денисовна, старший преподаватель кафедры международных отношений, Северо-Западный институт управления, факультет международных отношений и политических исследований, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Санкт-Петербург, Российская Федерация; ORCID: 0000-0002-2457-3466, e-mail: lisenkova-ad@ranepa.ru

References

1. Gribovsky, V. S. (2018) Euroscepticism: a theoretical overview. *Scientific and Analytical Herald of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences*. No. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evroskeptitsizm-teoreticheskiy-obzor>. (In Russ.)
2. Lisenkova, A. D. (2025). The Identity and Democracy Political Group: Formation, Functioning, Split. *Discourse-P*, No. 22 (2), pp. 29–40. (In Russ.)
3. Yakovlev, D. A. (2020) The concept of Euroscepticism in socio-political theory. *Scythian*. No. 2 (42). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-evroskeptitsizma-v-sotsialno-politicheskoy-teorii>. (In Russ.)

4. Szczerbiak, A., Taggart, P. (2003). Theorizing party-based Euroscepticism: Problems of definition, measurement and causality. URL: https://www.researchgate.net/publication/29996431_Theorizing_party-based_Euroskepticism_Problems_of_definition_measurement_and_causality
5. Krouwel, A., Abts, K. (2007) Varieties of Euroscepticism and Populist Mobilization: Transforming Attitudes from Mild Euroscepticism to Harsh Eurocynicism. *Acta Politica*. Vol. 42, no. 2. Pp. 252–270. DOI: 10.1057/palgrave.ap.5500187

About the author:

Arseniia A. Hodyreva, BA student, Faculty of International Relations and Politics, North-West Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Saint Petersburg, Russian Federation; ORCID: 0009-0003-1158-737X, e-mail: akhodyreva-23@edu.ranepa.ru

Academic Supervisor: Alena D. Lisenkova, Senior Lecturer of the Department of International Relations, Faculty of International Relations and Politics, North-West Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Saint Petersburg, Russian Federation; ORCID: 0000-0002-2457-3466, e-mail: konyagina-mn@ranepa.ru

Дискурс о единой Европе и проблема нормализации истории Германии

Снигирев Богдан Алексеевич, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация
студент 2-го курса бакалавриата, факультет мировой политики
E-mail: snigirevb6@gmail.com

Научный руководитель:

Кусакин Даниил Всеволодович, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация
E-mail: dk@fmp.msu.ru

Аннотация

Введение: работа посвящена критическому анализу дискурса о единой Европе и роли нормализации истории Германии как частного обоснования его претворения в жизнь. Отмечается, что начало третьего десятилетия XXI века ознаменовалось кризисом европейской идентичности, вынудившим политиков вновь поднимать тезисы о единстве Европы. В связи с этим формируется исследовательский вопрос: можно ли говорить о реальном единстве Европы, каким его представляют европейские политики в своих публичных выступлениях?

Методы и материалы: с помощью историко-дискурсивного подхода автор предпринимает попытку рассмотрения решения германского вопроса, поскольку пример Германии является наиболее репрезентативным ввиду того, что она — один из наиболее значимых участников европейских интеграционных объединений.

Результаты исследования: выявлена следующая характеристика декларируемого дискурса о европейском единстве: нормализация немецкой истории в дискурсе о единстве Европы маскирует «особый путь» Германии, репрезентируя его как типичный кейс развития.

Вывод: нормализация истории Германии в рамках дискурса о европейском единстве представляет собой не более чем политический памфлет, необходимый для связки европейских государств на основе мифа об исторической общности их наций. При этом особо подчеркивается, что дальнейшие работы по деконструкции мифа о европейском единстве представляются весьма перспективными для разграничения сфер исторической науки и политической активности.

Ключевые слова: европейское единство, Европейский союз, германский вопрос, дискурс, Пан-Европа, нормализация истории, идентичность, «коллективный Запад».

Для цитирования: Снигирев Б. А. Дискурс о единой Европе и проблема нормализации истории Германии // Новизна. Эксперимент. Традиции (Н.Экс.Т). – 2026. – Т. 12, № 1 (33). – С. 75–86.

The Discourse on a United Europe and the Problem of Normalizing German History

Bogdan A. Snigirev, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
BA student, School of World Politics
E-mail: snigirevb6@gmail.com

Academic Supervisor:**Daniil V. Kusakin**, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

E-mail: dk@fmp.msu.ru

Abstract

Introduction: The paper deals with the critical analysis of the discourse on a united Europe and the role of the normalization of German history as a particular justification for its implementation. It is noted that the beginning of the third decade of the 21st century was marked by the crisis of European identity, which forced politicians to once again address the theses about the unity of Europe. In this regard, the research question is being formed: is it possible to talk about the real unity of Europe, as it is represented by European politicians in their public speeches?

Materials and Methods: Using a historical and discursive approach, the author attempts to consider the solution of the German question, since the example of Germany is the most representative due to the fact that it is one of the most significant participants in European integration associations.

Research Results and Discussion: As a result of the conducted research, the following characteristic of the declared discourse on European unity is revealed: the normalization of German history in the discourse on European unity masks Germany's "special path", representing it as a typical development case.

Conclusions: It is concluded that the normalization of German history within the framework of the discourse on European unity is nothing more than a political pamphlet necessary to link the European states based on the myth of the historical community of their nations. At the same time, it is emphasized that further work on deconstructing the myth of European unity seems very promising for distinguishing the spheres of historical science and political activity.

Keywords: European unity, European Union, German question, discourse, Pan-Europe, normalization of history, identity, "collective West".

For citation: Snigirev, B. A. (2026) The Discourse on a United Europe and the Problem of Normalizing German History. *Novelty. Experiment. Traditions (N.Ex.T)*. Vol. 12, No. 1 (33). Pp. 75–86.

ВВЕДЕНИЕ

В работах отечественных политологов и экспертов в области международных отношений европейским исследованиям всегда уделялось особое место, что обуславливается географическим местоположением и историческими связями России и Европы, а также продолжительной дискуссией в академической и профанной среде о том, является ли первая частью последней. Однако дискуссии о Европе как едином субъекте политологического анализа не новы: советский и российский историк А. О. Чубарьян в своих работах неоднократно поднимал вопрос единства Европы¹. По мнению А. О. Чубарьяна, Европа — пространство с общей историей, географией, конкретной политикой и культурой². Но российским историком было также отмечено и то, что реальное объединение Европы началось только после окончания Второй мировой войны³. О Европейском союзе (ЕС) как

¹ Чубарьян А. О. Европейская идея в истории. Проблема войны и мира. М.: Международные отношения, 1987. 352 с.

² Чубарьян А. О. Российский европеизм. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2006. 416 с.

³ Чубарьян А. О. Европа единая, но делимая. [Электронный ресурс] // Россия в глобальной политике. 2003. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/evropa-edinaya-no-delimaya/> (дата обращения: 01.02.2026).

о политическом мифе, сконструированном для достижения конкретных целей, также были написаны некоторые работы⁴. Особенно следует выделить российского специалиста в области международных отношений Т. В. Бордачева, который неоднократно в своих публикациях писал об иллюзорности «коллективного Запада», а также различных мифах, связанных с былой «невозможностью судить о Европе объективно»⁵. В своих работах политолог акцентировал внимание на кризисе способности вырабатывать общие решения применительно к новым вызовам⁶. Тем не менее в отечественных исследованиях недостаточно внимания уделено историческим основаниям дискурса о европейском единстве и их приложению к современной политике европейских стран.

С начала 2020-х годов всё чаще в публичных заявлениях ведущих европейских политиков появлялись призывы к сохранению и углублению европейского единства. Так, в 2021 году президент Франции Эмманюэль Макрон призвал страны Европы к единству: «Франция не будет сильной в одиночку. Вызовы, которые появляются на фоне столкновений мировых держав, показывают, что лишь единство Европы, солидарность могут гарантировать оказание поддержки каждой европейской стране и обеспечить силу удара», — заявил политик⁷. В своей речи *Zeitenwende* («Смена эпох») 27 февраля 2022 года канцлер Германии Олаф Шольц заявил: «Вызов заключается в том, чтобы укрепить суверенитет Европейского союза (ЕС) на долгосрочную перспективу... Для Германии и всех остальных государств-членов ЕС это означает не просто задавать вопрос о том, чего можно добиться от Брюсселя для своей страны. Вопрос должен быть о том, что будет лучшим решением для нашего Союза»⁸.

В январе 2025 года на фоне прихода к власти в Соединенных Штатах Америки (США) Дональда Трампа Фридрих Мерц, на тот момент еще кандидат в канцлеры Германии, заявил о том, что европейским элитам необходимо сплотиться перед лицом пришедшего к власти в США Дональда Трампа⁹. 3 октября 2025 года уже ставший канцлером Германии Фридрих Мерц в своей речи, посвященной 35-летию объединения Германии, заявил о том, что процветание Европы неразрывно связано с процветанием Германии: «Мы сильны только вместе в Европе. Или слабы как отдельные государства. В Германии мы знаем, что, когда дела в Европе идут хорошо, дела в Германии тоже идут хорошо. И когда дела в Европе идут плохо, дела в Германии идут пропорционально плохо»¹⁰. Страны Европы в 2020-е годы определенно столкнулись с трудностями, в числе которых можно указать брекзит, пандемию Covid-19, проблему миграции, специальную военную операцию и приход к власти в Соединенных Штатах Америки Дональда Трампа.

Проблема концептуального осмысления европейского единства не стала новой для экспертного и академического сообщества, поскольку каждый кризис европейской

⁴ Хауер-Тюкаркина О. М. Европейский союз как политический миф // Русская политология. 2016. № 1. С. 124–136.

⁵ Бордачев Т. В. Европа и ее мифы. [Электронный ресурс] // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 2022. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/evropa-i-eye-mify/> (дата обращения: 01.02.2026).

⁶ Бордачев Т. В. Коллективный Запад — это иллюзия. [Электронный ресурс] // РСМД: Российский совет по международным делам. 2023. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/kollektivnyy-zapad-eto-illyuziya/> (дата обращения: 01.02.2026).

⁷ Adresse aux Français. [Электронный ресурс]. Paris: Palais de l'Élysée, 2021. — Режим доступа: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2021/07/12/adresse-aux-francais-12-juillet-2021> (дата обращения: 01.02.2026).

⁸ Regierungserklärung von Bundeskanzler Olaf Scholz am 27 Februar 2022. [Электронный ресурс]. Berlin: Bundesregierung, 2022. — Режим доступа: <https://www.bundesregierung.de/resource/blob/975954/2008580/b7348ec7b88380164f7873453c7b6758/25-2-bk-reg-erkl--data.pdf?download=1> (дата обращения: 01.02.2026).

⁹ Vorsitzende von CDU und SPD mahnen europäischen Zusammenhalt an. [Электронный ресурс] // Deutschlandfunk. 2025. URL: <https://www.deutschlandfunk.de/vorsitzende-von-cdu-und-spd-mahnen-europaeischen-zusammenhalt-an-100.html> (дата обращения: 01.02.2026).

¹⁰ Wiedervereinigung: Merz ruft zu neuer Einheit für Deutschland auf. [Электронный ресурс] // Tagesschau.de. 2025. URL: <https://www.tagesschau.de/inland/innenpolitik/deutsche-einheit-merz-100.html> (дата обращения: 01.02.2026).

интеграции подвергал сомнению надежность этого проекта. Консенсус среди специалистов заключается на данный момент в том, что Европейский союз является самым успешным интеграционным объединением за всю историю Европы, да и не только Европы. Однако кризисные явления, участившиеся за последние годы, поднимают вопрос долговечности этого объединения и перспектив его существования. Основу актуальности осмысления теоретических и практических проблем заложил провал проектов перехода от Европейского союза к Соединенным Штатам Европы в конце 1990-х – начале 2000-х. Отсутствие консенсуса среди европейских стран по вопросу наделения Европейского союза статусом политического союза, вырабатывающего единую внутреннюю и внешнюю политику, поставило в тупик развитие идей отцов-основателей концепции европейской интеграции: Р. Шумана и Ж. Монне.

Статьи зарубежных авторов, посвященные кризису европейской интеграции, пытаются ответить на актуальный вопрос: что следует предпринять Европейскому союзу в условиях современного кризиса европейского единства? Некоторые авторы считают, что Европейский союз должен принимать новых членов в свои ряды в ответ на «внешнюю угрозу»; преобладание сторонников суверенитета мешает федерализации Европейского союза, а его институты не слишком эффективны в реагировании на кризисы, связанные с вопросами идентичности и ценностей¹¹. Другие исследователи настроены более оптимистично и считают, что у Европейского союза есть все возможности справиться с кризисом интеграции через «стратегические реформы, расширение сотрудничества в сфере обороны и обновленной приверженности своим основополагающим принципам»¹².

Не лишним будет отметить, что с кризисом столкнулся не только проект европейской интеграции, но и национальные правительства. Федеративная Республика Германия, будучи одной из ведущих стран в области политического влияния в Европейском союзе, первой экономикой ЕС и обладателем центрального географического положения, достаточно важного для стратегических устремлений «единой» Европы, переживает провалы в осуществлении фискально-бюджетной, экономической, энергетической и социальной политики и тем самым является дестабилизирующим фактором европейского центра¹³.

Кризис проекта европейской интеграции и идентичности требует не только концептуального осмысления и поиска решений, но и, как представляется, пересмотра исторических оснований единства Европы, какими они демонстрируются общественному мнению европейскими политиками. Мы предлагаем обратиться к истории германского вопроса, воспользовавшись историко-дискурсивным методом анализа, чтобы ответить на поставленный вопрос: есть ли объективные исторические основания у дискурса о европейском единстве?

Обозначая в названии настоящей статьи проблему нормализации истории Германии, автор исходит из определения, основанного на работах отечественного историка А. И. Миллера, в частности, «Империя Романовых и национализм: эссе по методологии исторического исследования» и М. Тодоровой “Does Russian Orientalism Have a Russian Soul? A Contribution to the Debate between Nathaniel Knight and Adeeb Khalid” и предлагает понимать нормализацию истории следующим образом: нормализация истории — это конструирование образа уникальной национальной истории как типичного феномена, характерного для той или иной общности историй¹⁴. Причем с прикладной точки зрения

¹¹ Marcellino, C., Hooghe, M., & De Sio, L. (2026). The Role of EU Policies in Shaping EU Support: A Cross-Sectional and Longitudinal Analysis of Policy Congruence and Public Attitudes in the European Union.

¹² Ristevska, T. T. (2024) European Unity and security: from post-war integration to modern challenges in defense and governance // *Journal of Law and Politics*. Vol. 5, No. 2. Pp. 97–113.

¹³ Рейснер У. Если Германия станет нестабильной, Европа тоже рухнет. [Электронный ресурс] // Россия в глобальной политике. 2025. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/germaniya-nestabilna-rejsner/> (дата обращения: 02.02.2026).

¹⁴ Todorova, M. (2000) Does Russian Orientalism Have a Russian Soul? A Contribution to the Debate between Nathaniel Knight and Adeeb Khalid // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. Vol. 1, No. 4. Pp. 717–727.

общим способом конструирования такого образа является ставка на общие черты и намеренное ретуширование специфических аспектов¹⁵. В данном случае автор предпринимает попытку рассмотрения конструирования образа об истории Германии как типичной для общности европейских государств.

РЕШЕНИЕ ГЕРМАНСКОГО ВОПРОСА: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

На протяжении последних трех столетий вопрос единства Европы напрямую зависел от включения тех или иных стран в европейское политическое пространство. Особенно активно обсуждалось членство в едином европейском проекте России, Великобритании и Германии¹⁶. В XIX веке Россия и Великобритания не воспринимались странами Западной Европы как члены единой Европы в связи с их статусом периферийных империй, которые предотвращали появление или же действия любого актора, стремящегося объединить Европу в единый политический проект (наиболее ярким примером служат наполеоновские войны). Эти действия были связаны прежде всего с тем, что Британская и Российская империи проводили свою политику в национальных, а не общеевропейских интересах. Наличие «жандарма Европы» (России) и «маятника Европы» (Великобритании) не устраивало континентальные европейские державы, Германию и Францию, которые сами стремились к региональной гегемонии. Однако для создания единого европейского политического пространства необходимо было решить вопрос, ключевой для идеи единой Европы, — германский.

Как правило, решение германского вопроса зависело от восприятия немецким обществом самого себя. Если немцы видели себя как особую «цивилизацию», уходящую корнями в арийское или мифологическое прошлое нации, то Европа неизбежно делилась на две части — Центральную и Западную¹⁷. Поэтому невозможно даже представить себе что-либо похожее на единую Европу без нормализации истории Германии, вынужденного ее отказа от принадлежности к мифическим воображаемым сообществам, поскольку территориальное расположение и ключевая роль Германии в истории межгосударственных отношений на континенте (начиная со вступления в должность министра иностранных дел Отто фон Бисмарка, т. е. с 1862 года) превращают ее в особого члена европейского политического пространства¹⁸.

Создание единой Германии в 1871 году послужило началом нового этапа в развитии межгосударственных отношений в Европе. До этого момента Германия долгое время представляла из себя лишь арену для битв региональных держав — Франции и Австрии. Но с приходом к власти О. Бисмарка германский проект, во главе которого встала Пруссия, начал претендовать на первенство в определении европейской политики¹⁹. Европа, переплетенная системой союзов Бисмарка, после его ухода была скована устоявшимся в конце XIX – начале XX века блоковым размежеванием, которое послужило основой для последующего обострения международных отношений, которое, в свою очередь, привело к Первой мировой войне.

¹⁵ Миллер А. И. Империя Романовых и национализм: эссе по методологии ист. исслед. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 240 с.

¹⁶ Миллер А. И. Российская империя в сравнительной перспективе. Сборник статей. М.: Новое издательство, 2004. 384 с.

¹⁷ Фененко А. В. Забытый опыт «Пан-Европы». [Электронный ресурс] // РСМД: Российский совет по международным делам. 2022. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/zabytyy-opyt-pan-evropy/> (дата обращения: 09.02.2026).

¹⁸ Anderson, B. (1983) *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. London: Verso.

¹⁹ Фурцев Р. В. Империя и территориальные государства Германии раннего Нового времени в контексте формирования европейской системы государства // Вестник МГПУ. Серия: Исторические науки. 2016. № 1 (21). С. 78–89.

С уходом «железного канцлера», заложившего основу нового устройства европейской политики, германская внешняя политика перестала быть обоснованной политическими соображениями рационального характера. Вместо сопоставления реальной расстановки сил Вильгельм II, пришедший к власти в 1888 году, скрыл безосновательность своей внешней политики за тем, что называл Weltpolitik, «глобальной политикой»²⁰. За этим термином скрывалась интеллектуальная нищета теоретических оснований управления дипломатическими сношениями. Уинстон Черчилль отзывался о Вильгельме II следующим образом: «Всё сводилось к тому, чтобы расхаживать с важным видом, вставать в позу и бряцать не вынутым из ножен мечом. Всё, чего ему хотелось, — это ощущать себя подобием Наполеона и походить на него, но — без участия в его битвах. Само собой разумеется, на меньшее он был не согласен...»²¹. Гонка вооружений, рост милитаристских и националистических настроений по всей Европе, создание массовых армий и генеральных штабов как постоянно действующих институтов, стремление к гегемонии без учета соотношения сил, полный разлад системы союзов Бисмарка, обрыв всех дипломатических сношений с Великобританией — вот те аспекты, которые характеризовали внешнюю политику Вильгельма II. Такая внешняя политика не могла не привести к большой войне.

Но после всех провалов внешней политики, четырехлетней тяжелой войны, унижительных для Германии условий Версальского мирного договора и тяжелых времен восстановления экономики, всего через 10–12 лет Германия встала в один ряд с державами-победителями²². С одной стороны, можно констатировать положительную черту этого решения германского вопроса: Германия была встроена в новый мировой порядок — Версальско-Вашингтонский. Но, с другой стороны, главным ревизионистом этого порядка и стала Германия. Встав в один ряд с великими державами, Германия не только не прекратила свои ревизионистские устремления, но и мобилизовала их потенциал. Веймарская республика, созданная в результате Ноябрьской революции 1918 г., успешно справилась с нормализацией политики Германии и включением ее в общеевропейское пространство через превращение в республиканское федеративное государство. Казалось, что наступило самое подходящее время для появления единой Европы — реализации популярной на тот момент в кругах австрийских и французских интеллектуалов идеи. Но реваншистские устремления по ликвидации унижительных условий Версальского мирного договора в итоге привели к точке невозврата — приходу к власти в 1933 году А. Гитлера.

С идеей Пан-Европы нацисты сделали ровно то, что проделали со всеми популярными европейскими идеями²³. Исказив изначальное содержание, национал-социализм превратил идею единой Европы — конфедерации государств, создаваемой ради общих целей, — в идею барьера, состоящего из антикоммунистических государств, которые уберегут Европу от большевизма — угрозы, которую всерьез восприняли В. Вильсон, В. Орландо и, в особенности, Ж. Клемансо и Д. Ллойд Джордж еще во время Парижской мирной конференции. Таким образом, А. Гитлер встал во главу этого антикоммунистического оплота, поставив крест на идее единой Европы (той, какой она существовала в умах австрийских и французских интеллектуалов) вплоть до 1945 года²⁴.

К концу Второй мировой войны европейские политики (прежде всего в Британии и Франции) столкнулись с необходимостью решения вопроса о месте послевоенной

²⁰ Kissinger, H. (1994) *Diplomacy*. New York: Simon & Schuster.

²¹ Churchill, W. S. (1973) *Great Contemporaries*. Chicago; London: University of Chicago Press.

²² Космач В. А. «Унижение в Версале»: итоги Первой мировой войны для Германии // Псковский военно-исторический вестник. 2015. № 1. С. 155–167.

²³ Артамошин С. В. Идеи истоки национал-социализма. Брянск: издательство БГУ, 2002. 184 с.

²⁴ Сиполс В. Я. Дипломатическая борьба накануне Второй мировой войны. М.: Международные отношения, 1979. 320 с.

Германии в Европе. Разделив Германию на два государства — Федеративную Республику Германия (ФРГ) и Германскую Демократическую Республику (ГДР) и распространив на них (после вступления в НАТО ФРГ в 1955 году и создания ОВД в том же году, куда вошла ГДР) блокочный статус, Великобритания, Франция и США внедрили ФРГ в состав «единой» Европы, а ГДР оставили за границами своих интересов — в зоне влияния СССР, решив вопрос включения Германии в единое европейское пространство²⁵. Немаловажно отметить, что Североатлантический альянс создавался с целью недопущения ремилитаризации Германии, о чем недвусмысленно заявлял лорд Исмей, первый генеральный секретарь НАТО, в своей известной формуле “to keep the Russians out, the Americans in, and the Germans down”²⁶. В свою очередь, институты европейской интеграции служили отчасти для примирения послевоенных Франции и Германии, что подтверждается декларацией Шумана, которая вышла в свет 9 мая 1950 года: «Действие Франции направлено прежде всего к достижению мира. Чтобы мир мог быть обеспечен, необходимо, чтобы существовала Европа. Спустя пять лет, день в день, после безоговорочной капитуляции Германии, Франция делает первый решительный шаг к созиданию Европы — и приобщает Германию к этому созиданию»²⁷. Неслучайно ФРГ станет одной из стран-основательниц всех интеграционных европейских объединений, соглашения о которых в итоге приведут к Маастрихтскому договору 1992 года, т. е. основанию Европейского союза.

МИФ О ЕВРОПЕЙСКОМ ЕДИНСТВЕ И НОРМАЛИЗАЦИЯ ИСТОРИИ ГЕРМАНИИ

Как после Первой мировой войны, так и после Второй европейские политики решали германский вопрос через включение бывшего ревизиониста в общеевропейское пространство. Посредством этого удавалось не только внедрить Германию в «единую» Европу, но и нормализовать ее историю, говоря об «издержках» тоталитарного режима А. Гитлера и умалчивая об остальных особенностях истории Европы, которые не поддаются объяснению в такой парадигме восприятия. Европейские политики использовали (и продолжают использовать) миф о единстве Европы как панацею, которая доказывает необходимость их существования²⁸. Особенно показателен в этом отношении пример Уинстона Черчилля: произнесенная им речь в Цюрихском университете 19 сентября 1946 года стала отправной точкой в создании Совета Европы. Сам Черчилль обосновывает идею объединения Европы, обращая внимание как на географические предпосылки («...самые прекрасные и возделанные части земли... с ровным климатом...»), так и на культурно-идеологические («родиной всех великих народов западного мира... источник христианской веры и христианской морали. Здесь зародилась почти вся культура, искусство, философия и наука древних времен и современного мира»)²⁹.

Нормализация всей европейской истории, включая германскую, в данном случае выражается в рамках подчеркивания одних сюжетов и намеренного ретуширования других.

²⁵ Ахтамзян А. А. Объединение Германии и его международно-политические последствия // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2010. № 4. С. 3–26.

²⁶ Ismay, H. L. (1960) The Memoirs of General the Lord Ismay. London: Heinemann.

²⁷ Schuman Declaration May 1950. [Электронный ресурс] // European Union. URL: https://european-union.europa.eu/principles-countries-history/history-eu/1945-59/schuman-declaration-may-1950_en (дата обращения: 10.02.2026).

²⁸ Draghi wants real decision-making power for Europe, not a federal big bang. [Электронный ресурс] // Chatham House. 2026. URL: <https://www.chathamhouse.org/2026/02/draghi-wants-real-decision-making-power-europe-not-federal-big-bang> (дата обращения: 09.02.2026).

²⁹ Речь Уинстона Черчилля в Цюрихском университете. [Электронный ресурс] // Вестник Европы. 2009. URL: <https://magazines.gorky.media/vestnik/2009/26/rech-uinstona-cherchilya-v-czyurihskom-universitete.html> (дата обращения: 02.02.2026).

Черчилль ставит в один ряд два крупных события в европейской истории: «Мы все знаем о том, что обе мировые войны, через которые мы прошли, явились результатом тщетного, но страстного желания вновь объединенной Германии господствовать в мире. В этой последней схватке были совершены преступления и массовые убийства, которые могут сравниться лишь с нашествием монголов в четырнадцатом веке, и коим по своей жестокости нет равных в истории». Но между примерами Черчилля прошло 800 лет, и за это время на территории Европы случилось множество событий, в рамках которых Европа не была единой в смысле проведения общей политики, согласующейся с интересами всех государств (в этом случае из виду специально опускаются ситуации противодействия претенденту на гегемонию, каким была Франция в конце XVIII – начале XIX в., поскольку усилия, направленные на недопущение усиления другого государства, мало похожи на усилия по созданию общего политического пространства). Потому дискурс о единстве Европы, который озвучивается с упоминанием лишь двух мировых войн, произошедших совсем недавно, на наш взгляд, — не более чем попытка создания «оптической иллюзии» восприятия европейской истории, которая не знала мира (и тем более проведения общеевропейской политики в мирных целях) на своей территории хоть сколько-нибудь продолжительное время.

В послевоенные годы некоторые интеллектуалы раздумывали не только над вопросом восстановления экономики европейских государств, но и о новой трактовке истории Европы. В центре этого нового повествования была уже не извечная история строительства наций и империй, войн и господства, а история общей судьбы, основанной на общей европейской культуре³⁰. И этот нарратив впервые в европейской истории встретил реальный политический интерес. Робер Шуман, один из основателей Европейского объединения угля и стали, в 1963 году решительно заявил: «Прежде чем стать военным союзом или экономической единицей, Европа должна стать культурным сообществом в самом высоком смысле этого слова»³¹. Однако с самого начала поиски идентичности европейцев упирались в исторические особенности, которые было необходимо нормализовать — как иначе можно объявить единым сообществом, члены которого на протяжении тысячелетий воевали между собой³²? Проблема на уровне всей Европы была решена с помощью демонстрации необходимости решения реальных политических задач, которые были упомянуты нами ранее: восстановление послевоенных экономик государств и недопущение ремилитаризации Германии. Но никаких объективных исторических предпосылок, декларируемых европейскими политиками, по-видимому, не существовало, поэтому история Европы дискурсивно приводилась к одному возможному стандарту — истории европейского единства.

В случае с Германией некоторые немецкие историки сами подготовили почву для нормализации: в послевоенное время их усилия в основном были направлены на то, чтобы «релятивизировать» историю Третьего рейха: поводом для споров историков в 1980-е годы в Германии стала попытка установить связь между русской революцией и политической геноцида в нацистской Германии и тем самым снять с немцев бремя ответственности за истребление миллионов людей. Особенно отметился на этом поприще немецкий историк Эрнст Нольте, считавший, что ученый в оценке событий гитлеризма должен отойти от одностороннего «осуждающего подхода» во имя «многостороннего понимающего»³³.

³⁰ Миллер А. История империй и политика памяти // Россия в глобальной политике. 2008. Т. 6, № 4. С. 118–134.

³¹ Шуман Р. За Европу = Pour L'Europe / [пер. с фр. В. Божовича]. М.: Московская школа политических исследований, 2002. 95 с.

³² Puntcher Riekman, S. (1997) The Myth of European Unity // Myths and Nationhood / G. Hosking, G. Schopflin, eds. London: Hurst & Company. Pp. 60–71.

³³ Nolte, E. (1987) Der europäische Bürgerkrieg 1917–1945. Nationalsozialismus und Bolschewismus. Frankfurt a. M.: Propyläen.

Помимо этого, программа нормализации, провозглашенная в 1983 году Гельмутом Ко-лем с целью совершить в немецком обществе «морально-нравственный поворот», намеренно проводилась с целью приобретения немцами «здоровой» национальной идентичности и освобождения от «бремени» неудобного прошлого³⁴.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Важно отметить: дилемма «уникальности» или «нормальности» истории Германии, как и любой страны, — дилемма чаще всего не историческая, а политическая³⁵. В этом смысле представляется весьма полезным анализ истории России и сравнение ее истории с особым немецким путем (*Sonderweg*) в работе Марии Тодоровой³⁶. Начиная с XIX века дискуссия об особом немецком пути шла параллельно с разговорами о внедрении Германии в единое европейское пространство. В настоящее время преобладают интерпретации истории Германии не как отклонения от магистральной линии европейской истории, а как одной из разновидностей этого пути; чаще указывают на черты, роднящие немецкую историю с общеевропейской, одним словом, немецкую историю приводят в соответствие с «нормой». С точки зрения методологии истории как науки не так уж важно, как рассматривать историю Германии — через призму уникализации или нормализации, поскольку нормальная историография — плюралистическая. Однако политически рациональные стремления европейских политиков достичь своей цели (какой бы она ни была) не стоит путать с реальной попыткой рассмотрения истории Германии и, шире, — Европы.

Деконструкция «единой» Европы с точки зрения исторической науки и исследований международных отношений представляется весьма перспективной темой для новых исследований. Нормализация истории Германии и ее релятивизация по отношению к истории остальных стран Европы, используемые европейскими политиками для оправдания своих идей и интересов, должны подвергнуться последовательной критике. И тогда история «единой» Европы на наших глазах превратится в историю государств, которые не обречены на передачу своих политических функций на наднациональный уровень, но способны проводить самостоятельную внешнюю политику, руководствуясь национальными интересами.

Список источников

1. *Артамошин С. В.* Идейные истоки национал-социализма. Брянск: издательство БГУ, 2002. 184 с. EDN: VNYPCE
2. *Ахтамзян А. А.* Объединение Германии и его международно-политические последствия // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2010. № 4. С. 3–26. EDN: NBKEFL
3. *Грошева Г. В.* Немецкий дискурс о прошлом и проблема соотношения национальной и европейской идентичностей немцев (вторая половина XX – начало XXI в.) // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2014. № 3 (5). С. 57–67. EDN: SMHPLV

³⁴ *Грошева Г. В.* Немецкий дискурс о прошлом и проблема соотношения национальной и европейской идентичностей немцев (вторая половина XX – начало XXI в.) // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2014. № 3 (5). С. 57–67.

³⁵ *Миллер А. И.* Империя Романовых и национализм: эссе по методологии ист. исслед. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 240 с.

³⁶ *Todorova M. (2000) Does Russian Orientalism Have a Russian Soul? A Contribution to the Debate between Nathaniel Knight and Adeeb Khalid // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. Vol. 1, No. 4. Pp. 717–727.*

4. Космач В. А. «Унижение в Версале»: итоги Первой мировой войны для Германии // Псковский военно-исторический вестник. 2015. № 1. С. 155–167. EDN: VDOZIX
5. Миллер А. И. Империя Романовых и национализм: эссе по методологии ист. исслед. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 240 с. EDN: QPCIZD
6. Миллер А. И. Российская империя в сравнительной перспективе. Сборник статей. М.: Новое издательство, 2004. 384 с. EDN: SUQVKJ
7. Миллер А. История империй и политика памяти // Россия в глобальной политике. 2008. Т. 6, № 4. С. 118–134. EDN: TWJYIH
8. Сиполс В. Я. Дипломатическая борьба накануне Второй мировой войны. М.: Международные отношения, 1979. 320 с.
9. Фурцев Р. В. Империя и территориальные государства Германии раннего Нового времени в контексте формирования европейской системы государства // Вестник МГПУ. Серия: Исторические науки. 2016. № 1 (21). С. 78–89. EDN: VQTYNL
10. Хауер-Тюкаркина О. М. Европейский союз как политический миф // Русская политология. 2016. № 1. С. 124–136. EDN: XYGYTN
11. Чубарьян А. О. Европейская идея в истории. Проблема войны и мира. М.: Международные отношения, 1987. 352 с. EDN: RKOWHT
12. Чубарьян А. О. Российский европеизм. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2006. 416 с. EDN: QBETDB
13. Шуман Р. За Европу = Pour L'Europe / [пер. с фр. В. Божовича]. М.: Московская школа политических исследований, 2002. 95 с.
14. Anderson, B. (1983) *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. London: Verso.
15. Churchill, W. S. (1973) *Great Contemporaries*. Chicago; London: University of Chicago Press.
16. Kissinger, H. (1994) *Diplomacy*. New York: Simon & Schuster.
17. Marcellino, C., Hooghe, M., & De Sio, L. (2026). The Role of EU Policies in Shaping EU Support: A Cross-Sectional and Longitudinal Analysis of Policy Congruence and Public Attitudes in the European Union.
18. Nolte, E. (1987) *Der europäische Bürgerkrieg 1917–1945. Nationalsozialismus und Bolschewismus*. Frankfurt a. M.: Propyläen.
19. Puntcher Riekman, S. (1997) The Myth of European Unity // *Myths and Nationhood* / G. Hosking, G. Schopflin, eds. London: Hurst & Company. Pp. 60–71.
20. Ismay, H. L. (1960) *The Memoirs of General the Lord Ismay*. London: Heinemann.
21. Ristevska, T. T. (2024) European Unity and security: from post-war integration to modern challenges in defense and governance // *Journal of Law and Politics*. Vol. 5, no. 2. Pp. 97–113. DOI: 10.69648/xpce7824 EDN: FRJVOJ
22. Todorova M. (2000) Does Russian Orientalism Have a Russian Soul? A Contribution to the Debate between Nathaniel Knight and Adeeb Khalid // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. Vol. 1, no. 4. Pp. 717–727.

Сведения об авторе:

Снигирев Богдан Алексеевич, студент 2-го курса бакалавриата, факультет мировой политики, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация; e-mail: snigirevb6@gmail.com

Научный руководитель: Кусакин Даниил Всеволодович, старший преподаватель кафедры международной безопасности, факультет мировой политики, Московский

государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация;
e-mail: dk@fmp.msu.ru

References

1. Artamoshin, S. V. (2002) The ideological origins of National Socialism. Bryansk: *BSU Publishing House*. 184 p. (In Russ.)
2. Akhtamzyan, A. A. (2010) The unification of Germany and its international and political consequences // *Lomonosov World Politics Journal*. No. 4. Pp. 3–26. (In Russ.)
3. Grosheva, G. V. (2014) German discourse on the past and the problem of the correlation of national and European identities of Germans (the second half of the twentieth – early twenty-first century) // *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*. No. 3 (5). Pp. 57–67. (In Russ.)
4. Kosmach, V. A. (2015) “Humiliation at Versailles”: the results of the First World War for Germany // *Pskov Military Historical Bulletin*. No. 1. Pp. 155–167. (In Russ.)
5. Miller, A. I. (2006) The Romanov Empire and Nationalism: an essay on the methodology of History. research. Moscow: *New Literary Review*. 240 p. (In Russ.)
6. Miller, A. I. (2004) The Russian Empire in comparative perspective. Collection of articles. Moscow: *New Publishing House*. 384 p. (In Russ.)
7. Miller, A. I. (2008) The History of Empires and the Politics of Memory // *Russia in Global Affairs*. Vol. 6, no. 4. Pp. 118–134. (In Russ.)
8. Sipols, V. Ya. (1979) The diplomatic struggle on the eve of the Second World War. Moscow: *International Relations*. 320 p. (In Russ.)
9. Furtsev, R. V. (2016) Empire and territorial states of Germany of the early Modern period in the context of the formation of the European state system // *MCU Journal of Historical Studies*. No. 1 (21). Pp. 78–89. (In Russ.)
10. Hauer-Tyukarkina, O. M. (2016) The European Union as a political myth // *Russian Political Science*. No. 1. Pp. 124–136. (In Russ.)
11. Chubaryan, A. O. (1987) The European idea in history. The problem of war and peace. Moscow: *International Relations Publishing House*. 352 p. (In Russ.)
12. Chubaryan, A. O. (2006) Russian Europeanism. Moscow: *OLMA Media Group*. 416 p. (In Russ.)
13. Schuman R. (2002) For Europe = Pour L’Europe / [translated from French by V. Bozhovich]. Moscow: *Moscow School of Political Studies*. 95 p.
14. Anderson, B. (1983) Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London: *Verso*.
15. Churchill, W. S. (1973) Great Contemporaries. Chicago; London: *University of Chicago Press*.
16. Kissinger, H. (1994) Diplomacy. New York: *Simon & Schuster*.
17. Marcellino, C., Hooghe, M., & De Sio, L. (2026). The Role of EU Policies in Shaping EU Support: A Cross-Sectional and Longitudinal Analysis of Policy Congruence and Public Attitudes in the European Union.
18. Nolte, E. (1987) Der europäische Bürgerkrieg 1917–1945. Nationalsozialismus und Bolschewismus. Frankfurt a. M.: *Propyläen*.
19. Puntcher Riekmann, S. (1997) The Myth of European Unity // Myths and Nationhood / G. Hosking, G. Schopflin, eds. London: *Hurst & Company*. Pp. 60–71.
20. Ismay, H. L. (1960) The Memoirs of General the Lord Ismay. London: *Heinemann*.

21. Ristevska, T. T. (2024) European Unity and security: from post-war integration to modern challenges in defense and governance // *Journal of Law and Politics*. Vol. 5, no. 2. Pp. 97–113.
22. Todorova, M. (2000) Does Russian Orientalism Have a Russian Soul? A Contribution to the Debate between Nathaniel Knight and Adeeb Khalid // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. Vol. 1, no. 4. Pp. 717–727.

About the author:

Bogdan A. Snigirev, BA student, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation; e-mail: snigirevb6@gmail.com

Academic Supervisor: Daniil V. Kusakin, Senior Lecturer of the Department of International Security, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation; e-mail: kdk@fmp.msu.ru

Влияние заданных правил игры на процесс принятия решений: результаты социального эксперимента

Агрызков Андрей Алексеевич, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Северо-Западный институт управления, Санкт-Петербург, Российская Федерация
студент 3-го курса бакалавриата, факультет международных отношений и политических исследований
E-mail: platov752@yandex.ru

Александров Роман Викторович, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Северо-Западный институт управления, Санкт-Петербург, Российская Федерация
студент 3-го курса бакалавриата, факультет международных отношений и политических исследований
E-mail: raleksandrov-23@ranepa.ru

Калашникова Алина Владимировна, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Северо-Западный институт управления, Санкт-Петербург, Российская Федерация
студентка 3-го курса бакалавриата, факультет международных отношений и политических исследований
E-mail: akalashnikova-23@ranepa.ru

Логанов Дмитрий Андреевич, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Северо-Западный институт управления, Санкт-Петербург, Российская Федерация
студент 3-го курса бакалавриата, факультет международных отношений и политических исследований
E-mail: dloganov-23@ranepa.ru

Научный руководитель:

Тулаева Светлана Александровна, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Северо-Западный институт управления, Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: tulaeva-sa@ranepa.ru

Аннотация

Введение: в команде управленцев, в коллективе на работе, в студенческой группе постоянно принимаются решения для выполнения задач. На этот процесс влияет множество факторов, в том числе установленные правила, которые не только регламентируют взаимодействие, но и могут предопределить поведение участников, что непосредственно отражается на качестве принимаемого решения. Статья отвечает на вопрос о том, каким образом и почему установленные сверху правила влияют на процесс принятия решений и его результаты.

Методы и материалы: исследование основывалось на классических теориях социальной психологии, а именно на теории группового мышления и диффузии

ответственности, а также на теориях управления, освещающих авторитарный и демократический типы управления. Основным методом исследования стал социальный эксперимент, осуществленный в виде игры. Эксперимент был проведен в апреле 2025 года с участием студентов СЗИУ РАНХиГС. В ходе эксперимента разным командам задавались «авторитарные» и «демократические» правила принятия решений.

Результаты исследования и их обсуждение: в ходе проведения пилотного исследования команды, игравшие по «авторитарным» правилам, характеризовались быстрым принятием решения, подавлением альтернативных мнений и зависимостью от личности лидера. В то же время команды, игравшие по «демократическим» правилам, отличались более медленным принятием решений и открытой дискуссией, а также подверженностью авторитарным сдвигам.

Выводы: исследование демонстрирует, как можно моделировать разные режимы управления и какие эффекты они продуцируют. Кроме того, в ходе исследования была разработана деловая игра, которую можно использовать в процессе обучения будущих управленцев. Также статья может представлять интерес в качестве методологической основы для дальнейших исследований влияния заданных правил на процесс принятия решений.

Ключевые слова: принятие решений, авторитарный стиль управления, демократический стиль управления, групповое мышление, диффузия ответственности, социальный эксперимент, формальные правила, малая группа.

Для цитирования: *Агрызков А. А., Александров Р. В., Калашникова А. В., Логанов Д. А.* Влияние заданных правил игры на процесс принятия решений: результаты социального эксперимента // Новизна. Эксперимент. Традиции (Н.Экс.Т). – 2026. – Т. 12. – № 1 (33). – С. 87–100.

Вклад авторов: *Агрызков А. А.* — разработка и описание теоретических рамок исследования, разработка дизайна социального эксперимента, ведение и модерация экспериментальной игры, анализ эмпирических данных; *Александров Р. В.* — разработка дизайна социального эксперимента, кураторство над двумя экспериментальными группами в ходе игры и фиксация наблюдений за их действиями, анализ и описание эмпирических данных; *Калашникова А. В.* — разработка и описание теоретических рамок исследования, разработка дизайна социального эксперимента, фиксация общих наблюдений за всеми группами в ходе проведения эксперимента, анализ эмпирических данных; *Логанов Д. А.* — разработка дизайна социального эксперимента, кураторство над двумя экспериментальными группами в ходе игры и фиксация наблюдений за их действиями, анализ и описание эмпирических данных.

The Influence of Given Game Rules on the Decision-Making Process: Results of a Social Experiment

Andrey A. Agryzkov, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, North-West Institute of Management, Saint Petersburg, Russian Federation
BA student, Faculty of International Relations and Politics
E-mail: platov752@yandex.ru

Roman V. Alexandrov, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, North-Western Institute of Management, Saint Petersburg, Russian Federation

BA student, Faculty of International Relations and Politics

E-mail: raleksandrov-23@ranepa.ru

Alina V. Kalashnikova, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, North-Western Institute of Management, Saint Petersburg, Russian Federation

BA student, Faculty of International Relations and Politics

E-mail: akalashnikova-23@ranepa.ru

Dmitry A. Loganov, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, North-Western Institute of Management, Saint Petersburg, Russian Federation

BA student, Faculty of International Relations and Politics

E-mail: dloganov-23@ranepa.ru

Academic Supervisor:

Svetlana A. Tulaeva, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, North-Western Institute of Management, Saint Petersburg, Russian Federation

E-mail: tulaeva-sa@ranepa.ru

Abstract

Introduction: In management teams, workplace groups, and student cohorts, decisions are constantly made to accomplish tasks. This process is influenced by numerous factors, including some established rules not only regulating the interactions, but can predetermining the participants' behavior, directly affecting the quality of the decisions made. This paper addresses the issue of how and why top-down rules impact the decision-making process and its outcomes.

Methods and Materials: The research is based on the classic theories of social psychology, specifically, those of groupthink, and the diffusion of responsibility, as well as management theories highlighting authoritarian and democratic types of governance. The major research method is a social experiment conducted in the form of a game. The experiment was carried out in April 2025 with the participation of the students from the North-West Institute of Management, RANEPA. During the experiment, different teams were assigned "authoritarian" and "democratic" decision-making rules.

Results and Discussion: In the pilot study, the teams playing by "authoritarian" rules exhibited quick decision-making, suppression of alternative opinions, and dependence on the leader's personality. In contrast, the teams playing by "democratic" rules were characterized by slower decision-making, open discussion, and susceptibility to authoritarian shifts.

Conclusions: The study demonstrates how different management regimes can be modeled, as well as the effects they produce. Additionally, a business game was developed during the research which can be employed in training future managers. This work may also be of interest as a methodological foundation for further research into the impact of established rules on the decision-making process.

Keywords: decision-making, authoritarian leadership, democratic leadership, groupthink, diffusion of responsibility, social experiment, formal rules, small group.

For citation: Agryzkov, A. A., Alexandrov, R. V., Kalashnikova, A. V., Loganov, D. A. (2026) The influence of given game rules on the decision-making process: results of a social experiment. *Novelty. Experiment. Traditions (N.Ex.T)*, vol. 12, no. 1 (33), pp. 87–100.

Author Contributions: *Agryzkov A. A.* — the development and description of the theoretical framework of the study, the development of the social experiment design, conducting and moderating the experimental game, the analysis of empirical data; *Alexandrov R. V.* — the development of the social experiment design, supervision of the two experimental groups during the game and recording observations of their performance, the analysis and the description of empirical data; *Kalashnikova A. V.* — the development and description of the theoretical framework of the study, the development of the social experiment design, recording general observations of all groups during the experiment, the analysis of empirical data; *Loganov D. A.* — the development of the social experiment design, the supervision of two experimental groups during the game and recording the observations of their performance, the analysis and description of empirical data.

ВВЕДЕНИЕ

Процесс принятия решений в малых группах встречается практически везде и всегда: на работе в коллективе, в студенческой группе или в команде политика. Схожие задачи в схожих социальных группах могут решаться с разной степенью успешности, в зависимости от установленных правил взаимодействия. Если формальные правила обычно продиктованы сверху, то неформальные формируются со временем, в процессе взаимодействия. Эти правила определяют, как будет идти ход обсуждения проблем, какие ценности считаются более приоритетными, кто имеет голос при принятии решения и пр. Это определяет результаты дискуссии и итоговые решения. В данной работе были поставлены следующие вопросы: Как и почему заданные формальные правила игры влияют на процесс принятия решений и трансформируются в ходе него? Какие факторы влияют на эти процессы?

Для ответа на эти вопросы мы обратились к теориям группового взаимодействия (Janis 1982; Lewin 1939; Latané, Darley 1968). Основываясь на этих исследованиях, были выделены основные факторы, способные повлиять на процесс принятия решения в малой группе. Основным методом исследования стал социальный эксперимент. Мы разработали и провели экспериментальную игру, суть которой состояла в том, чтобы посмотреть, как схожие задания выполняются группами, которым заданы разные правила взаимодействия.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ РАМКИ

Считается, что групповое взаимодействие повышает качество решения задач¹. Но на практике можно увидеть, как даже самая образованная и опытная команда способна совершать ошибки. Одной из концепций, позволяющей глубже понять социально-психологические аспекты взаимодействия малой группы, является теория группового мышления, или огруппление мышления (*groupthink*). Первоначально данная теория пыталась объяснить провалы в принятии военных и политических решений тех групп, чьи индивиды были весьма компетентны в своих вопросах². Суть теории заключается в том, что конформизм каждого участника группы или желание групповой гармонии могут привести

¹ *Зажогина Н. В.* Психологические особенности принятия решения в процессе группового взаимодействия // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. Серия: Педагогика и психология. 2010. № 4. С. 94.

² *Козелецкий Ю.* Психологическая теория решений: монография / пер. с польск. Г. Е. Минца, В. Н. Поруса; под ред. Б. В. Бирюкова. М.: Прогресс, 1979. С. 391.

к необдуманном решению, но одновременно с этим и к сплочению коллектива³. Само огруппление возникает из-за неумышленного подавления критических мыслей, вызванного усвоением групповых норм⁴. Каждый участник группы постоянно отвечает на вопрос: «Готов ли я пойти на это?» Это борьба между его собственным мнением и мнением коллектива.

Обычно групповому мышлению предшествуют три определенных условия. Во-первых, участники группы должны воспринимать ее как целое. Только после этого они могут испытывать чувство принадлежности к коллективу⁵. Во-вторых, немало значимы доминирующие нормы группы, которые сформировались в процессе взаимодействия ее членов⁶. В-третьих, это низкая самооффективность, возникшая из-за таких факторов, как усталость, низкая самооценка, негативная социальная обратная связь⁷. Это чувство неуверенности в поиске решения проблемы дает участникам группы больше оснований для подавления несогласия.

В самой группе наблюдается ряд факторов, по которым можно вычислить огруппление. Например, это присутствие чрезмерного оптимизма, готовности идти на риски и, как следствие, игнорирование высокой вероятности провала⁸. Также свои решения команда обычно «рационализирует», то есть дает ложное представление об объективности принятых шагов и выбранного пути⁹. Это позволяет отвергать любые сомнения и критику. Всё это оборачивается в веру в нравственную безупречность коллектива¹⁰. Участники верят, что они совершают благое дело и ради него можно игнорировать этические принципы: от банального служебного подлога до единичной или систематической смерти членов других групп (например, ограниченные военные действия). Участники других команд или конкретные оппоненты начинают приобретать «маски» и «костюмы» — стереотипизироваться и демонизироваться в разной степени¹¹. Подвергшиеся групповому мышлению чаще всего воспринимают оппонентов в качестве чистого зла, без умственных способностей, слабыми или безнравственными, действующими в своих интересах. А как известно, борьба со злом — святой долг каждого члена группы.

Одним из главных моментов становится самоцензурирование: участник коллектива намеренно не говорит о своих сомнениях, опасениях или критике принимаемых решений¹². Зачастую имеют место страхи общественного осуждения и исключения из команды. Вследствие этого может появиться иллюзия всеобщего согласия, при котором молчание интерпретируется не как, например, страх перед группой, а одобрение, поскольку расхождение не было высказано¹³.

Как показывают исследования, социальные условия, в которых взаимодействуют участники группы, также играют важную роль в процессе принятия решений. Одним из ключевых факторов таких условий выступает стиль руководства. Например, члены груп-

³ Там же. С. 392.

⁴ Janis I. L. Groupthink: psychological studies of policy decisions and fiascoes. 2nd ed. Boston: Houghton Mifflin, 1982. P. 85.

⁵ Baron R. S. So Right It's Wrong: Groupthink and the Ubiquitous Nature of Polarized Group Decision Making // Advances in Experimental Social Psychology. 2005. Vol. 37. P. 28. DOI: 10.1016/S0065-2601(05)37004-3. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0065260105370043> (дата обращения: 19.11.2025).

⁶ Ibid. P. 34.

⁷ Ibid. P. 36.

⁸ Janis I. L. Groupthink: psychological studies of policy decisions and fiascoes. 2nd ed. Boston: Houghton Mifflin, 1982. P. 85. URL: <https://archive.org/details/groupthinkpsycho00jani> (дата обращения: 19.11.2025).

⁹ Ibid. P. 86.

¹⁰ Ibid. P. 86.

¹¹ Ibid. P. 86.

¹² Ibid. P. 87.

¹³ Ibid. P. 87.

пы менее удовлетворены при авторитарном руководителе, нежели при демократическом¹⁴. Первый тип руководителей может повлиять на уровень агрессии в группе¹⁵. Так, стиль формирует эмоционально-психологическую атмосферу, задает рамки допустимых действий и определяет распределение ответственности, в которой протекает обсуждение¹⁶. Формальный лидер в этом случае играет роль источника основных «сил поля», определяя, какие ценности становятся значимыми, насколько участники включены в процесс, и могут ли они проявлять инициативу¹⁷. При авторитарном руководстве направление деятельности задается извне, что существенно ограничивает пространство свободного движения членов группы и приводит к снижению их внутренней мотивации. В таких условиях решения принимаются преимущественно сверху, а обсуждение превращается в формальность¹⁸. Участники чаще демонстрируют пассивность, перекалывание ответственности и тенденцию к конфликтным реакциям в условиях давления.

Демократический стиль создает «поле поддержки», где обсуждение формируется коллективно, а ответственность распределена между членами группы¹⁹. Это усиливает чувство принадлежности и способствует возникновению группового «мы», в рамках которого каждый участник ощущает себя частью общего решения²⁰. В такой атмосфере процесс принятия решений становится более открытым, гибким и ориентированным на поиск оптимального варианта, а не на следование заранее заданной линии.

Важно сказать, что структура группы сама по себе модифицирует влияние лидерства. С увеличением размера группы усложняется достижение согласия, возрастает вероятность образования подгрупп и площадок конкурирующих влияний²¹. Не менее важным в процессе принятия решений является характер коммуникации. При демократическом руководстве связи носят горизонтальный характер: участники активно взаимодействуют, делятся аргументами, выражают эмоции и стремятся к взаимопониманию²². При авторитарном стиле коммуникация становится вертикальной, что приводит к отчуждению и снижению вовлеченности.

Исследователи Джон Дарли и Бибб Латанэ предлагают обратить внимание на концепт диффузии ответственности, который предлагает существенный пересмотр причин бездействия свидетелей в критических ситуациях. Его основная суть заключается в том, что присутствие других персон сильно меняет психологическую динамику принятия решения у отдельного индивида, а не просто выявляет его личную апатию или безразличие²³. В тех ситуациях, когда свидетель находится один, вся тяжесть ответственности за оказание помощи ложится исключительно на него одного. Однако, как только появляются другие свидетели, эта ответственность мысленно перераспределяется между ними²⁴. В результате каждый из них чувствует себя менее обязанным вмешаться, поскольку думает, что эта задача может лечь на кого-то другого. Два других взаимосвязанных механизма усугубляют этот эффект. Во-первых, это страх перед негативной оценкой. Человек испытывает

¹⁴ Плаус С. Психология оценки и принятия решений / пер. с англ. М.: Филинь, 1998.

¹⁵ Lewin K., Lippitt R. O., White R. K. Patterns of Aggressive Behavior in Experimentally Created "Social Climates" // Journal of Social Psychology. 1939. Vol. 10, no. 2. P. 277.

¹⁶ Левин К. Разрешение социальных конфликтов / пер. с англ. И. Ю. Авидон; науч. ред. Н. В. Гришин. СПб.: Речь, 2000. С. 203.

¹⁷ Там же. С. 203.

¹⁸ Там же. С. 223.

¹⁹ Там же. С. 209.

²⁰ Там же. С. 210.

²¹ Там же. С. 205.

²² Там же. С. 203.

²³ Latane B., Darley J. M. Bystander Intervention in Emergencies: Diffusion of Responsibility // Journal of Personality and Social Psychology. 1968. Vol. 8, № 4. P. 377.

²⁴ Ibid. P. 378.

беспокойство по поводу того, как его действия будут восприняты окружением²⁵. Во-вторых, в условиях неопределенности люди склонны искать социальные подсказки в поведении других, чтобы объяснить ситуацию — феномен, известный также как следование общественному примеру, или плюралистическое неведение. Если другие наблюдатели сохраняют внешнее спокойствие (часто потому, что сами скрывают свое беспокойство и также ищут подсказки), индивид может сделать ошибочный вывод, что событие не является серьезным чрезвычайным происшествием, и, таким образом, вмешательство не требуется²⁶.

Была получена четкая обратная зависимость: с ростом числа предполагаемых свидетелей вероятность и скорость оказания помощи отдельным человеком значительно снижались²⁷. Важным выводом теории является то, что ситуационные переменные (количество людей) оказываются гораздо более сильным параметром поведения, чем диспозиционные (личностные черты). Следует, однако, учитывать, что феномен распыления ответственности проявляется не только в экстремальных ситуациях, как может показаться изначально. Эффект может наблюдаться даже в повседневной жизни. Например, когда после вопроса преподавателя на семинаре никто из студентов не отвечает²⁸. Или даже в профессиональной переписке, когда в рассылке с заданиями адресаты бездействуют, полагая, что обязанность выполнить поручение лежит на всех²⁹.

Исходя из вышеописанных теоретических концепций родились три гипотезы относительно того, как правила могут влиять на решения малой группы. Во-первых, авторитарный стиль управления группы уменьшает степень активности участников обсуждения. Во-вторых, в демократическом формате участники будут стремиться поддерживать процедурные аспекты дискуссии. В-третьих, в ситуации морально нагруженного решения члены групп предпочтут делегировать ответственность лидеру.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Для подтверждения гипотез использовался метод социального эксперимента. Была разработана и смоделирована игра, вдохновленная книгой Уильяма Голдинга «Повелитель мух». Все задания были представлены в Приложении 1³⁰. По сюжету игры участники, пролетая над необитаемыми островами, терпят крушение. Теперь им необходимо выжить на острове. Каждый раз перед испытуемыми встают трудности, которые они должны преодолеть для выживания.

Сама игра состоит из различных заданий. Они представляют из себя необходимость решения возникших проблем. Так, одно из заданий заставляет участников решить проблему, созданную природой: *«Начинается ураган. Ваш временный лагерь под угрозой»*. Другая проблема, которая могла возникнуть, в реальной жизни выглядела так: *«Вы понимаете, что нужно как-то привлечь внимание людей, которые могут проплывать на корабле или лететь на самолете мимо острова. При очередном исследовании обломков*

²⁵ Ibid. P. 382.

²⁶ Ibid. P. 378.

²⁷ Ibid. P. 379–380.

²⁸ Yun Z., Chen Y. A Study on Reticence in College EFL Classrooms: The Role of Diffusion of Responsibility // English Language Teaching. 2020. Vol. 13, no. 6. P. 141. DOI: 10.5539/elt.v13n6p133. URL: https://www.researchgate.net/publication/368133414_A_Study_on_Reticence_in_College_EFL_Classrooms_The_Role_of_Diffusion_of_Responsibility (дата обращения: 19.11.2025).

²⁹ Baron R. S. So Right It's Wrong: Groupthink and the Ubiquitous Nature of Polarized Group Decision Making // Advances in Experimental Social Psychology. 2005. Vol. 37. P. 515. DOI: 10.1016/S0065-2601(05)37004-3. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0065260105370043> (дата обращения: 19.11.2025).

³⁰ https://www.nxtjournal.ru/jour/manager/files/%D0%9F%D0%A0%D0%98%D0%9B%D0%9E%D0%96%D0%95%D0%9D%D0%98%D0%AF_1_2.pdf

вашего самолета вы нашли батарейки, парашюты и зеркала пассажиров. Ваши действия?» Некоторые морально нагруженные задания заставляли размышлять участников о жизни или судьбе других выживших. Задания сформулированы таким образом, чтобы дать участникам свободу действий и раскрыть их возможности взаимодействия. В то же время они выстроены так, чтобы поддерживать общую канву сюжета и позволять участникам больше вжиться в свои роли.

В ходе игры участники случайным образом делятся на две команды. Одной из команд задается авторитарный формат взаимодействия, другой — демократический. Процедура принятия решения в демократической группе изначально включает всех участников: каждый высказывает свое мнение в процессе обсуждения, и в конце вся команда голосует за одно из решений. В авторитарной группе существуют аналогичные правила за исключением голосования. Вместо него назначенный экспериментаторами сверху автократ озвучивает ответ, который он сочтет нужным. Лидер имеет широкие полномочия: он может запретить участникам говорить, может определять порядок обсуждения и пр. В свою очередь, участники могут поменять лидера, но при условии, что с этим будет согласно три четверти игроков. Для символического выделения автократа среди других участников игры ему выдаются черные очки.

Также в ходе игры реализуется система кураторства. Кураторы прикрепляются к каждой команде. Их задача состоит в том, чтобы следить за общим ходом игры, назначать лидера в авторитарных группах, зачитывать задания, рассказывать о последствиях решения группы и фиксировать поведение участников. Перед кураторами поставлена цель вовлечь испытуемых в игру, сделав ее как можно больше приближенной к реальности, чтобы участники забыли об окружающем мире.

В ходе пилотного исследования было проведено две экспериментальные игры в апреле 2025 г. со студентами СЗИУ РАНХиГС. В первой игре участвовало 23 человека (в команде автократов — 11 человек, в команде демократов — 12 человек). Во второй игре было 12 участников (6 в команде автократов и 6 в команде демократов). Продолжительность каждой игры составила полтора часа. На основе проведенных наблюдений были выявлены некоторые тенденции в процессе принятия решений в разных группах. В то же время исследование носило поисковый характер, и говорить о четких количественных корреляциях пока сложно. Это требует проведения дальнейших исследований. Экспериментальные задания зафиксированы в Приложении 1.³¹ Протокол наблюдений зафиксирован в Приложении 2³².

РЕЗУЛЬТАТЫ ЭКСПЕРИМЕНТА

Исходя из полученных данных эксперимента, которые продемонстрированы в Приложении 2³³, можно сравнить и проанализировать поведение участников. Для этого были выделены несколько основных критериев для сравнения процесса принятия решения при разных режимах управления (авторитарный/демократический): время игры, коллегияльность процесса принятия решений (количество активных участников), степень дискуссионности (количество решений, принятых без голосования, конфликтные эпизоды), скорость принятия решений, наличие/отсутствие процедуры принятия решения (количество голосований), стиль поведения лидера (решения, инициированные лидером,

³¹ https://www.nxtjournal.ru/jour/manager/files/%D0%9F%D0%A0%D0%98%D0%9B%D0%9E%D0%96%D0%95%D0%9D%D0%98%D0%AF_1_2.pdf

³² Там же.

³³ Там же.

оспаривание предложений лидера), наличие консенсуса итогового решения (количество оспариваемых жестких решений).

1. «Автократы»

В обеих командах коллегиальность обсуждения была формальной. В основном было 3–4 активных участника в каждой команде, которые регулярно высказывали свое мнение на каждом задании. Остальные игроки с ними соглашались. В первой команде это было следствием эмоциональной консолидации группы вокруг лидера, во второй — результатом четкой структуры распределения ролей лидером между участниками. Степень дискуссионности в обеих группах быстро снижалась. К примеру, в первой команде конкуренция мнений была еще при выполнении первого задания, но уже после третьего мнение лидера не подлежало оспариванию. Вторая команда показала еще меньшую готовность к дискуссии. Вторая группа за счет меньшего состава и лучшей организации справилась с заданиями быстрее. В целом обе группы решали задания быстро и ближе к концу почти не тратили времени на обсуждение. Формальные голосования использовались главным образом для легитимации уже принятых решений в обеих командах. Процедура имела декоративный характер и редко меняла исход, создавая иллюзию вовлеченности.

В первой группе морально нагруженные задания решались достаточно быстро, несмотря на наличие споров. Лидер действовал радикально и мог согласиться на жестокие решения в экстренных ситуациях во благо группы. Например, в задании 6 нужно было решить, что делать с человеком, который хочет уйти с припасами от команды. Лидер решил «оглушить» участника. В задании 9 встал вопрос о продовольственных припасах, после того как закончилась еда, и лидер первой команды решил «съесть» одного из участников. Во второй команде жесткие решения практически не принимались благодаря гуманной позиции лидера и скоординированности действий членов команды между собой. В этих же заданиях лидер второй команды старался договориться без насилия и не жертвовать никем из своей группы. В обеих командах большинство поддерживало принимаемые лидерами решения.

Внешние атрибуты и формальные знаки власти существенно усиливали восприятие лидера. После появления «очков лидера» участники практически автоматически воспринимали позицию лидера как более предпочтительную.

Таким образом, можно выделить несколько основных характеристик, свойственных «автократам». Во-первых, это оперативность процесса принятия решений. Централизация власти в ходе принятия решений обеспечивает скорость их принятия, но поспешные решения приводят к ошибкам (особенно в ходе принятия морально нагруженных решений), которых при более долгом обсуждении можно было бы избежать. Во-вторых, это ритуализированность. Даже при явном авторитарном стиле управления команды сохраняют «демократические» ритуалы (обсуждение, голосование), поскольку они служат легитимации принятых автократом решений. При этом в экстремальных условиях группа сохранит автократическую модель с доминированием лидера. В-третьих, внешние атрибуты лидерства усиливали его легитимность. Символы («очки лидера») действовали как маркер власти и сокращали конкуренцию.

В целом для Группы 1 был характерен авторитарный стиль принятия решений, склонный к радикализации. Решения по морально нагруженным вопросам принимались быстро, а оспаривание подавлялось лидером. Для Группы 2 был характерен элитарно-коалиционный стиль принятия решений. Обсуждение формально сохранялось, но реальная власть быстро сконцентрировалась в руках лидера и небольшого круга его сторонников. Остальные участники были переведены на роль исполнителей.

2. «Демократы»

Для Группы 1 было характерно постоянное активное участие 7 из 12 игроков. Не было выделено доминирования одного или двух игроков, в первой команде был один участник, который в пяти заданиях первым брал инициативу, но не подавлял других участников. Обсуждения шли без серьезных разногласий, учитывалось мнение всех участников. После высказанных предложений участники всегда приходили к консенсусу. Группа 2 отличалась наличием явно выраженного лидера с самого начала игры, однако его мнение не всегда было доминирующим. К концу игры, в ходе выполнения последнего задания лидер утратил свою позицию, и она перешла к другому игроку. В целом в ходе обсуждения все участники группы 2 были активны за счет меньшего количества людей. Таким образом, в обеих группах большинство игроков принимало участие в обсуждении. Коллективность больше отмечалась в первой группе, вторая группа отличалась большей дискуссионностью.

Скорость принятия решений варьировалась. В первой группе участники всегда укладывались в срок, но в двух вопросах, которые касались морального выбора (например, кого «спасти» и кого «съесть» из участников в ситуации нехватки еды), даже при даче окончательного ответа возобновлялись дискуссии о правильности действий. Вторая команда в 6 из 11 заданий не укладывалась в то время, которое давалось для решения задачи. Первая команда использовала процедуру голосования 2 раза, у них отсутствовали споры, поэтому все соглашались с окончательным решением. Вторая группа прибегала к голосованию 5 раз из-за сильных споров. Можно сказать, что обе группы использовали данную процедуру в случае наиболее спорных вопросов.

Участники в начале игры отличались большей гуманностью при принятии морально нагруженных решений: в первом задании обе группы спасли всех пассажиров, действовали осторожно. Однако в дальнейшем степень гуманизма при решении морально нагруженных заданий уменьшилась. Первая группа изначально пыталась не идти на жесткие решения, но в последних заданиях они допускали наличие жертв. Для второй же группы вопрос эффективности гуманных решений стал серьезным камнем преткновения для консенсуса, к которому участники приходили в начале игры. Так, в последнем задании (№ 11) игроки должны были выбрать новый общественный строй для дальнейшей жизни на острове. Между лидером и его конкурентом с более авторитарной позицией разразился большой спор, который пришлось разрешать голосованием, по итогам конкурента поддержало большинство участников. Его предложение исключало жизнь части участников, однако преподносилась как наиболее эффективный и единственно верный путь к выживанию: «средство оправдывает цель».

Таким образом, можно выделить несколько отличительных характеристик игры у «демократов». Во-первых, демократический стиль управления не гарантировал следование правилам гуманизма в кризисных ситуациях: обе группы проявляли жесткость и утилитаризм, особенно по отношению к вымышленным персонажам. Во-вторых, демократический стиль способствовал проявлению инициативы среди всех участников, смены лидеров, интенсивным обсуждениям и конкуренции внутри группы. В-третьих, демократические процедуры принятия решений продемонстрировали неустойчивость в кризисных ситуациях. К концу игры первая группа сохранила демократический формат принятия решений, в то время как вторая группа перешла к более авторитарному режиму управления, признав власть лидера-автократа. В сложных ситуациях участники были склонны перекладывать ответственность на вымышленных героев. В-четвертых, достижение консенсуса по обсуждаемым вопросам проходило достаточно сложно, об этом говорит использование игроками всего времени, данного на размышления, или выход за

его рамки. В обеих группах большинство игроков принимали активное участие в процессе принятия решений.

В целом Группа 1 продемонстрировала коллегиально-консенсусный стиль принятия решений и пришла к прямой демократии. Обсуждение было конструктивным, спокойным, с высокой степенью согласия. Как правило, решения были результатом коллективного обсуждения. Группа 2 продемонстрировала конкурентно-дебатный стиль принятия решений, для которого были характерны более явная конкуренция за лидерство, споры, смена лидера. Во второй группе личные позиции участников имели большее значение, чем процедуры. Демократия здесь проявилась не как поиск консенсуса, а как борьба идей и амбиций, где побеждала наиболее аргументированная позиция.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, можно выделить несколько основных аспектов процесса принятия решений у «автократов» и «демократов». «Авторитарные» правила игры определяли более централизованный процесс принятия решений и способствовали ритуализации процесса обсуждения. Демократическая же установка обеспечивала основу для дискуссии, но не предопределяла ее содержание и успешность. Заданные «авторитарные» правила ускоряли принятие решений, но не предопределяли их качество. Авторитарные процедуры сокращали время обсуждения, повышая оперативность действий, но это сопровождалось снижением качества аргументации и уменьшением поля для альтернативных мнений. Доминирование мнения лидера снижало инициативность участников и способствовало перекладыванию ответственности на него же. В демократии голос каждого имеет вес и влияние при голосовании, однако в больших группах присутствовало согласие с большинством и огруппление мышления, что наблюдалось в первой демократической группе из-за отсутствия в ней споров. Также «демократическая» установка не гарантировала сохранения демократических ценностей на протяжении всей игры и замедляла принятие решений. Исследование зафиксировало сдвиг к авторитарным установкам у «демократов» в ситуации принятия морально нагруженных и сложных решений.

Голосования у авторитарных групп выполняли функцию легитимации уже принятых решений, а символы власти, как «очки лидера», значительно усиливали способность лидера мобилизовать согласие. В то же время наблюдалась гибкость в использовании авторитарных практик: группы активно применяли централизованное руководство там, где требовались скорость и координация; однако в затруднительных ситуациях лидер ориентировался на мнение более компетентных членов своего доверенного круга. В то время как в демократических группах голосование использовалось как мера достижения консенсуса, а в случае со второй группой вообще поменяло строй и установило лидера.

Размер группы стал важной переменной в демократическом строе. Стиль коммуникации от консенсуса в более многочисленной группе пришел к конкурентному в малой группе. Это объясняется тем, что в первой команде было явно выраженное большинство, с которым соглашались остальные участники, а во второй команде присутствовали неформальный лидер и его конкурент с противоположными взглядами. Поведение участников продемонстрировало, что демократический стиль управления в малых группах — это динамический и хрупкий процесс, сильно зависящий от личных амбиций, размера группы и контекста принимаемых решений. Тем не менее изначальные демократические установки способствовали свободе выбора и инициативе внутри группы. В свою очередь, у авторитарных групп размер не сыграл большого значения, но стал показательным моментом в снижении инициативности, так как в малой группе у всех были свои роли, а в большой оспаривание решений лидера подавлялось.

Таким образом, авторитарный стиль обеспечивает скорость и управляемость ценой подавления альтернатив, а демократический — качество обсуждения ценой временных затрат, при этом реальный режим управления часто зависит от размера группы и личных амбиций участников.

Список источников

1. *Зажогина Н. В.* Психологические особенности принятия решения в процессе группового взаимодействия // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. Серия: Педагогика и психология. 2010. № 4. С. 93–101. EDN: OGIJVVH
2. *Козелецкий Ю.* Психологическая теория решений: монография / пер. с польск. Г. Е. Минца, В. Н. Поруса; под ред. Б. В. Бирюкова; послесл. Б. В. Бирюкова, О. К. Тихомирова; при ред. участии В. Ю. Крылова. М.: Прогресс, 1979. 504 с.
3. *Левин К.* Разрешение социальных конфликтов / пер. с англ. И. Ю. Авидон; науч. ред., вступ. ст. «Курт Левин: жизнь и судьба» Н. В. Гришина. СПб.: Речь, 2000. 408 с. ISBN 5-9268-0008-0.
4. *Плаус С.* Психология оценки и принятия решений / пер. с англ. М.: Филинь, 1998. 368 с. ISBN 5-89568-083-6.
5. Barron, G. (2002) Private e-mail requests and the diffusion of responsibility. *Computers in Human Behavior*. Vol. 18, No. 5. Pp. 507–520. DOI: 10.1016/S0747-5632(02)00007-9
6. Baron, R. S. (2005) So Right It's Wrong: Groupthink and the Ubiquitous Nature of Polarized Group Decision Making. *Advances in Experimental Social Psychology*. Vol. 37. Pp. 219–253. DOI: 10.1016/S0065-2601(05)37004-3
7. Janis, I. L. (1982) Groupthink: Psychological Studies of Policy Decisions and Fiascoes. 2nd ed., rev. and enl. Boston: *Houghton Mifflin*. Pp. 327–334. [Электронный ресурс]. URL: <https://archive.org/details/groupthinkpsycho00jani>.
8. Latané, B., Darley, J. M. (1968) Bystander Intervention in Emergencies: Diffusion of Responsibility. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 8, No. 4. Pp. 377–383.
9. Lewin, K., Lippitt, R. O., White, R. K. (1939) Patterns of Aggressive Behavior in Experimentally Created “Social Climates”. *Journal of Social Psychology*. Vol. 10, No. 2. Pp. 269–299.
10. Yun, Z., Chen, Y. (2020) A Study on Reticence in College EFL Classrooms: The Role of Diffusion of Responsibility. *English Language Teaching*. Vol. 13, No. 6. P. 133. DOI: 10.5539/elt.v13n6p133

Сведения об авторах:

Агрызков Андрей Алексеевич, студент 3-го курса бакалавриата, факультет международных отношений и политических исследований, Северо-Западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург, Российская Федерация); e-mail: platov752@yandex.ru

Александров Роман Викторович, студент 3-го курса бакалавриата, факультет международных отношений и политических исследований, Северо-Западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург, Российская Федерация); e-mail: raleksandrov-23@ranepa.ru

Калашникова Алина Владимировна, студентка 3-го курса бакалавриата, факультет международных отношений и политических исследований, Северо-Западный институт

управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург, Российская Федерация); e-mail: akalashnikova-23@ranepa.ru

Логанов Дмитрий Андреевич, студент 3-го курса бакалавриата, факультет международных отношений и политических исследований, Северо-Западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург, Российская Федерация); e-mail: dloganov-23@ranepa.ru

Научный руководитель: Тулаева Светлана Александровна, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры сравнительных политических исследований, Северо-Западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург, Российская Федерация); e-mail: tulaeva-sa@ranepa.ru

References

1. Zazhogina, N. V. (2010) Psychological Features of Decision-Making in Group Interaction. *Bulletin of M. A. Sholokhov Moscow State University for the Humanities. Series: Pedagogy and Psychology*. No. 4. Pp. 93–101. (In Russ.) EDN: OGJWVH
2. Kozeletskii, Yu. (1979) Psychological Theory of Decisions / trans. from Polish by G. E. Mintz, V. N. Porus; ed. by B. V. Biryukov; afterword by B. V. Biryukov, O. K. Tikhomirov; with editorial assistance from V. Yu. Krylov. Moscow: *Progress*. 504 p.
3. Lewin, K. (2000) Resolving Social Conflicts / trans. from English by I. Yu. Avidon; scientific editor and intro. "Kurt Lewin: Life and Fate" by N. V. Grishina. Saint Petersburg: *Rech' Publishing House*. 408 p.
4. Plous, S. (1998) The Psychology of Judgment and Decision Making / trans. from English. Moscow: *Filin' Publishing House*. 368 p.
5. Barron, G. (2002) Private e-mail requests and the diffusion of responsibility. *Computers in Human Behavior*. Vol. 18, No. 5. Pp. 507–520. DOI: 10.1016/S0747-5632(02)00007-9
6. Baron, R. S. (2005) So Right It's Wrong: Groupthink and the Ubiquitous Nature of Polarized Group Decision Making. *Advances in Experimental Social Psychology*. Vol. 37. Pp. 219–253. DOI: 10.1016/S0065-2601(05)37004-3
7. Janis, I. L. (1982) Groupthink: Psychological Studies of Policy Decisions and Fiascoes. 2nd ed., rev. and enl. Boston: *Houghton Mifflin*. Pp. 327–334. [Online resource]. URL: <https://archive.org/details/groupthinkpsycho00jani>.
8. Latané, B., Darley, J. M. (1968) Bystander Intervention in Emergencies: Diffusion of Responsibility. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 8, No. 4. Pp. 377–383.
9. Lewin, K., Lippitt, R. O., White, R. K. (1939) Patterns of Aggressive Behavior in Experimentally Created "Social Climates". *Journal of Social Psychology*. Vol. 10, No. 2. Pp. 269–299.
10. Yun, Z., Chen, Y. (2020) A Study on Reticence in College EFL Classrooms: The Role of Diffusion of Responsibility. *English Language Teaching*. Vol. 13, No. 6. P. 133. DOI: 10.5539/elt.v13n6p133

About the authors:

Andrey A. Agryzkov, BA student, Faculty of International Relations and Politics, North-West Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint Petersburg, Russian Federation); e-mail: platov752@yandex.ru

Roman V. Alexandrov, BA student, Faculty of International Relations and Politics, North-West Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint Petersburg, Russian Federation); e-mail: rleksandrov-23@ranepa.ru

Alina V. Kalashnikova, BA student, Faculty of International Relations and Politics, North-West Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint Petersburg, Russian Federation); e-mail: akalashnikova-23@ranepa.ru

Dmitry A. Loganov, BA student, Faculty of International Relations and Politics, North-West Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint Petersburg, Russian Federation); e-mail: dloganov-23@ranepa.ru

Academic Supervisor: **Svetlana A. Tulaeva**, PhD in Sociological, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Comparative Political Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, North-Western Institute of Management, Saint Petersburg, Russian Federation
E-mail: tulaeva-sa@ranepa.ru

Право на достойный уровень жизни: международно-правовые основы обеспечения

Вихрова Анастасия Вячеславовна, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Северо-Западный институт управления, Санкт-Петербург, Российская Федерация

студентка 2-го курса магистратуры, юридический факультет

E-mail: avikhrova-24@ranepa.ru

Научный руководитель:

Чимаров Николай Сергеевич, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Северо-Западный институт управления, Санкт-Петербург, Российская Федерация

E-mail: chimarov-ns@ranepa.ru

Аннотация

Введение: в статье рассматриваются особенности и проблемы обеспечения права на достойный уровень жизни с позиции международного регулирования. Сравнительное исследование универсальных и региональных международных актов в области прав человека позволило определить основные подходы к интерпретации рассматриваемой категории. Представленные выводы свидетельствуют об отсутствии четкой нормативной определенности в отношении содержания права на одежду как элемента права на достойный уровень жизни. **Цель** — выявить содержательную основу права на достойный уровень жизни, с конечной перспективой формулирования рекомендаций и предложений по дальнейшей адаптации соответствующей международно-правовой гарантии. **Задача:** провести комплексный анализ правовых и сопутствующих информационных актов международного характера на предмет определения действительного уровня проработки права на достойный уровень жизни.

Методы: при подготовке материала непосредственно применялся метод контент-анализа международных и региональных актов, регулирующих право на достойный уровень жизни, анализа практики Комитета по экономическим, социальным и культурным правам в области регулирования права на достойный уровень жизни. Используется межотраслевой подход в части взаимосвязи права на достойный уровень жизни с экономическими и социальными факторами.

Результаты исследования: представляется возможным конкретизировать содержание такого абстрактного понятия, как право на достойный уровень жизни, а также его элементов (права на одежду, жилье, питание), что повышает эффективность реализации названных прав. Исследование может способствовать уточнению данных положений в практике международных организаций, таких как ООН, и в решениях специализированных органов (например, Комитета по экономическим, социальным и культурным правам). Примечательно, что с доктринальной точки зрения право на одежду редко становится предметом самостоятельного детального анализа, что априори предполагает пробел в научном понимании.

Выводы: в целях обеспечения права на достойный уровень жизни необходима дальнейшая разработка права на одежду, которая требует: а) сбора информации о масштабах проблемы нехватки одежды и мерах, принимаемых для ее решения в конкретных странах; б) формулировки критериев достаточности одежды; в) учреждение специальных мониторинговых механизмов. На региональном уровне правовое выражение данной категории не является гармонизированным, уровень социальной защиты значительно варьируется от государства к государству.

Ключевые слова: достойный уровень жизни, права человека, социальные гарантии, право на одежду, социальное обеспечение, международное гуманитарное право.

Для цитирования: Вихрова А. В. Право на достойный уровень жизни: международно-правовые основы обеспечения // Новизна. Эксперимент. Традиции (Н.Экс.Т). – 2026. – Т. 12. – № 1 (33). – С. 101–112.

The Right to a Decent Standard of Living: The International Legal Framework for Ensuring

Anastasiia V. Vikhrova, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, North-Western Institute of Management, Saint Petersburg, Russian Federation

MA student, Faculty of Law

E-mail: avikhrova-24@ranepa.ru

Academic Supervisor:

Nikolay S. Chimarov, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, North-Western Institute of Management, Saint Petersburg, Russian Federation

E-mail: chimarov-ns@ranepa.ru

Abstract

Introduction: The article examines some specific characteristics and challenges of ensuring the right to an adequate standard of living from the international regulation perspective. The comparative study of some universal and regional international human rights instruments enabled the author to identify the major approaches to interpreting this category. The findings presented indicate the absence of clear normative certainty regarding the content of the right to clothes as an element of the right to an adequate standard of living.

The objective consists in identifying the substantive basis of the right to an adequate standard of living, with the ultimate aim of formulating recommendations and proposals for the further adaptation of the relevant international legal guarantee. **The specific goal is** to conduct a comprehensive analysis of legal and related international instruments to determine the actual level of elaboration of the right to a decent life style.

Methodology: The study directly applies the method of content analysis of international and regional instruments regulating the right to an adequate standard of living, as well as the analysis of the practice of the Committee on Economic, Social and Cultural Rights in this field. An interdisciplinary approach is used to examine the interrelation of the right to an adequate standard of living with economic and social factors.

Results: It appears possible to specify the content of such an abstract concept as the right to an adequate standard of living, as well as its elements (the rights to clothes, housing, and food), which enhances the effectiveness of their implementation. The study may contribute to clarifying these provisions in the practice of international organizations, such as the United Nations, and in the decisions of some specialized bodies (for example, the Committee on Economic, Social and Cultural Rights). Notably, from a doctrinal perspective, the right to clothes rarely becomes the subject of independent detailed analysis, which a priori indicates a gap in scholarly understanding.

Conclusions: To ensure the right to an adequate standard of living, further development of the right to clothes is required, which entails: (a) collecting information on the scale of clothing deprivation and the measures taken to address it in specific countries;

(b) formulating the criteria for the adequacy of clothing; and (c) establishing specialized monitoring mechanisms. At the regional level, the legal expression of this category is not harmonized, and the level of social protection varies significantly from state to state.

Keywords: decent standard of living, human rights, social guarantees, the right to clothing, social security, international humanitarian law.

For citation: Vikhrova, A. V. (2026) The Right to a Decent Standard of Living: The International Legal Framework for Ensuring. *Novelty. Experiment. Traditions (N.Ex.T)*, vol. 12, no. 1 (33), pp. 101–112.

ВВЕДЕНИЕ

Несмотря на то что права человека представляют собой фундаментальную ценность и служат основой современного миропорядка, в исторической перспективе их становление сталкивалось с определенными сложностями восприятия. В частности, экономические и социальные права считались по своей природе производными (второй категории). В подобном ключе складывалась дискуссия относительно возможного содержания Всеобщей декларации прав человека 1948 г. Так, одним из пунктов обсуждения проекта документа стал вопрос о целесообразности включения права на достойный уровень жизни в таком широком объеме, в котором оно представлено сейчас¹.

В современных реалиях подобный подход невозможен как минимум ввиду усложнения аксиологических ориентиров международного сообщества. Между тем первоочередная задача государств и их объединений заключается в стабилизации процессов на всевозможных уровнях социокультурной интеракции. Существующие сегодня вызовы экономического и экологического характера непосредственно оказывают влияние и на способность государств к обеспечению достойного уровня жизни своим гражданам. Так, по данным ООН, в мире насчитывается примерно 100 млн человек, не имеющих крыши над головой. Еще 1,6 млрд человек во всем мире живут в неприемлемых условиях, около 15 млн человек подвергаются принудительному выселению, 700 млн человек живут в условиях крайней бедности².

Статистика показывает, что достойный уровень жизни как право и гарантия зачастую не реализуется должным образом. Содержание означенной категории, необходимость ее дефинитивного выражения нуждаются в проведении соответствующих теоретических исследований.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

С точки зрения международного обеспечения право на достойный уровень жизни содержится в большинстве ключевых актов международного характера — как универсальных, так и региональных, закрепляющих основные права и свободы человека. Стоит отметить, что наравне с формулировкой «достойный уровень жизни» используются также и иные: «достаточный жизненный уровень», «необходимый уровень жизни». По мнению Д. А. Пунтус, термин «адекватная социальная защита» также можно считать схожим по смыслу с термином «достойный уровень жизни»³. Впервые исследуемая категория была

¹ Aguiar Ribeiro do Nascimento G. (2018) The long road to the international recognition of economic and social rights: the right to an adequate standard of living // *The Age of Human Rights Journal*. No. 11. P. 53.

² Крыша над головой — необходимость, а не роскошь // Официальный сайт ООН [Электронный ресурс]. URL: <https://news.un.org/ru/story/2020/02/1372481> (дата обращения: 21.01.2026).

³ Puntus D. A. (2025) On the issue of the principle of ensuring a decent standard of living in the field of social security // *Analytical and Comparative Jurisprudence*. Vol. 1, no. 4. P. 478.

закреплена во Всеобщей декларации прав человека 1948 г. В соответствии с п. 1 ст. 25 означенного документа право на достойный уровень жизни подразумевает совокупность таких аспектов, как питание, одежда, жилье, медицинская помощь и социальное обслуживание. Представляется, что приведенный перечень не является исчерпывающим. Об этом свидетельствует наличие в формулировке рассматриваемой статьи слова «включая». В юридической литературе, например, активно обсуждается возможность включения права на интернет (права на свободный доступ в интернет) в категорию достойного уровня жизни⁴.

Следует согласиться с позицией Н. А. Яковенко, отмечающей, что Всеобщая Декларация прав человека 1948 г. стала основой для принятия большего числа актов, расширяющих и конкретизирующих право на достойный уровень жизни⁵. Одним из таких актов стал Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 г., обозначивший в п. 1 ст. 11 следующее дополнительное установление — «непрерывное улучшение условий жизни».

Исходя из содержания приведенных в различных международных актах определений права на достойный уровень жизни, следует говорить о том, что данное право раскрывается через совокупность отдельных составляющих его элементов. Для более тщательного изучения сущности права на достойный уровень жизни целесообразно проанализировать международно-правовое содержание этих элементов в двух направлениях, а именно посредством исследования практики универсального уровня ООН и практики Европейского союза (далее — ЕС), Совета Европы (далее — СЕ) и Организации американских государств (далее — ОАГ).

Практика универсального уровня позволяет вывести следующие положения, касающиеся элементов права на достойный уровень жизни. В частности, питание должно соответствовать в первую очередь таким критериям, как достаточность и доступность. В свою очередь, достаточность питания характеризуется признаками количества (уровнем пищевой ценности и минимальной калорийностью) и качества (отсутствием вредных веществ). Критерий доступности означает возможность обеспечения продовольствием как нынешнего, так и будущих поколений⁶.

Требование о необходимости обеспечения доступа к жилью возможно встретить, к примеру, в Конвенции о правах беженцев 1951 г. Однако с течением времени содержательная основа становится более комплексной. В современной интерпретации достойное жилище должно быть доступно с точки зрения расходов, пригодно для проживания, физически доступно, адекватно с культурной точки зрения. Данное право включает в себя также гарантии владения жильем, наличие услуг (имеется в виду водопровод, канализация и т. п.). Наиболее же актуальными проблемами по обеспечению этого права являются бездомность, криминализация лиц, живущих в условиях бездомности, а также принудительное выселение⁷.

⁴ *Rahimova M.* (2025) Is Internet access a unique right, an element of the right to a dignified life, or a means that ensures the right to a dignified life // *Uzhhorod National University Herald. Series: Law*. Vol. 1, no. 89. P. 403. DOI:10.24144/2307-3322.2025.89.1.56

⁵ *Яковенко Н. А.* Проблемы правовой квалификации права на достойный уровень жизни в российском и зарубежном законодательстве // *Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии*. 2021. № 2 (48). С. 103.

⁶ Доклад Специального докладчика по вопросу о праве на питание А/HRC/37/61: размещен 25 января 2018 года // Официальный сайт ООН [Электронный ресурс]. URL: https://documents.un.org/symbol-explorer?s=A/HRC/37/61&i=A/HRC/37/61_6986272 (дата обращения: 01.02.2026).

⁷ Доклад Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень, а также о праве на недискриминацию в этом контексте А/HRC/43/43: размещен 24 декабря 2019 года // Официальный сайт ООН [Электронный ресурс]. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/g19/353/92/pdf/g1935392.pdf?954900> (дата обращения: 01.02.2026).

В свою очередь, право на одежду является наименее определенным по своему содержанию, а потому достойным более детального анализа. Подобная гарантия не предполагает наличия специализированных механизмов обеспечения и не отражается в работе Специального докладчика или в конкретных Замечаниях общего порядка. По поводу данной ситуации М. Крейвен высказал мнение о том, что «Комитет не считает одежду вопросом, в котором государство может осуществлять значительный контроль, или вопросом, имеющим большое значение»⁸.

Право на одежду обособленно от других элементов права на достойный уровень жизни упоминается в некоторых международных актах, однако данные упоминания не содержат его отдельного толкования. Нет указаний, например, на то, как данное право должно быть сформулировано, какие конкретные обязательства возлагаются на государства для его обеспечения.

В свою очередь, множество уязвимых групп населения, их физическое и психологическое здоровье, развитие, само существование зависят от этого права напрямую. По справедливому замечанию А. Г. Самохваловой и ее коллег, невозможность найти одежду, которая соответствует потребностям и условиям жизни инвалидов, становится препятствием для их участия в жизни социума и затрагивает многие сферы жизни, в том числе образование и трудоустройство, оказывает влияние на качество их жизни⁹.

Следует учитывать, что отсутствие достаточной проработки отдельных элементов свидетельствует об объективных изъянах такой комплексной категории, как право на достойный уровень жизни. Подобная ситуация представляется критичной в контексте правоприменения. В данном случае можно говорить о проблеме условной эффективности данной гарантии, низведении ее до цели декларативного характера. Как следствие, целесообразным начинанием видится усиление составных частей права на достойный уровень жизни посредством их юридической оптимизации, представляющей собой включение соответствующих правовых гарантий в универсальные документы ООН, а также институциональное развитие — создание компетентных учреждений и назначение ответственных должностных лиц.

В своем исследовании Л. Грэм досконально исследовал практику Комитета по экономическим, социальным и культурным правам ООН в области разработки права на одежду. На базе полученной информации он сформулировал ключевой принцип, лежащий в основе данного права: одежда должна расширять возможности человека, не должна препятствовать реализации других его прав и причинять вред. Исходя из этого, право на одежду подразумевает под собой наличие следующих критериев: соответствие одежды климату, подходящий размер, производство из безопасных тканей, чистота, адекватность с культурной точки зрения, доступность по цене¹⁰.

В качестве возможных мер оптимизации права на доступ к одежде следует отметить, что Комитету необходимо в первую очередь включить данное положение в руководящие принципы отчетности по Международному пакту об экономических, социальных и культурных правах 1966 г.¹¹, что будет полезным инструментом в сборе информации

⁸ Craven M. (1995) *The International Covenant on Economic, Social, and Cultural Rights: A Perspective on Its Development*. Oxford, New York: Oxford University Press. P. 349.

⁹ Самохвалова А. Г., Шупова Н. С., Чагина Л. Л., Рогова К. И. Инклюзивная одежда как фактор психологического благополучия людей с ограниченными возможностями здоровья // *Клиническая и специальная психология*. 2025. № 14 (3). С. 69. <https://doi.org/10.17759/cpse.2025140305>

¹⁰ Graham L. D. (2023) *Reasserting the Right to Adequate Clothing in International Human Rights Law* // *Human Rights Law Review*. Vol. 24, no. 1. Pp. 10, 16.

¹¹ Руководящие принципы подготовки документов по конкретным договорам, подлежащих представлению государствами-участниками в соответствии со статьями 16 и 17 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах E/C.12/2008/2: приняты 24 марта 2009 года Официальный сайт МККК [Электронный ресурс]. URL: <https://ihl-databases.icrc.org/en/ihl-treaties/gciii-1949> (дата обращения: 05.02.2026).

о масштабах проблемы нехватки одежды и мерах, принимаемых для ее решения. В перспективе возможно организовать работу Специального докладчика по вопросу о праве на достаточную одежду.

В контексте регулирования права на достойный уровень жизни и отдельных его элементов небезынтересным начинанием является апеллирование к гарантиям регионального уровня. Для этого исследования целесообразно остановиться на подходах ЕС, СЕ и ОАГ, так как именно в документах данных объединений рассматриваемое право разработано на наиболее высоком уровне.

Основным документом ЕС по данному вопросу является Европейская опора социальных прав, принятая 13 декабря 2017 г.¹² (далее — Опора), которая состоит из 20 принципов, предусматривающих для европейских граждан равный доступ к рынку труда, справедливые рабочие условия, а также социальную защиту и включенность.

Европейская социальная хартия 1966 г.¹³ (далее — Хартия) закрепляет некоторые аспекты права на достойный уровень жизни в рамках СЕ.

Документами же ОАГ, устанавливающими содержание права на достойный уровень жизни, являются Дополнительный протокол к Американской конвенции о правах человека в области экономических, социальных и культурных прав от 17 ноября 1988 г.¹⁴, а также Американская декларация прав и обязанностей человека от 2 мая 1948 г.¹⁵ (применение данного документа ограничено государствами, не присоединившимся к Американской конвенции о правах человека, принятой 22 ноября 1969 г.¹⁶).

Сопоставление означенных документов позволяет выявить следующие особенности юридической интерпретации. Общей чертой для трех региональных систем является то, что достойный уровень жизни ставится в зависимость от материальной составляющей, а именно от размера вознаграждения за труд. Закрепляется, что работники имеют право на справедливую заработную плату, которая позволит обеспечить достойный уровень жизни им, а также их семье.

В данном случае актуальной становится проблема гендерного неравенства. Как подчеркнула в своей работе Д. С. Булат, часто для женщин ограничен доступ к достойной работе, что является примером такого феномена, как «стеклянный потолок». Также в некоторых сферах заработная плата, получаемая женщинами, в целом меньше, чем получаемая мужчинами за ту же работу¹⁷. В связи с этим стоит обратить внимание на явную диспропорцию: даже при формальном закреплении права на достойную оплату труда женщины оказываются в заведомо менее благоприятных условиях для достижения достойного уровня жизни.

¹² Interinstitutional Proclamation on the European Pillar of Social Rights // Official Journal of the European Union. C 428. 13.12.2017. Pp. 10–15.

¹³ Европейская социальная хартия (пересмотренная) 1996 г. // Правовая база «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120807/ (дата обращения: 01.02.2026).

¹⁴ Additional protocol to the american convention on human rights in the area of economic, social and cultural rights of 17 November 1988 // Официальный сайт Организации американских государств [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oas.org/juridico/english/treaties/a-52.html> (дата обращения: 01.02.2026).

¹⁵ American Declaration of the Rights and Duties of Man of 02 May 1948 // Официальный сайт Межамериканской комиссии по правам человека [Электронный ресурс]. URL: <https://www.refworld.org/legal/resolution/iachr/1948/en/46669> (дата обращения: 01.02.2026).

¹⁶ Американская конвенция о правах человека: принята Межамериканской конференцией по правам человека от 22 ноября 1969 года // Правовая база «Гарант» [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/2559460/> (дата обращения: 02.02.2026).

¹⁷ Булат Д. С. Деятельность специализированных учреждений ООН по обеспечению прав женщин и детей: ЮНИСЕФ и ООН-женщины // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 2-2 (65). С. 88. DOI: 10.24412/2500-1000-2022-2-2-87-89.

Продолжая разговор о материальной составляющей достойного уровня жизни, также стоит отметить, что в рамках ОАГ она расширяется: помимо права на справедливую заработную плату закрепляется также право на владение частной собственностью, «удовлетворяющей основные потребности для достойной жизни».

Регулирование права на достойный уровень жизни в рассматриваемых региональных объединениях имеет и иные схожие черты: затрагиваются вопросы социального обслуживания и обеспечения, медицинского ухода, права на жилье. Особенности же можно структурировать в две группы: содержательные и заключающиеся в характере закрепления социальных гарантий.

Одной из особенностей содержательного характера является, например, то, что в ЕС право на достойный уровень жизни имеет бóльшую социальную направленность, чем в иных регионах. В отличие от документов СЕ и ОАГ, в Опоре, помимо права на получения вознаграждения за труд, обеспечивающего достойный уровень жизни, закрепляется также право на получение любым лицом, у которого недостаточно средств, минимального дохода, обеспечивающего достойную жизнь. Также в Опоре делается акцент на достойную жизнь людей с ограниченными возможностями, а не только на пожилых людей.

Содержание права на достойный уровень жизни в документах ОАГ имеет свои характерные черты. В них уникальная роль в достижении достойного уровня жизни отводится праву на образование: закрепляется, что оно должно способствовать достижению достойного уровня жизни. В свою очередь, в отличие от документов СЕ и ЕС, в документах ОАГ отдельно закрепляется право на питание.

Среди иных характеризующих моментов следует отметить, что документы ЕС и ОАГ носят декларативный характер, что не способствует практической реализации закрепленных там прав. В Хартии же закрепляются конкретные механизмы и обязанности государств в целях эффективного обеспечения права на достойный уровень жизни.

В продолжение разговора о специфике регулирования права на достойный уровень жизни на уровне таких региональных организаций, как ЕС, СЕ и ОАГ, следует обратиться к практическим примерам.

Согласно выводам ЕСПЧ по делу *A.P. v. Austria*, от обеспечения права на достойную одежду и достойное питание (в том числе воду) в некоторых обстоятельствах напрямую может зависеть человеческая жизнь. Сам инцидент касался смерти военнослужащего, который был вынужден проводить тренировку в 30-градусную жару. Оценив действия командования, ЕСПЧ счел действия ответственных лиц как достаточные для целей профилактики. В частности, военнослужащим предоставлялись облегченная форма одежды и снаряжение, а также дополнительный запас воды, пункты с фруктами и водой по пути следования тренировки¹⁸.

Актуальной для темы исследования также является практика ЕСПЧ по делам о ненадлежащих условиях содержания в тюрьмах, затрагивающих такие права заключенных, как право на достойное жилище (надлежащее размещение), право на питание, право на одежду. Проблема перенаселения тюрем со всеми вытекающими из этого обстоятельствами была затронута ЕСПЧ в отношении разных стран: Италии, Греции, Франции¹⁹.

В деле *Torreggiani and Others v. Italy* заявители жаловались, например, на недостаточное количество места в камере и отсутствие приватности, так как в камере на человека

¹⁸ *A.P. v. Austria*, application no. 1718/21, judgment of 26 November 2024; European Court of Human Rights // Официальный сайт Европейского Суда по правам человека [Электронный ресурс]. URL: <https://golnk.ru/Qwpy8> (дата обращения: 25.02.2026).

¹⁹ *Филатова М. А., Бутко А.* Условия содержания под стражей: новый российский механизм защиты и практика европейских стран. Решение европейского суда по правам человека по делу Шмелев и другие против России // *Международное правосудие*. 2020. № 2 (34). С. 38. DOI: 10.21128/2226-2059-2020-2-27-46

было выделено лишь три квадратных метра, отсутствие горячей воды и недостаточное освещение и вентиляцию. Суд указал, что совокупность описанных условий содержания является нарушением права на защиту от пыток, бесчеловечного или унижающего достоинства обращения или наказания²⁰.

В рамках ОАГ стоит обратить внимание на такой документ, как «Принципы и передовой опыт защиты лиц, лишенных свободы, в Северной и Южной Америке», учрежденный в 2008 году²¹. Круг субъектов, к которым данные принципы применимы, не ограничивается лицами, лишенными свободы вследствие совершения правонарушений или преступлений, но распространяется, например, и на лиц, находящихся в уязвимом положении, лишение свободы которых связано с гуманитарной помощью, лечением, опекой, защитой.

Элементы права на достойный уровень жизни в приведенном документе находят свое отражение в принципах 11, 12 и 16 и имеют свои характерные особенности. Так, например, в формулировке права на достойное питание помимо критериев качества и количества добавляются также критерии гигиеничности, регулярности, учета культурных и религиозных особенностей, особых потребностей или диеты лиц, лишенных свободы.

Право на достойное жилище в условиях лишения свободы трансформируется в право на достойное размещение, которое включает в себя достаточное пространство (в том числе отсутствие перенаселения учреждения пребывания), наличие инфраструктуры, состоящей из вентиляции, освещения, отопления, наличие отдельной кровати.

Примечательно, что в регионе ОАГ означенная категория получает повышенный уровень обеспечения путем национального регулирования. Перечень минимального объема гарантий в Федеральной Конституции Бразилии, принятой в 1988 году²², содержится в ст. 6 и включает в себя в том числе гарантии помощи бездомным, обязанность государства по предоставлению жилья, право на пропитание, гарантии на получение минимальных выплат для лиц, находящихся в уязвимом социальном положении, и др.²³

Отдельного упоминания достоин и проект Конституции Республики Чили, разработанный в 2022 году²⁴. Несмотря на то что документ так и не был принят, в чилийском обществе его содержание вызвало большой резонанс в момент обсуждения. Проект содержал обширный круг социальных гарантий и прогрессивных решений, за счет чего в научной литературе его даже называют в некоторой степени утопичным²⁵.

Так, ст. 54 документа устанавливала, что производство достаточного числа продуктов питания — долг государства. В соответствии со ст. 56 каждый человек имеет право на адекватное, здоровое, полноценное питание, с учетом сложившихся культурных традиций.

²⁰ Torreggiani and Others v. Italy, application no. 43517/09, judgement of 8 January 2013: European Court of Human Rights // Официальный сайт Европейского Суда по правам человека [Электронный ресурс]. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/app/conversion/pdf/?library=ECHR&id=002-7400&filename=002-> (дата обращения: 25.02.2026).

²¹ Principles and Best Practices on the Protection of Persons Deprived of Liberty in the Americas. No. 1/08 of 13 March 2008 // Официальный сайт Межамериканской комиссии по правам человека [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oas.org/en/iachr/jsForm/?File=/en/iachr/mandate/basics/principlesdeprived.asp> (дата обращения: 24.02.2026).

²² Constitution of the Federative Republic of Brazil of 05 October 1988 // Constituent [Электронный ресурс]. URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Brazil_2017 (дата обращения: 25.02.2026).

²³ Чумаров Н. С. Конституционно-правовые основы обеспечения социально-экономических прав человека в контексте опыта Федеративной Республики Бразилии // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. № 2. С. 174. DOI 10.23672/SAE.2023.60.14.001

²⁴ Chile 2022 – Borrador de 04 Jul 2022. URL: https://constituteproject.org/constitution/Chile_2022D?lang=es (дата обращения: 25.02.2026).

²⁵ Чумаров Н. С. Особенности конституционно-правового развития Республики Чили // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2024. № 8. С. 147. DOI 10.24412/2220-2404-2024-8-18

В рамках темы исследования внимание привлекают нетипичные для основных законов гарантии. Например, в ст. 68 закрепляется право на достойное дожитие. По смыслу нормы лицо самостоятельно сможет принимать свободные и осознанные решения о том, как оно хочет, чтобы за ним ухаживали и как лечили в конце жизни.

В ст. 86 закрепляется гарантия всеобщего бесплатного доступа к базовым коммуникационным услугам надлежащего качества и с достаточной скоростью. По сути, данное положение закрепляет право на интернет и связь в качестве необходимой для жизни гарантии для каждого человека. Аналогично в ст. 59 такой гарантией признается право на жизненно необходимый минимум доступной и безопасной энергии.

Анализ региональной практики позволяет выявить проблему гармоничного подхода к пониманию права на достойный уровень жизни. Это создает неоднородное правовое пространство, где уровень социальной защиты значительно варьируется от государства к государству. Данная проблема усугубляется еще, например, и тем, что Хартия предусматривает систему «выборочной» ратификации, позволяя странам принимать лишь определенный набор пунктов. Это закреплено в ст. А Хартии, исходя из п. b) и c) которой обязательства по обеспечению некоторых прав, в том числе являющихся элементами права на достойный уровень жизни, не входят в обязанности сторон.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог всему вышесказанному, следует сформулировать следующие выводы. Право на достойный уровень жизни нашло свое закрепление как в универсальных, так и в специальных международных актах. Перечень элементов права на достойный уровень жизни, закрепленный в данных актах, не является исчерпывающим. Не исключено, что в будущем, в связи с возможным ростом потребностей человека, содержание права на достойный уровень жизни будет расширяться. Как отметил Н. С. Чимаров в своем исследовании, эволюция принципа уважения прав человека и основных свобод позволит выделять всё большее количество гарантий гуманитарного характера²⁶.

Проведенное исследование позволяет сформулировать вывод о том, что право на достойный уровень жизни представляет собой нечто большее, чем обеспечение базовых физиологических потребностей²⁷, включает в себя гарантии, способствующие не просто выживанию, а полноценной жизни и самореализации для каждого.

По мнению автора настоящего исследования, право на достойный уровень жизни неразрывно связано с обеспечением других прав человека. Так, в отсутствие у индивида достойного жилья, питания, одежды будут страдать его здоровье, достоинство, могут быть ограничены право на свободный выбор работы, право на образование.

Несмотря на неоспоримую значимость рассмотренного права, не все его элементы находятся в гармоничном сочетании, что проявляется как на универсальном уровне, так и на уровне региональных организаций, таких как ЕС, СЕ и ОАГ. Подобное условие не способствует необходимой реализации права на достойный уровень жизни.

Собственно наличие наднациональных примеров судебной практики в СЕ, существование конституционных гарантий в странах ОАГ позволяет обнаружить вариативные

²⁶ Чимаров Н. С. Проблемы единства интерпретации принципов защиты прав детей в системе международного права // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2025. № 8 (107). С. 402. DOI 10.24412/2500-1000-2025-8-402-406.

²⁷ Гишкаева Л. Л. Теоретические аспекты экономических категорий «уровень жизни» и «достойный уровень жизни» // Ежегодная итоговая научно-практическая конференция научно-педагогических работников: Сборник материалов конференции, Грозный, 22 февраля 2023 года. Том 2023. Грозный: Чеченский государственный университет им. А. А. Кадырова, 2023. С. 354. DOI: 10.36684/83-1-2023-350-355.

подходы правовой регламентации. Впрочем, наличие отдельных ярких примеров лишь подчеркивает фрагментарность права на достойный уровень жизни.

Наименее разработанным элементом рассматриваемой категории является право на одежду. Комитет по экономическим, социальным и культурным правам ООН не уделил должного внимания праву на одежду, что явилось следствием отсутствия закрепления и четких обязательств государств в этой сфере, а значит, и обеспечения данного права. Однако ни в коем случае нельзя умалять значения этого права, поскольку право на одежду выходит за рамки потребности в предоставлении одежды и включает в себя аспекты, связанные с достоинством, здоровьем, культурными потребностями и защитой от дискриминации. В связи с этим требуется дальнейшая конкретизация, толкование и активная реализация со стороны государств и международных органов права на одежду как неотъемлемого элемента права на достойный уровень жизни.

Анализ документов, регулирующих право на достойный уровень жизни в ЕС, СЕ и ОАГ, показал существенные расхождения в уровне правовой проработки рассматриваемого права и в практике его обеспечения. Следует признать, что среди всех рассмотренных регионов опыт СЕ представляет наиболее предметную систему правовых гарантий. Между тем сложившийся избирательный подход по принятию международных обязательств предполагает определенную уязвимость на пути эффективности реализации права на достойный уровень жизни. По крайней мере то, что является адаптивным инструментом для конкретного государства, не позволяет сформировать единое региональное выражение данного установления.

Список источников

1. Булат Д. С. Деятельность специализированных учреждений ООН по обеспечению прав женщин и детей: ЮНИСЕФ и ООН-женщины // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 2-2 (65). С. 87–89. DOI 10.24412/2500-1000-2022-2-2-87-89. EDN: ZYMNOO
2. Гишкаева Л. Л. Теоретические аспекты экономических категорий «уровень жизни» и «достойный уровень жизни» // Ежегодная итоговая научно-практическая конференция научно-педагогических работников: Сборник материалов конференции, Грозный, 22 февраля 2023 года. Т. 2023. Грозный: Чеченский государственный университет им. А. А. Кадырова, 2023. С. 350–355. DOI: 10.36684/83-1-2023-350-355. EDN: FJJLHN
3. Самохвалова А. Г. Инклюзивная одежда как фактор психологического благополучия людей с ограниченными возможностями здоровья / А. Г. Самохвалова, Н. С. Шипова, Л. Л. Чагина, К. И. Рогова // Клиническая и специальная психология. 2025. № 14 (3). С. 66–85. <https://doi.org/10.17759/cpse.2025140305>. EDN: XKJNHU
4. Филатова М. А. Условия содержания под стражей: новый российский механизм защиты и практика европейских стран. Решение европейского суда по правам человека по делу Шмелев и другие против России / М. А. Филатова, А. Бутко // Международное правосудие. 2020. № 2 (34). С. 27–46. DOI: 10.21128/2226-2059-2020-2-27-46. EDN: OIIFIWZ
5. Чимаров Н. С. Конституционно-правовые основы обеспечения социально-экономических прав человека в контексте опыта Федеративной Республики Бразилии // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. № 2. С. 173–176. DOI 10.23672/SAE.2023.60.14.001. EDN: ODZJBN
6. Чимаров Н. С. Особенности конституционно-правового развития Республики Чили // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2024. № 8. С. 145–148. DOI: 10.24412/2220-2404-2024-8-18. EDN: QHTFTQ

7. Чимаров Н. С. Проблемы единства интерпретации принципов защиты прав детей в системе международного права // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2025. № 8 (107). С. 402–406. DOI: 10.24412/2500-1000-2025-8-402-406. EDN: SMNMBO
8. Яковенко Н. А. Проблемы правовой квалификации права на достойный уровень жизни в российском и зарубежном законодательстве // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. 2021. № 2 (48). С. 102–107. EDN: HVQPED
9. Craven, M. (1995) *The International Covenant on Economic, Social, and Cultural Rights: A Perspective on Its Development*. Oxford, New York: *Oxford University Press*. P. 406.
10. Graham, L. D. (2023) Reasserting the Right to Adequate Clothing in International Human Rights Law. *Human Rights Law Review*. Vol. 24, no. 1. Pp. 1–18. DOI: 10.1093/hrlr/ngad039 EDN: EUMWKE
11. Aguiar Ribeiro do Nascimento, G. (2018) The long road to the international recognition of economic and social rights: the right to an adequate standard of living. *The Age of Human Rights Journal*. No. 11. Pp. 43–60.
12. Puntus, D. A. (2025) On the issue of the principle of ensuring a decent standard of living in the field of social security. *Analytical and Comparative Jurisprudence*. Vol. 1, no. 4. Pp. 477–481. DOI: 10.24144/2788-6018.2025.04.1.73 EDN: FZAEDX
13. Rahimova, M. (2025) Is Internet access a unique right, an element of the right to a dignified life, or a means that ensures the right to a dignified life. *Uzhhorod National University Herald*. Series: Law. Vol. 1, no. 89. Pp. 401–406. DOI: 10.24144/2307-3322.2025.89.1.56

Сведения об авторе:

Вихрова Анастасия Вячеславовна, студентка 2-го курса магистратуры, юридический факультет, Северо-Западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург, Российская Федерация); e-mail: avikhrova-24@ranepa.ru

Научный руководитель: Чимаров Николай Сергеевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного и гуманитарного права, Северо-Западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург, Российская Федерация); e-mail: chimarov-ns@ranepa.ru

References

1. Bulat, D. S. (2022) UN agencies working to ensure the rights of women and children: UNICEF and UN Women. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. Vol. 2-2, no. 65. Pp. 87–89. (In Russ.) DOI: 10.24412/2500-1000-2022-2-2-87-89
2. Gishkaeva, L. L. (2023) Theoretical aspects of such economic categories as “standard of living” and “decent standard of living”: Annual final scientific and practical conference of scientific and pedagogical workers: Collection of conference materials, Grozny: *Kadyrov Chechen State University*. Vol. 2023. Pp. 350–355. (In Russ.) DOI: 10.36684/83-1-2023-350-355
3. Samokhvalova, A. G., Shipova, N. S., Chagina, L. L. Rogova, K. I. (2025) Inclusive clothing as a factor in psychological well-being of people with disabilities. *Clinical Psychology and Special Education*. Vol. 14, no. 3. Pp. 66–85. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/cpse.2025140305>

4. Filatova, M., Butko, A. (2020) Conditions of detention: a new Russian remedy and the practice in European countries. Decision of the European Court of Human Rights in the case of Shmelev and Others v. Russia. *Mezhdunarodnoe pravosudie*. Vol. 10, no. 2. Pp. 27–46. (In Russ.) DOI: 10.21128/2226-2059-2020-2-27-46
5. Chimarov, N. S. (2023) Constitutional and legal foundations for ensuring socio-economic human rights in the context of the experience of the Federative Republic of Brazil. *Humanities, social-economic and social sciences*. No. 2. Pp. 173–176. (In Russ.) DOI 10.23672/SAE.2023.60.14.001
6. Chimarov, N. S. (2024) Features of constitutional and legal development of the Republic of Chile. *Humanities, social-economic and social sciences*. No. 8. Pp. 145–148. (In Russ.) DOI: 10.24412/2220-2404-2024-8-18
7. Chimarov, N. S. (2025) Problems of unity of interpretation of the principles of protection of children's rights in the system of international law. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. Vol. 8, no. 107. Pp. 402–406. (In Russ.) DOI: 10.24412/2500-1000-2025-8-402-406
8. Yakovenko, N. A. (2021) Problems of legal qualification of the right to a decent standard of living in russian and foreign legislation. *Proceedings of the Orenburg Institute (Branch) Moscow State Law University*. Vol. 2, no. 48. Pp. 102–107. (In Russ.)
9. Craven, M. (1995) The International Covenant on Economic, Social, and Cultural Rights: A Perspective on Its Development. Oxford, New York: *Oxford University Press*. P. 406.
10. Graham, L. D. (2023) Reasserting the Right to Adequate Clothing in International Human Rights Law. *Human Rights Law Review*. Vol. 24, no. 1. Pp. 1–18. DOI: 10.1093/hrlr/ngad039
11. Aguiar Ribeiro do Nascimento, G. (2018) The long road to the international recognition of economic and social rights: the right to an adequate standard of living. *The Age of Human Rights Journal*. No. 11. Pp. 43–60.
12. Puntus, D. A. (2025) On the issue of the principle of ensuring a decent standard of living in the field of social security. *Analytical and Comparative Jurisprudence*. Vol. 1, no. 4. Pp. 477–481. DOI: 10.24144/2788-6018.2025.04.1.73
13. Rahimova, M. (2025) Is Internet access a unique right, an element of the right to a dignified life, or a means that ensures the right to a dignified life. *Uzhhorod National University Herald*. Series: Law. Vol. 1, no. 89. Pp. 401–406. DOI:10.24144/2307-3322.2025.89.1.56

About the author:

Anastasiia V. Vikhrova, MA student, Faculty of Law, North-West Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint Petersburg, Russian Federation); e-mail: avikhrova-24@ranepa.ru

Academic Supervisor: Nikolay S. Chimarov, PhD in Jurisprudence, Associate Professor, Associate Professor of the Department of International and Humanitarian Law, North-West Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint Petersburg, Russian Federation); e-mail: chimarov-ns@ranepa.ru

Уголовная ответственность за порчу земель в отдельных государствах — участниках СНГ: сравнительно-правовой анализ и проблемы правоприменения

Мохова Настасья Андреевна, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Северо-Западный институт управления, Санкт-Петербург, Российская Федерация
студентка 4-го курса бакалавриата, юридический факультет
E-mail: nmokhova-22@edu.ranepa.ru

Научный руководитель:

Касторская Елена Владимировна, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Северо-Западный институт управления, Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: kastorskaya-ev@ranepa.ru

Аннотация

Введение: в статье рассматриваются особенности и проблемы уголовной ответственности за порчу земель в отдельных государствах — участниках СНГ. Сравнительно-правовое исследование норм уголовных кодексов России, Беларуси, Казахстана, Узбекистана и Армении позволяет определить общие подходы и национальные особенности в конструировании составов преступлений и системе санкций. Выводы свидетельствуют о наличии существенных различий при сохранении единой концептуальной основы, унаследованной от советского законодательства.

Материалы и методы: исследование проведено на основе анализа уголовного законодательства указанных государств, докладов ЮНЕП и научных источников. Применялись сравнительно-правовой, формально-юридический методы, метод системного анализа, статистический метод, а также контент-анализ международных документов.

Результаты исследования: систематизированы подходы к уголовно-правовой охране земель: с акцентом на уничтожение плодородного слоя (Беларусь), с детализированной градацией ущерба (Казахстан) и с широкими формулировками (Россия, Армения). Выявлен особый подход Узбекистана, где специальная норма о порче земель отсутствует. Установлены системные проблемы правоприменения: сложность доказывания, высокая латентность преступлений, коррупционные риски, недостаточная эффективность восстановительных механизмов. Несмотря на различия в законодательных конструкциях, государства — участники СНГ сталкиваются с единым комплексом криминогенных факторов.

Выводы: для повышения эффективности уголовно-правовой охраны земель необходима переориентация на восстановительное правосудие с законодательным закреплением обязанности виновного проводить рекультивацию. Требуется внедрение цифрового мониторинга (спутниковое зондирование, беспилотники) и специализация правоохранительных органов (по примеру экологической прокуратуры Беларуси). На межгосударственном уровне необходима гармонизация законодательства в рамках СНГ с учетом Модельного закона «Об охране почв» (2024).

Ключевые слова: порча земель, деградация земель, экологическое преступление, загрязнение почв, рекуперация земель, экологическая безопасность.

Для цитирования: *Мохова Н. А. Уголовная ответственность за порчу земель в отдельных государствах — участниках СНГ: сравнительно-правовой анализ и проблемы правоприменения // Новизна. Эксперимент. Традиции (Н.Экс.Т). – 2026. – Т. 12. – № 1 (33). – С. 113–121.*

Criminal Liability for Damage of Land in Certain Cis Member States: A Comparative Legal Analysis and the Issues of Law Enforcement

Nastasia A. Mohova, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, North-West Institute of Management, St. Petersburg, Russian Federation
BA student, Faculty of Law

E-mail: nmokhova-22@edu.ranepa.ru

Academic Supervisor:

Elena V. Kastorskaya, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, North-West Institute of Management, St. Petersburg, Russian Federation

E-mail: kastorskaya-ev@ranepa.ru

Abstract

Introduction: The article examines some characteristics, and the issues of criminal liability for damage to land specific CIS member states. The comparative legal study of the norms of the Criminal Codes of Russia, Belarus, Kazakhstan, Uzbekistan and Armenia enables the author to determine some common approaches, and national characteristics in the construction of crimes / corpus delicti, and the system of sanctions. The conclusions indicate the significant differences, but show the maintenance of a single conceptual framework inherited from the Soviet legislation.

Materials and methods: The study was conducted on the basis of the analysis of the criminal legislation of the states mentioned above, the UNEP reports, and scientific sources. The author employed the comparative legal and the formal legal methods, the system analysis method, the statistical method, as well as the content analysis of international documents.

Research results: The approaches to the criminal legal protection of land have been systematized: with the emphasis on the destruction of the fertile soil layer (Belarus), with a detailed gradation of damage (Kazakhstan), and with broad formulations (Russia, Armenia). A specific approach of Uzbekistan has been identified, where there is no special regulation on land damage. Some systemic problems of law enforcement have been identified, e.g., difficulty of proof, high latency of crimes, corruption risks, insufficient effectiveness of recovery mechanisms. Despite the differences in legislative structures, the CIS member states are faced with a single set of criminogenic factors.

Conclusions: To increase the efficiency of criminal legal protection of lands, a reorientation to restorative justice is required, with the legislative recognition of the obligation of the perpetrator to carry out reclamation. The introduction of digital monitoring (satellite sensing, drones) and specialization of law enforcement agencies (following the example of the environmental prosecutor's office of Belarus) are required. At the interstate level, it is essential to harmonize legislation within the CIS, taking into account the Model Law "On Soil Protection" (2024).

Keywords: land damage, land degradation, environmental crime, soil pollution, land reclamation, environmental safety.

For citation: Mohova, N. A. (2026) Criminal Liability for Damage of Land in Certain cis Member States: A Comparative Legal Analysis and Problems of Law Enforcement. *Novelty. Experiment. Traditions (N.Ex.T)*, vol. 12, no. 1 (33), pp. 113–121.

ВВЕДЕНИЕ

Земля как компонент природной среды выполняет уникальные экологические, экономические и социальные функции. Являясь основой жизни и деятельности человека, пространственным центром размещения производительных сил, главным средством производства в сельском и лесном хозяйстве, земля одновременно выступает всеобщим условием существования биосферы. Плодородие почв, их способность к самовосстановлению и устойчивость по отношению к загрязнителям относятся к исчерпаемым ресурсам, утрата которых может стать необратимой. Интенсификация антропогенного воздействия в XX–XXI веках привела к глобальной деградации земельных ресурсов. Промышленные выбросы, химизация сельского хозяйства, накопление отходов производства и потребления, техногенные аварии — всё это вызывает загрязнение, истощение, эрозию, засоление, заболачивание, разрушение почвенного покрова. По данным Программы ООН по окружающей среде, около 25 процентов¹ всех земель в мире подвержены деградации, что напрямую угрожает продовольственной безопасности, здоровью населения, состоянию экосистем и достижению целей устойчивого развития. В этих условиях уголовно-правовая охрана земель становится важнейшим инструментом государственной экологической политики, позволяющим применять наиболее репрессивные меры воздействия к нарушителям.

Страны Содружества Независимых Государств, имея общее правовое наследие советской эпохи и сходные экологические проблемы, развивают собственные модели криминализации экологических правонарушений, адаптируя их к национальным условиям и вызовам. Как отмечает О. Л. Дубовик² в своем фундаментальном труде, посвященном экологическим преступлениям, вопросы охраны окружающей среды и, в частности, земельных ресурсов остаются в центре внимания законодателей и правоприменителей на всем постсоветском пространстве. Фундаментальные основы правовой охраны окружающей среды, включая земельные ресурсы, заложены в трудах М. М. Бринчука³, который подчеркивает необходимость комплексного подхода к защите природы как единого целого.

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПОРЧУ ЗЕМЕЛЬ В ГОСУДАРСТВАХ — УЧАСТНИКАХ СНГ

Прежде чем перейти к сравнительному анализу уголовно-правовых норм, важно понять природу самого явления. Порча земель как криминогенный элемент детерминирована сложным комплексом экономических, социальных, организационных и правовых факторов.

Экономические причины занимают центральное место. В условиях рыночной конкуренции многие предприятия (особенно в сфере добычи полезных ископаемых, химической

¹ Экологическая ситуация в странах СНГ: 2020–2023 гг.: доклад Программы ООН по окружающей среде (ЮНЕП). Нью-Йорк: ООН, 2023. С. 12.

² Дубовик О. Л. Экологические преступления: комментарий к главе 26 Уголовного кодекса Российской Федерации. М.: Инфра-М, 2023. С. 238–245.

³ Бринчук М. М. Экологическое право: учебник. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Юрист, 2021. С. 45.

промышленности, сельского хозяйства) сознательно экономят на природоохранных мероприятиях, поскольку стоимость очистного оборудования, безопасной утилизации отходов или рекультивации земель часто превышает потенциальные штрафы.

Техногенный фактор также играет существенную роль: высокая степень износа основных фондов, использование устаревших технологий повышают риск аварийных разливов и выбросов.

Организационные и правовые причины включают в себя недостаточную эффективность государственного экологического надзора, нехватку квалифицированных кадров в контролирующих органах, сложность процедур привлечения к ответственности и, что особенно важно, наличие коррупционных связей между бизнесом и чиновниками, позволяющих минимизировать санкции или избежать их вовсе.

Социально-психологические факторы проявляются в низком уровне экологической культуры населения и лиц, принимающих решения, в восприятии земли не как общего достояния, требующего бережного отношения, а лишь как бесплатного ресурса или товара.

Все эти причины в разных пропорциях присутствуют во всех государствах СНГ, что и предопределяет сходство проблем правоприменения. К аналогичному выводу приходит и Е. Н. Литра⁴, отмечая, что, несмотря на различия в законодательных конструкциях, государства — участники СНГ сталкиваются с единым комплексом криминогенных факторов в земельной сфере.

Сравнительно-правовой анализ и оценка эффективности. Все рассмотренные государства — участники СНГ признают порчу земель преступлением, однако важно подчеркнуть, что речь идет не о любом случае ухудшения качества почв. Менее опасные нарушения, не повлекшие тяжких последствий или существенного вреда, квалифицируются как административные правонарушения. Так, в Российской Федерации ответственность за самовольное снятие плодородного слоя или уничтожение почвы при отсутствии признаков уголовного деяния предусмотрена статьей 8.6 КоАП РФ⁵. Подходы к конструированию составов преступлений и санкций демонстрируют существенные различия при сохранении общей концептуальной основы. Исследователи из разных государств — участников СНГ (в частности, казахстанский ученый К. А. Бакишев⁶) подчеркивают, что обновление уголовного законодательства в постсоветских республиках шло с учетом национальных приоритетов, что и привело к наблюдаемым различиям.

Объективную сторону преступления как способ деяния практически повсеместно образует загрязнение земли вредными веществами — химическими, радиоактивными или биологическими. В экологической науке под загрязнением понимают антропогенное привнесение в почву агентов различной природы, воздействие которых на живые организмы превышает природный уровень⁷. При этом законодательство России (ст. 254 УК РФ)⁸ и Армении (ст. 290 УК РА)⁹ оперирует более широкими формулировками, такими как «порча» или «повреждение» земель, что позволяет охватить разнообразные формы

⁴ Литра Е. Н. Современные подходы к вопросам криминализации деяний, связанных с нарушением земельного законодательства в странах СНГ // Право и политика. 2021. № 9. С. 226.

⁵ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 8.6.

⁶ Бакишев К. А. Экологические правонарушения в новом УК Республики Казахстан // Lex Russica. 2016. № 12. С. 134. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2016.121.12.133-140>

⁷ Мотузова Г. В., Карпова Е. А. Химическое загрязнение биосферы и его экологические последствия. М.: Изд-во Московского университета, 2013. С. 87.

⁸ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

⁹ Уголовный кодекс Республики Армения: от 18 апреля 2003 года № ЗР-528. Ст. 290. Порча земли.

их деградации. В свою очередь, Уголовный кодекс Беларуси (ст. 269 УК РБ)¹⁰ прямо выделяет в качестве квалифицирующего признака уничтожение плодородного слоя почвы. Казахстан (ст. 332 УК РК)¹¹ наряду с загрязнением отдельно криминализует деградацию земель, а также выделяет в качестве квалифицирующих признаков причинение крупного и особо крупного ущерба, включая совершение деяний на особо охраняемых природных территориях.

В Уголовном кодексе Республики Узбекистан ответственность за порчу земель предусмотрена статьей 196, которая объединяет в одном составе загрязнение или порчу земель, вод и атмосферного воздуха. Такой подход отличается от законодательства других государств – участников СНГ, где указанные деяния, как правило, разведены по разным статьям. Квалифицирующими признаками выступают массовое заболевание людей, гибель животных, птиц или рыбы либо иные тяжкие последствия. Санкции включают штраф, обязательные или исправительные работы, а при отягчающих обстоятельствах — лишение свободы до трех лет¹².

Ключевым элементом, усложняющим правоприменение во всех странах, является необходимость установления причинно-следственной связи между действиями виновного и наступившими последствиями. Характер этих последствий варьируется: российское законодательство (ч. 1 ст. 254 УК РФ) связывает состав с причинением вреда здоровью человека или окружающей среде. Квалифицированный состав (ч. 2 ст. 254 УК РФ) предусматривает усиление ответственности за те же деяния, совершенные в зоне экологического бедствия или в зоне чрезвычайной экологической ситуации, что существенно меняет объективную сторону преступления за счет указания на особый статус места совершения деяния. В Беларуси (ст. 269 УК РБ) ответственность связывается с совершением деяния на экологически неблагоприятной территории либо с причинением ущерба в особо крупном размере. В Казахстане (ст. 332 УК РК) и Армении (ч. 1 ст. 290 УК РА) особое внимание уделяется экономическому ущербу, например, снижению стоимости земельных участков или потере их плодородия.

Сложности усугубляются и несовершенством законодательной техники самой нормы в ряде государств. В российской доктрине неоднократно отмечалась избыточность терминов «отравление» и «иная порча» в диспозиции ч. 1 ст. 254 УК РФ. Так, в докторской диссертации Ю. А. Тимошенко¹³ обосновывается, что употребление терминов «отравление» и «иная порча» является излишним, поскольку их суть проявляется в одном и том же явлении — загрязнении почвы.

Санкции за порчу земель колеблются от крупных штрафов до длительных сроков лишения свободы. Наиболее строгие наказания предусмотрены в Беларуси (ч. 2 ст. 269 УК РБ, при наступлении тяжких последствий — до 7 лет), в Казахстане (ч. 3 ст. 332 УК РК — до 10 лет лишения свободы за особо тяжкие последствия на особо охраняемых природных территориях) и в России (ч. 3 ст. 254 УК РФ — до 5 лет лишения свободы, если деяние повлекло смерть человека). Казахстан выделяется максимальными размерами штрафов, исчисляемыми в тысячах месячных расчетных показателей, что оказывает значительное превентивное воздействие на бизнес.

Сопоставление санкций показывает, что формальная мягкость присуща не только Узбекистану. Российское законодательство также демонстрирует значительный либерализм:

¹⁰ Уголовный кодекс Республики Беларусь: от 9 июля 1999 года № 275-З. Ст. 269. Порча земель.

¹¹ Уголовный кодекс Республики Казахстан: от 3 июля 2014 года № 226-V ЗРК: принят Парламентом Республики Казахстан 3 июля 2014 года.

¹² Уголовный кодекс Республики Узбекистан: от 22 сентября 1994 года № 2012-XII. Статья 196. Нарушение условий использования земель, недр или требований по их охране.

¹³ Тимошенко Ю. А. Конструирование уголовно-правовых норм об ответственности за экологические преступления: проблемы теории и практики: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2019. С. 232.

основное наказание по ст. 254 УК РФ не предусматривает обязательных штрафов, а отнесение данного преступления к категориям небольшой и средней тяжести создает широкие возможности для освобождения от уголовной ответственности. Дела могут быть прекращены в связи с примирением сторон (ст. 76 УК РФ) либо с назначением судебного штрафа (ст. 76.2 УК РФ), максимальный размер которого ограничен суммой в 250 тысяч рублей. Однако, как подчеркивает О. В. Воронцова¹⁴, даже предусмотренные законом меры ответственности сталкиваются с правовыми ограничениями, которые препятствуют их полноценной реализации. При этом административные штрафы за порчу земель (ст. 8.6 КоАП РФ) для юридических лиц не превышают 80 тысяч рублей, что в условиях экономической деятельности крупных предприятий зачастую не оказывает должного превентивного воздействия. Таким образом, относительно мягкие санкции Узбекистана вписываются в общую для ряда рассмотренных государств — участников СНГ тенденцию, где уголовная репрессия в сфере охраны земель уступает место более гибким, но не всегда эффективным механизмам.

Анализ судебной практики и статистики раскрывает реальную эффективность уголовно-правовых норм и позволяет выявить общие системные проблемы. Сравнительный анализ эффективности правоприменения, основанный на данных доклада ЮНЕП, выявляет существенные различия в подходах стран СНГ к защите земель. В России, где основным объектом уголовного преследования выступают промышленные предприятия (65 % дел), наблюдается значительный перевес в сторону карательной функции: реальная рекультивация земель проводится лишь в 27 % случаев, а ущерб взыскивается в 43 %¹⁵. Более сбалансированной выглядит ситуация в Беларуси: здесь фокус смещен на агропромышленный сектор (70 % дел), а показатели возмещения вреда (61 %) и восстановления земель (38 %) заметно выше, что, по мнению экспертов, связано с эффективностью специализированной экологической прокуратуры¹⁶. Наибольших успехов в материальной компенсации добился Казахстан, где ущерб взыскивается в 78 % случаев; вероятно, это результат жестких санкций и законодательного акцента на экономической оценке вреда¹⁷.

Выявленные в ходе исследования системные проблемы носят транснациональный характер и требуют комплексного решения. К ним относятся: чрезвычайная сложность доказывания причинно-следственных связей, обусловленная необходимостью проведения дорогостоящих и длительных судебных почвоведческих экспертиз; высокая латентность преступлений, особенно связанных с накопленным (историческим) загрязнением; коррупционные риски, позволяющие минимизировать ответственность крупных хозяйствующих субъектов, и, как следствие, разрыв между формальным наказанием виновного и фактическим восстановлением экологического баланса нарушенных территорий. В российской практике эти сложности усугубляются правовой неопределенностью самой нормы. Как отмечает Е. Н. Литра, 97 % опрошенных экспертов указывают на редкость применения ст. 254 УК РФ именно из-за проблем отграничения преступления от схожих по объективной стороне административных правонарушений, предусмотренных статьями 8.2, 8.3 и 8.6 КоАП РФ. Сложившаяся административная практика борьбы с криминальной порчей земли, по мнению исследователя, не может быть признана оптимальной, а сама статья 254 УК РФ

¹⁴ Воронцова О. В. Ограничения в праве, влияющие на реализацию ответственности за порчу земли // Юридическая техника. 2018. № 12. С. 440.

¹⁵ Экологическая ситуация в странах СНГ: 2020–2023 гг.: доклад Программы ООН по окружающей среде (ЮНЕП). Нью-Йорк: ООН, 2023. С. 102.

¹⁶ Экологическая ситуация в странах СНГ: 2020–2023 гг.: доклад Программы ООН по окружающей среде (ЮНЕП). Нью-Йорк: ООН, 2023. С. 105.

¹⁷ Там же. С. 108.

не способна в полной мере выполнять возложенные на нее задачи¹⁸. Поддерживая данную точку зрения, Э. Н. Жевлаков относит некоторые составы экологических преступлений к числу заведомо «мертвых», не отражающих реальной опасности посягательств на окружающую среду, и относит к их числу и ст. 254 УК РФ¹⁹.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Преодоление этих проблем видится в реализации комплекса мер, которые можно структурировать по нескольким направлениям.

В сфере уголовной политики приоритетом должна стать последовательная переориентация с карательной модели на восстановительное правосудие. Это предполагает не просто декларирование, а законодательное закрепление безусловной обязанности виновного лица (вне зависимости от факта уплаты штрафа или отбытия наказания) провести рекультивацию нарушенных земель за свой счет в установленные сроки. Целесообразно рассмотреть возможность введения таких видов наказания, как обязательные работы по восстановлению земель, а также создание специализированных экологических фондов, аккумулирующих средства от штрафов и исков для финансирования рекультивации «бесхозных» или исторически загрязненных участков.

В области доказывания и процессуального контроля ключевым инструментом изменений способна стать цифровизация экологического надзора. Повсеместное внедрение технологий дистанционного зондирования земли, данных беспилотных летательных аппаратов и автоматических датчиков загрязнения позволит не только оперативно выявлять факты порчи земель и фиксировать источники загрязнения с минимальными временными затратами, но и формировать неопровержимую доказательственную базу. На законодательном уровне необходимо закрепить статус данных, полученных с помощью таких технологий, как официальных доказательств, имеющих приоритетное значение.

Институциональное развитие должно быть направлено на специализацию правоприменительных органов. Положительный опыт функционирования специализированной экологической прокуратуры в Республике Беларусь убедительно доказывает эффективность такого подхода. Представляется обоснованным создание специализированных следственных подразделений (или выделение отдельных следователей) по расследованию экологических преступлений в структурах Следственного комитета и МВД, а также формирование экологических судебных составов или коллегий в судах общей юрисдикции. Параллельно необходимо развитие сети аккредитованных экологических лабораторий и подготовка квалифицированных экспертов-почвоведов для сокращения сроков и повышения качества экспертиз.

Наконец, на межгосударственном уровне в рамках СНГ требуется активизация работы по гармонизации законодательства. Разработка и принятие модельного закона или модельных положений, содержащих унифицированные понятия «порча земель», «деградация», «рекультивация», а также единые подходы к исчислению размера вреда, создадут необходимую правовую основу для эффективного противодействия трансграничному экологическому ущербу, обмена передовыми практиками и оказания взаимной правовой помощи. Важным шагом на пути гармонизации законодательства в сфере охраны земель стало принятие 22 ноября 2024 года Межпарламентской Ассамблеей СНГ Модельного закона «Об охране почв». Данный документ содержит унифицированные

¹⁸ Литра Е. Н. Проблемы объективной стороны преступления, предусмотренного статьей 254 УК РФ // Закон и право. 2024. № 2. С. 268.

¹⁹ Жевлаков Э. Н. Уголовное природоохрнительное право России. М.: Проспект, 2023. С. 57.

понятия «деградация почв», «эрозия», «загрязнение», а также рекомендует государствам-участникам сближать национальное законодательство в части установления ответственности за порчу земель и механизмов восстановления нарушенных почв. Имплементация положений этого модельного закона в национальные правовые системы могла бы способствовать преодолению выявленных в настоящем исследовании различий в подходах к криминализации и санкциям.

Только реализация такого комплексного, межотраслевого и межгосударственного подхода, объединяющего усилия законодателей, правоприменителей, научного сообщества и институтов гражданского общества, способна обеспечить адекватный ответ на масштабный вызов деградации земельных ресурсов и в конечном итоге реализовать конституционное право каждого человека на благоприятную окружающую среду.

Список источников

1. Бакишев К. А. Экологические правонарушения в новом УК Республики Казахстан // Lex Russica. 2016. № 12. С. 133–140. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2016.121.12.133-140>
2. Бринчук М. М. Экологическое право: учебник. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2021. 720 с.
3. Воронцова О. В. Ограничения в праве, влияющие на реализацию ответственности за порчу земли // Юридическая техника. 2018. № 12. С. 439–442. EDN: XPMDTN
4. Дубовик О. Л. Экологические преступления: комментарий к главе 26 Уголовного кодекса Российской Федерации. М: Инфра-М, 2023. 352 с.
5. Литра Е. Н. Современные подходы к вопросам криминализации деяний, связанных с нарушением земельного законодательства в странах СНГ // Право и политика. 2021. № 9. С. 225–229. DOI: 10.47643/1815-1337_2021_9_225 EDN: JNHWDE
6. Литра Е. Н. Проблемы объективной стороны преступления, предусмотренного статьей 254 УК РФ // Закон и право. 2024. № 2. С. 268–272. DOI: 10.24412/2073-3313-2024-2-268-272. EDN: GXPCPJ
7. Мотузова Г. В. Химическое загрязнение биосферы и его экологические последствия / Г. В. Мотузова, Е. А. Карпова. М.: Издательство Московского университета, 2013. 304 с.
8. Жевлаков Э. Н. Уголовное природоохранительное право России: монография. М.: Проспект, 2023. 320 с. DOI: 10.31085/9785392335329-2020-376. EDN: JALOLK
9. Тимошенко Ю. А. Конструирование уголовно-правовых норм об ответственности за экологические преступления: проблемы теории и практики: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Тимошенко Юлия Александровна. Москва, 2019. 480 с.

Сведения об авторе:

Мохова Настасья Андреевна, студентка 4-го курса бакалавриата, юридический факультет, Северо-Западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург, Российская Федерация); e-mail: nmokhova-22@edu.ranepa.ru

Научный руководитель: Касторская Елена Владимировна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, Северо-Западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург, Российская Федерация); e-mail: kastorskaya-ev@ranepa.ru

References

1. Bakishev, K. A. (2016) Environmental Offences in the New Criminal Code of the Republic of Kazakhstan. *Lex Russica*, no. 12, pp. 133–140. (In Russ.) <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2016.121.12.133-140>
2. Brinchuk, M. M. (2021) Environmental Law: Textbook. 5th ed., revised and enlarged. Moscow: *Yurist*, 720 p. (In Russ.)
3. Vorontsova, O. V. (2018) Limitations in Law Affecting the Implementation of Liability for Damage to Land. *Legal Technique*, no. 12, pp. 439–442. (In Russ.)
4. Dubovik, O. L. (2023) Environmental Crimes: Commentary on Chapter 26 of the Criminal Code of the Russian Federation. Moscow: *Infra-M*, 352 p. (In Russ.)
5. Litra, E. N. (2021) Modern Approaches to the Issues of Criminalization of Acts Related to Violation of Land Legislation in the CIS Countries. *Law and Politics*, no. 9, pp. 225–229. (In Russ.) https://doi.org/10.47643/1815-1337_2021_9_225
6. Litra, E. N. (2024) Problems of the Objective Side of the Crime Under Article 254 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Law and Legislation*, no. 2, pp. 268–272. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2073-3313-2024-2-268-272> EDN: GXPCPJ
7. Motuzova, G. V. and Karpova, E. A. (2013) Chemical Pollution of the Biosphere and Its Environmental Consequences. Moscow: *Moscow University Press*, 304 p. (In Russ.)
8. Zhevlakov, E. N. (2023) Criminal Environmental Protection Law of Russia: Monograph. Moscow: *Prospekt*, 320 p. (In Russ.) <https://doi.org/10.31085/9785392335329-2020-376>
9. Timoshenko, Yu. A. (2019) Construction of Criminal Law Norms on Liability for Environmental Crimes: Problems of Theory and Practice. Doctoral Dissertation in Law. Moscow. 480 p. (In Russ.)

About the author:

Nastasia A. Mohova, BA student, Faculty of Law, North-West Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (St. Petersburg, Russian Federation); e-mail: nmokhova-22@edu.ranepa.ru

Academic Supervisor: Elena V. Kastorskaya, PhD in Jurisprudence, Associate Professor of the Department of Criminal, Faculty of Law, North-West Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (St. Petersburg, Russian Federation); e-mail: kastorskaya-ev@ranepa.ru

«Новизна. Эксперимент. Традиции» (Н.Экс.Т) /
“Novelty. Experiment. Traditions” (N.Ex.T)

Том 12. Выпуск 1 (33) – 2026
Российский научно-практический журнал
(сетевое издание)

18+

Выходит 4 раза в год
Все статьи рецензируются

Директор
издательско-полиграфического центра
Е. Ю. КНЯЗЕВ
Заведующая издательским отделом
Е. Г. ЗАКРЕВСКАЯ
Редактор
И. Е. ВИЛЬМАН
Корректор
М. П. КУЛИКОВА
Верстка
А. Л. СЕРГЕЕНОК

Сдано в набор 12.03.2026.
Подписано к публикации 30.03.2026.
Выход в свет 31.03.2026

УЧРЕДИТЕЛЬ:
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации: серия Эл № ФС 77-82820 от 18 февраля 2022 г. («Новизна. Эксперимент. Традиции» (Н.Экс.Т) / “Novelty. Experiment. Traditions” (N.Ex.T)).

(С 2014 по 2021 г. журнал выпускался под названием “Administrative Consulting”,
свидетельство о регистрации СМИ: Эл № ФС 77-59415 от 22 сентября 2014 г.)

Комплекс работ выполнен издательско-полиграфическим центром
Северо-Западного института управления
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации.
199004, Санкт-Петербург, 8-я линия В. О., д. 61.
Тел. (812) 335-94-97.

«Новизна. Эксперимент. Традиции» (Н.Экс.Т), 2026. Т. 12. Вып. 1 (33)